

Экономическая история

Том
Vol. 21 № 2 / 2025

Scholarly journal

Russian Journal of Economic History

Сквозной номер выпуска – 69

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут»

430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Экспертный совет:

Научный совет РАН

по экономической истории;

Научно-образовательный центр

«Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья»

Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;

Центр экономической истории

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43075

Издается с июня 2005 года

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,

ул. Большевикская, 68, оф. 411,

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 69

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«National Research

Ogarev Mordovia State University»

68, Bolshevikskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute»

19, Bakhtin St., 430905, Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Expert board:

Scientific Council of RAS on economic history;

Research and Educational Center

«The Economic History of Central Russia and the Middle Volga region»

of National Research Ogarev Mordovia State University; Center of Economic History

of Lomonosov Moscow State University

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43075

Published since June 2005

Publication frequency: quarterly

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevikskaya St., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia

History and Sociology Institute

Telephone: (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-econom-hist@isi.mrsu.ru

<http://jeh.isi.mrsu.ru/>

Журнал «Экономическая история»
входит в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU
и проект РИНЦ (сублицензионный договор
№ 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.);
в базу данных Ulrich's Periodicals Directory
американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены
по адресу: <http://elibrary.ru/default.asp>

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-48742
от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал
«Экономическая история» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

Компьютерная верстка
и художественное оформление
Г. Н. Давыдовой
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 24.06.2025.
Дата выхода в свет 30.06.2025.
Формат 70 × 108 1/16.
Усл. печ. л. 9,1
Тираж 300 экз.
Заказ № 4485
Цена свободная

Адрес типографии
Типография «Фабрика печати»
603057, г. Нижний Новгород,
ул. Шорина, 13/13 п1

The journal «Russian Journal of Economic History»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense
contract № 143-07/2010 19.07.2010)
Ulrich's Periodical directory database of the
American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
<http://elibrary.ru/default.asp>

The journal is registered by the Federal Service
for supervision of communications, information
technology, and mass media (certificate
of registration PI № FS77-48743
of February 28, 2012)

Before reprinting the reference
to the journal «Russian Journal of Economic
History» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with
the publishing author

Desktop publishing
and graphic design by
G. N. Davydova
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 24.06.2025.
Date of publishing 30.06.2025.
Sheet size 70 × 108 1/16.
Conventional printed sheets 9,1
Number of copies 300
Order No. 4485
Free price

Address printing
Printing house «Printing Factory»
603057, Nizhny Novgorod,
Shorina str., 13/13 p1, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Марискин Олег Иванович – *заместитель главного редактора*, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Алексеев Вениамин Васильевич – академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Бибиков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, mbibikov@mail.ru (Москва, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – профессор Цзилиньского университета, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Барнаул, Россия)

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Екатеринбург, Россия)

Карпов Сергей Павлович – академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, spkarp1204@yandex.ru, karпов@hist.msu.ru (Москва, Россия)

Керов Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, Высшая школа экономики, vvkerov@gmail.com (Москва, Россия)

Леонард Кэрл Скотт – профессор, Оксфордский университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Академия народного хозяйства и государственной службы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Великобритания; Москва, Россия)

Лизунов Павел Владимирович – доктор исторических наук, Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Северодвинск, Россия)

Макушев Анатолий Афанасьевич – доктор исторических наук, начальник Департамента управления делами Пенсионного фонда Российской Федерации, amakushev@100.pfr.ru (Москва, Россия)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН, dir_iri_ran@mail.ru (Москва, Россия)

Поткина Ирина Викторовна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Москва, Россия)

Саломатина Софья Александровна – кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Москва, Россия)

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, Институт экономики РАН, senyavsy@yandex.ru (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsent'ev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, the Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Historical Informatics, Lomonosov Moscow State University, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Veniamin V. Alekseev – Academician, Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History and Archeology, the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, istor@uran.ru, iia-history@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Viktor M. Arsent'ev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominik Barjo – Professor, the University of Paris IV (Paris, France)

Mikhail V. Bibikov – Doctor of History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, mbibikov@mail.ru (Moscow, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Chzhan Guansjan – Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, China)

Evgenya V. Demchik – Doctor of History, Dean, Faculty of History, Altai State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-447X>, demtchikev@mail.ru (Barnaul, Russia)

Vladimir V. Zapariy – Doctor of History, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, vvzap@mail.ru (Ekaterinburg, Russia)

Sergey P. Karpov – Academician, Russian Academy of Sciences, Dean of Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, spkarp1204@yandex.ru, karpov@hist.msu.ru (Moscow, Russia)

Valeriy V. Kerov – Doctor of History, National Research University Higher School of Economics, vvkerov@gmail.com (Moscow, Russia)

Carol Scott Leonard – Professor, Oxford University, National Research University Higher School of Economics, Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7383-9777>, carol.scott.leonard@gmail.com (Great Britain; Moscow, Russia)

Pavel V. Lizunov – Doctor of History, the Severodvinsk branch of Lomonosov Pomorian State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6658-8500>, pavelvl@mail.ru (Severodvinsk, Russia)

Anatoliy A. Makushev – Doctor of History, Head of Administration of the Pension Fund of the Russian Federation, amakushev@100.pfr.ru (Moscow, Russia)

Yuriy A. Petrov – Doctor of History, Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, dir_iri_ran@mail.ru (Moscow, Russia)

Irina V. Potkina – Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0593-338X>, potka@inbox.ru (Moscow, Russia)

Sof'ya A. Salomatina – Candidate of History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-6229>, ssalomatina@gmail.com (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Senyavskiy – Doctor of History, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, senyavsy@yandex.ru (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Professor, University of Helsinki, Department of Political and Economic Studies, the Honoured President of the International Association on Economic History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ

А. К. Кириллов, А. И. Свирепов

**НЕРАВЕНСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ДОХОДОВ В НАЧАЛЕ XX в.
ПО ДАННЫМ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ПОДАТНЫХ РАСКЛАДОВ
(БОГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ ТОМСКОГО УЕЗДА) 109**

С. Н. Андреенков

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМУМА
ТРУДОЙ В КОЛХОЗАХ И ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ
(СЕРЕДИНА 1950-х гг.) 124**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. М. Арсентьев, А. В. Слудных

**СТАНОВЛЕНИЕ ОПТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ
И ГЛАВНОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА ОПТИКИ 137**

Т. А. Чальцева

**РОЛЬ АКЦИЗНЫХ ЧИНОВНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ
ГУБЕРНСКОГО АКЦИЗНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ) 156**

А. В. Маклюков

**ФОРМИРОВАНИЕ РАЙОННЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1957–1966 гг.:
ПРЕДПОСЫЛКИ, УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ 165**

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

А. В. Никитина

**МОЛОДЕЖЬ НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОРДОВСКОЙ АССР) 179**

П. В. Волосатов, А. Н. Суродькина

**РАЗМЕЩЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ АРДАТОВСКОГО И АТЯШЕВСКОГО РАЙОНОВ
МОРДОВСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 189**

РЕЦЕНЗИЯ

В. В. Запарий

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Нефедов С. А. Как Россия стала отсталой страной.

**Факторы формирования феномена промышленного отставания
в России XIX века 196**

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 203

CONTENT

AGRICULTURAL HISTORY

Alexey K. Kirillov, Alexander I. Svirepov

**INEQUALITY OF PEASANT INCOMES AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY
ACCORDING TO WEST SIBERIAN TAX DISTRIBUTIONS
(BOGORODSKOYE COUNTY, TOMSK DISTRICT) 109**

Sergey N. Andreenkov

**CHANGES IN THE PROCEDURE FOR DETERMINING THE MINIMUM
WORKDAYS IN COLLECTIVE FARMS AND LABOUR BEHAVIOUR
OF COLLECTIVE FARMERS (MID-1950s) 124**

THE ECONOMIC DEVELOPMENT

OF RUSSIA IN THE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY

Nikolay M. Arsentyev, Anatoly V. Sludnyh

**THE FORMATION OF THE OPTICAL INDUSTRY IN RUSSIA
AND THE MAIN DOMESTIC OPTICS CENTER 137**

Tatyana A. Chaltseva

**THE ROLE OF EXCISE OFFICIALS IN THE FORMATION OF THE PROVINCIAL
EXCISE MANAGEMENT SYSTEM IN RUSSIA IN THE SECOND HALF
OF THE 19th CENTURY (USING THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE) 156**

Aleksey V. Maklyukov

**FORMATION OF REGIONAL ENERGY SYSTEMS IN THE FAR EAST OF THE USSR
IN 1957–1966: PREREQUISITES, PROBLEMS AND FEATURES 165**

ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE VICTORY

Alena V. Nikitina

**YOUNG PEOPLE ON THE LABOR FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
OF 1941–1945 (BASED ON MATERIALS OF THE MORDOVIAN ASSR) 179**

Pavel V. Volosatov, Anastasiya N. Surod’kina

**EMPLOYMENT AND ACTIVITIES OF EVACUATED CITIZENS IN THE TERRITORY
OF THE MORDOVIAN ASSR AT THE INITIAL STAGE
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 189**

THE REVIEW

Vladimir V. Zapariy

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

**Nefedov S. A. *How Russia Became a Backward Country. Factors of Formation
of the Phenomenon of Industrial Backgrowth in Russia in the XIX century* 196**

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 204

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.109-123

УДК 94.47(083)

А. К. Кириллов¹, А. И. Свирепов²

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия),
e-mail: alkir.nsk@gmail.com

² Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия),
e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Неравенство крестьянских доходов в начале XX в. по данным западносибирских податных раскладок (Богородская волость Томского уезда)

Аннотация

Введение. Давно обсуждаемый вопрос о степени неравенства в дореволюционной России разбирается с опорой на источники, прежде не использовавшиеся для решения этой задачи. Предметом внимания стало неравенство у крестьян – той части дореволюционного общества, для которой поиск сведений о доходах особенно труден.

Материалы и методы. В отсутствие прямых данных о крестьянских доходах для изучения взят источник косвенных данных. Ежегодно в каждом селении составлялись раскладочные приговоры – документы о раскладке общей для деревни суммы налогов на отдельных налогоплательщиков. Они позволяли оценивать неравенство в рамках данного селения с помощью математических методов. Из 500 изученных раскладочных приговоров были отобраны те, что касались трех селений одной из волостей близ губернского города Томска.

Результаты исследования. Анализ этих документов дал цифры индекса Джини в диапазоне от 0,3 до 0,4, а с поправочными коэффициентами – от 0,4 до 0,5. Цифры неравенства вырастут дополнительно на 0,05, если учитывать доход не отдельных хозяйств, а отдельных налогоплательщиков (годных работников).

Обсуждение и заключение. Полученные цифры работают против самых низких и самых высоких оценок крестьянского неравенства в дореволюционной России, выдвигавшихся ранее. Наши данные подкрепляют средние оценки, которые ставят дореволюционную Россию в ряд стран с не безмятежным и не катастрофическим положением. При этом даже на небольшом отрезке времени (шесть лет с 1902 по 1908 г.) заметны колебания индексов, которые согласуются с успешным развитием земледельческих хозяйств в избранных селениях. Существенным можно считать также различие индексов между отдельными селениями, различавшимися по степени развитости торговли и наличию винных лавок. В целом статья открывает возможность изучения данной темы с привлечением раскладочных приговоров из разных регионов.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, налоговая статистика, индекс Джини, измерение неравенства, сибирское крестьянство.

© Кириллов А. К., Свирепов А. И., 2025

Для цитирования: Кириллов А. К., Свирепов А. И. Неравенство крестьянских доходов в начале XX в. по данным западносибирских податных раскладок (Богородская волость Томского уезда) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 109–123. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.109-123.

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (руководитель Л. И. Бородкин).

Авторы благодарны Анастасии Геннадьевне Караваевой и команде сотрудников Государственного архива Томской области, без поддержки которых эта работа не могла бы состояться.

Alexey K. Kirillov¹, Alexander I. Svirepov²

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences? Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

² Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Inequality of Peasant Incomes at the Beginning of the 20th century According to west Siberian tax Distributions (Bogorodskoye County, Tomsk District)

Abstract

Introduction. The authors consider the long-debated question of the degree of inequality in Russia before the revolution on the basis of the sources that have not previously been used to solve this problem. The subject of attention is inequality among peasants – that part of pre-revolutionary society for which finding information about income amount is especially difficult.

Materials and Methods. In the absence of direct data on peasant incomes, a source of indirect data was taken for study. These are the distribution resolutions adopted annually in each village – documents on the distribution of the total amount of taxes for the village on individual payers. They make it possible to assess inequality within a given village using mathematical methods. Three neighbor villages near the provincial city of Tomsk were selected for the study out of 500 distribution resolutions found in the archive.

Results. Analysis of these documents yielded Gini index figures ranging from 0.3 to 0.4, and with correction factors ranging from 0.4 to 0.5. Inequality figures will increase by an additional five hundredths if we take into account the income of individual taxpayers (eligible workers) rather than individual households.

Discussion and Conclusion. The resulting figures of peasant inequality in the pre-revolutionary Russia work against the lowest and the highest estimates proposed earlier. Our data support average estimates that place the late imperial Russia among countries with neither a serene nor a catastrophic situation. The figures were not absolutely constant: even over a short period of time (6 years from 1902 to 1908), fluctuations in indices are noticeable, which are consistent with the successful development of agricultural households in the selected villages. The difference in indices between the villages, which differed in the degree of development of trade and the presence of pubs, can also be considered significant. In general, the article opens up the possibility of studying this topic using distribution resolutions from different regions.

Keywords: Late Imperial Russia; Tax statistics; Gini index; measuring inequality; Siberian peasantry.

For citation: Kirillov A. K., Svirepov A. I. Inequality of Peasant Incomes at the Beginning of the 20th century According to west Siberian tax Distributions (Bogorodskoye County, Tomsk District). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 109–123. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.109-123.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Scientific Fund grant, project no. 21-18-00509 “Evolution of income and property inequality of the Russian population: from the Great reforms to the “Velikiy perelom” (statistical and geoinformation analysis)” (led by Leonid I. Borodkin).

Authors are grateful to Anastasia G. Karavayeva and the team of the Tomsk region State Archive workers without whose generous support this research could not come true.

Введение

Материальное неравенство в дореволюционной России – тема отнюдь не новая. Школьники поздней советской эпохи твердо знали, что царское самодержавие было свергнуто рабочими и крестьянами, удрученными тяготами убогой жизни на фоне роскоши дворянства и буржуазии. В постсоветское время одной из составляющих новой парадигмы Б. Н. Миронова стало представление о том, что расслоение в дореволюционной России было не более или даже менее значительным, чем в западных странах (которые, однако, таких, как у нас, революций избежали). На этом фоне попытка искать новые данные для оценки дореволюционного неравенства может выглядеть как консервативное стремление вернуться к прошлому. Но речь не об этом. Задача, которую мы ставим перед собой, – найти новые данные для тех оценок, которые пока вынужденно опираются на весьма приблизительные показатели.

Дело в том, что самый желанный источник для расчета коэффициентов неравенства, столь важных для экономических историков, – это данные подоходного налога. Как указывают А. Аткинсон, Т. Пикетти и Э. Саес, в начале XXI в. внимание историков к налоговой статистике как материалу для изучения доходов богатой части общества явно выросло [8, р. 3]. Исследователи американского неравенства П. Линдерт и Дж. Вильямсон высоко ценят материалы подоходного налога и сетуют на их отсутствие до 1913 г., когда подоходного налога в США не было [12, р. 2].

Между тем в России подоходного налога не было до самого 1916 г., и даже после появления он был адресован в основном горожанам. К услугам исследователей неравенства крестьян – лишь те данные, на которых так долго изучалось крестьянское расслоение: всеобщая перепись 1897 г., отраслевые и местные переписи и выборочные статистические обследования. Д. Филд, еще в 1980-е гг. пытавшийся использовать эти данные для расчета индекса Джини [5], столкнулся с тем, что по отдель-

ным признакам (количество земли, скота и т. д.) индексы посчитать можно, но неясно, как их сводить в единый показатель.

Материалы и методы

Раскладка налогов и раскладочные приговоры. Именно эту задачу решают раскладочные приговоры – решения сельских сходов о раскладке, т. е. распределении между отдельными плательщиками налогов, причитающихся с целого сельского общества в центральный и местные бюджеты.

Удивительно, но даже в эпоху подушной подати знаменитая «душа мужского пола» выступала лишь условной единицей для расчета суммы налога, которую должно уплатить все сельское общество целиком. Эта сумма доводилась чиновниками до сведения общества, а далее крестьяне сами на сходе решали, с кого сколько взять.

Дело в том, что душа мужского пола, прочно утвердившаяся в крестьянских налогах с петровских времен, служила лишь расчетной единицей для определения чиновниками платежа, взимаемого с целого сельского общества. Ближайший к крестьянам финансовый орган государства – казенная палата той или иной губернии – различала своим недреманным оком не отдельных крестьян, а лишь отдельные селения. Распределение порученной сельскому обществу суммы между отдельными крестьянами оставалось на усмотрение сельского схода. Думали ли участники схода, распределяя налог, о справедливости – неизвестно, зато хорошо известно, что у богатых крестьян был стимул не перегружать бедных чрезмерно. Стимул этот – круговая порука: если бедные не заплатят разложенной на них части, доплачивать все равно придется богатым, да еще, не ровен час, и воинскую команду для взыскания недоимок пришлют. Уж лучше сразу разделить не по количеству душ мужского пола, а сообразно действительной платежной силе.

С конца XIX в., в свете планируемой, а затем и произошедшей отмены круговой поруки, раскладка податей по имущественным основаниям стала приобретать еще большее значение. Начиная с 1904 г.

(в Сибири – с 1906 г.) положение с крестьянскими налогами оказалось совсем дикушинным: коллективная ответственность за уплату сменилась единоличной, но раскладкой налогов по-прежнему занимался сельский сход. Конечно, у чиновников возникало опасение, как бы крестьяне не разложили львиную долю налогов на убогих, с которых нечего взять даже продажей имущества, и тем самым не оставили бы казну без денег.

Защиту от такой угрозы создало правило о необходимости в раскладочном приговоре заявить основания раскладки (какие единицы обложения используются, сколько рублей и копеек взимается за каждую единицу) и приложить перечень плательщиков (указав, сколько и каких именно единиц обложения есть у каждого). Основания раскладки в наших приговорах, как правило, немногочисленны, и они хорошо известны историкам: лошади, коровы, десятины пашни (изредка – овцы, свиньи, ульи, участие в маслоделии). Все это можно найти и в обследованиях статистиков. Но исключительная ценность раскладочных перечней (приложенных к раскладочным приговорам) – в том, что весомость каждой статьи оценена крестьянами с точностью до копейки. Таким образом, раскладочные перечни содержат косвенные данные о совокупном доходе крестьян.

Данные эти – не только косвенные, но и относительные. Они показывают не абсолютную состоятельность крестьян, но относительную зажиточность в сравнении с другими участниками данного перечня. Вот почему использование раскладочных приговоров как источника побуждает изучать неравенство в рамках отдельных селений. Тем самым мы поддерживаем замысел Т. Деннисона и С. Нафцигера, которые попытались оценить крестьянское неравенство «на микроуровне» – по отдельным селениям. Авторы были достаточно осторожны и при подведении итогов своей статьи поставили главной своей задачей скорее побуждение к обсуждению на основе новых источников, чем формулировку окончательных выводов. Тем не менее

они определенно заявили, что обнаружили в российской деревне XIX в. «явное неравенство – даже в пределах небольшой площади» [9].

Ежегодно в России начала XX в. составлялись десятки тысяч раскладочных приговоров. Историк, работающий с массовыми документами, обычно сталкивается с проблемой методов отбора небольшой их части, подлежащей изучению. В данном случае все иначе. Как правило, раскладочные приговоры уничтожались после выполнения плательщиками податных обязательств. Фонды волостных правлений (по крайней мере, в западносибирских архивах) содержат совершенно незначительные остатки этих документов. Спасает то, что приговоры обязательно посылались на проверку финансовым чиновникам и некоторые дела, сплошь заполненные раскладочными приговорами, сохранились в фондах податных инспекторов и казенных палат. Даже здесь, у чиновников, такие подборки сохранились лишь в виде исключения: за отдельные годы, по некоторым волостям (как правило, с пропусками селений или даже выборочно). Многие из сохранившихся приговоров лишены раскладочных перечней, что делает их неподходящими для наших задач. Часть приговоров с перечнями содержит неполную раскладку – только местных сборов или только государственных (как правило, раскладка оформлялась двумя приговорами, причем местные и государственные налоги раскладывались по разным основаниям). Это не позволяет получить правильную картину раскладки, а значит, использовать такие перечни невозможно. Большинство оставшихся приговоров сопровождается перечнями менее чем на 100 чел., что делает их непригодными для статистического анализа. Все эти ограничения резко сокращают число приговоров, подлежащих использованию.

Коллекцию раскладочных приговоров, хранящуюся в Государственном архиве Томской области, можно назвать богатой: около 2 000 экземпляров с 1899 по 1908 г. (почти все – в фонде податного инспектора 2-го участка Томского уезда). Обработав

первые 500 приговоров (по алфавитному перечню волостей), мы обнаружили – с учетом всех перечисленных ограничений – 46 полных раскладок, пригодных для статистического анализа. Из всех селений, представленных в этом наборе, по двенадцати есть приговоры за разные годы, что представляет первоочередной интерес по сравнению с изолированными приговорами. И только для четырех селений есть приговоры, покрывающие три различных года, с шестилетним разрывом между крайними точками. Все эти селения относятся к Богородской волости; наличные годы – это 1902, 1907 и 1908. Одно из них – Керевское – мы исключим из рассмотрения, так как раскладочные перечни за 1907 г. в нем составлены иначе, чем в других селениях, и требуют особых методов обработки. Для рассмотрения остаются селения Баткат, Каргалинское и Десятовское. Расположенные в пяти верстах друг от друга Баткат и Каргалинское принадлежали к одному сельскому обществу, но на деле жили каждое своей жизнью, в официально публикуемых перечнях населенных мест учитывались порознь и раскладки делали самостоятельно.

Богородская волость относилась к обширному Томскому уезду, который вместе со всей губернией быстро развивался экономически: с 1880-х гг. – за счет переселения крестьян, частью которого стало знаменитое столыпинское переселение; с середины 1890-х гг. – за счет Транссибирской железной дороги, открывшей возможность вывозить хлеб и масло из Сибири на мировой рынок. Крестьяне активно участвовали в этой торговле, покупали современную технику; сибирский хлеб шел на запад. Невзирая на челябинский тарифный перелом, Союз сибирских маслодельных артелей имел представительство даже в Лондоне.

Богородская волость располагалась недалеко от Томска – губернского города, университетской столицы Сибири и крупного торгового центра, отдельной железнодорожной веткой подключенного к Транссибу. Если верить спискам населенных мест,

волостной центр от Томска отделяло 55 верст; представленные у нас селения расположены в 75–80 верстах от Томска. Судя по описаниям А. А. Кауфмана, изучавшего северную часть Томского уезда, 20-верстное удаление от города несомненно давало возможность крестьянам тесно включаться в его хозяйственную жизнь, что определяется скоростью передвижения конной повозки с грузом. Это достаточно далеко, чтобы жители волости были лишены возможности обслуживать горожан за счет коротких однодневных поездок в город и вынуждены были (в отличие от пригородных селений) заниматься хлебопашеством как основным видом деятельности. Но это и достаточно близко, чтобы крестьяне могли включаться в торговлю, связанную с Томском как потребителем и как транспортным пунктом. Итак, наши селения не принадлежали к медвежьим углам, завязшим в натуральном хозяйстве, а напротив, располагались в районе быстрого экономического развития, локомотивом которого было сельское хозяйство.

Богородские индексы в мировом контексте. Для измерения неравенства были использованы два инструмента. Децильный коэффициент показывает, во сколько раз доход наименее богатого человека из верхних 10 % общества превосходит доход наименее бедного из нижних 10 %. Этот коэффициент, получаемый в результате элементарного деления одного числа на другое, удобен для экономических историков тем, что его величину можно хотя бы примерно оценить даже в отсутствие подробных данных. Для данной статьи ценно, что именно этот показатель больше всего используется в текущих спорах о дореволюционном неравенстве, причем оценки расходятся от 4,2–10,7 [4, с. 605] до 21,25 [6]. За счет использования децильного коэффициента наши данные оказываются сопоставимы с данными ключевых участников обсуждения.

В свою очередь, индекс Джини, сводящий в единую цифру все десять рубежных показателей между децилями (10-процентными частями) выбранной совокупности,

позволяет более точно измерить степень неравенства. П. Линдерт и С. Нафцигер используют коэффициент Джини наряду с децильным: в статье 2014 г. они оценивают неравенство среди крестьянских хозяйств в целом в 1904 г. цифрой в 0,36 [11, р. 787]. Индекс Джини имеет ограничения: авторы одного из европейских изданий о неравенстве указывают, что при одном и том же значении этого индекса может наблюдаться разная структура доходов – разный отрыв верхушки от всех прочих [10, р. 200–201]. Но децильный коэффициент в глазах тех же авторов еще менее ценен: они его даже не упоминают. Не упоминается децильный коэффициент среди измерителей неравенства и в самой свежей на сегодня научно-популярной книге исследователей-экономистов о неравенстве; авторы этой книги главным орудием измерения неравенства называют индекс Джини [14]. Даже Б. Н. Миронов, который главное внимание уделяет оценке децильного коэффициента, а индекс Джини в соответствующей главе «Благосостояния» приводит лишь однажды, именно этот ин-

декс называет наиболее адекватным способом оценки неравенства [4, с. 597–598].

Результаты исследования

Кроме двух рассчитанных нами индексов, в табл. 1 указано и число плательщиков, прямо названное в документах. Изменения этого числа зависят от внутренних причин (взросление детей, утрата трудоспособности стариками, смертность) и внешних обстоятельств (приход переселенцев, отделение новых селений из состава старого). Эти причины и обстоятельства не поддаются точному учету, но могут влиять на изменение уровня неравенства: молодежь и переселенцы были менее зажиточны, чем взрослые старожилы. Поскольку число плательщиков растет незначительно, можно думать, что наши индексы свободны от влияния демографических факторов.

Значения децильного коэффициента у нас колеблются в диапазоне от 4,4 до 7,7: таким образом, они укладываются в нижнюю часть диапазона, который дает Б. Н. Миронов, и несомненно работают в пользу низкого уровня расслоения. Крайние значения

Таблица 1
Коэффициенты неравенства доходов налогоплательщиков в селениях
Богородской волости Томского уезда¹ /
Table 1
Coefficients of the taxpayers' income inequality in the villages
of the Tomsk district Bogorodskoye county

Селение / Village	Год / Year	Число плательщиков / Number of taxpayers	Децильный коэффициент / Decile ratio	Индекс Джини / Gini coefficient
Баткат / Batkat	1902	145	7,71	0,404
	1907	156	6,80	0,390
	1908	160	6,88	0,387
Каргалинское / Kargalinskoye	1902	135	6,07	0,352
	1907	135	4,99	0,339
	1908	144	6,06	0,371
Десятовское / Dessyatovskoye	1902	117	7,12	0,389
	1907	128	4,39	0,304
	1908	127	4,80	0,327

¹ Рассчитано по: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 125. Л. 38–43, 85–94 об.; Д. 183. Л. 135–139; 147–150 об.; 151–154 об., 194–210 об., 227–231; Д. 225. Л. 536–538 об., 539–545; 554–564 об. / Calculated from: State Archive of Tomsk Oblast (GATO). F. F-200. Inv. 1. F. 125. P. 38–43, 85–94 Inv.; F. 183. P. 135–139; 147–150 Inv., 151–154 Inv., 194–210 Inv., 227–231; F. 225. P. 536–538 Inv., 539–545; 554–564 Inv.

в табл. 1 – 0,30 и 0,40. Посмотрим, как это соотносится с цифрами от иных авторов.

Прежде всего сопоставим наши цифры с другими данными по России начала XX в. Участники интернационального европейского коллектива полагают, что на момент отмены крепостного права индекс Джини составлял 0,50 или немногим более, к 1890 г. снизился примерно до 0,40 и на этом уровне оставался до начала 1910-х гг. [10, р. 206]. Ставя задачей оценить уровень неравенства для всех частей света одновременно, они не вдаются в перечисление всех источников своих данных, но по скупым ссылкам можно понять, что для России XIX в. они отталкиваются от данных Б. Н. Миронова за первую декаду XX в., строя при этом собственную реконструкцию недостающих данных за вторую половину XIX в.

Однако Б. Н. Миронов дает гораздо меньшие индексы. Споря с тезисом о быстром увеличении неравенства в пореформенное время, он высказывает мысль, что «степень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв., если ее оценивать... индексом Джини по доходу на человека, была невысокой – 0,133–0,206, и к 1917 г. едва ли могла возрасти сколько-нибудь значительно» [4, с. 597–598]. Источник цифр в данном случае не показан, но цифра интересна нам как самая низкая оценка индекса Джини применительно к дореволюционному российскому крестьянству. Представления Б. Н. Миронова о пониженном уровне неравенства у крестьян сравнительно с горожанами поддерживает Л. И. Бородин, который внимательно исследовал данные о заработной плате рабочих начала XX в. [1].

П. Линдерт и С. Нафцигер, в целом тоже считающие российскую деревню местом, не напряженным по части неравенства, дают гораздо более высокие показатели индекса Джини. В статье 2014 г. они оценивают неравенство среди крестьянских хозяйств в целом в 1904 г. цифрой в 0,36. Московскую и Петербургскую губернии называют единственными, где индекс Джини превышает 0,5, и связывают это с влиянием столичных городов. К районам высокого

неравенства относят Прибалтику, Южную Украину и Причерноморье, самое низкое неравенство доходов обнаруживают на севере Европейской России и на Верхней Волге. Сопоставляя Россию с разными странами от 1860-х до 1920-х гг., авторы получают по этим странам диапазон от 0,239 до 0,570; в основном это Латинская Америка и Африка; если брать влиятельные страны, то: Англия и Уэльс в 1867 г. – 0,490; США в 2003 г. – 0,464 [11, р. 787–790].

Самые высокие показатели индекса Джини для российского крестьянства начала века приводит Д. Филд в статье 1989 г. Большинство его значений, подсчитанных в масштабе отдельных уездов, укладывается в диапазон от 0,4 до 0,7, и верхняя грань этого диапазона ставит Россию вровень с самыми отсталыми странами Африки. Но они оценивают не общее неравенство крестьян, а неравенство по отдельным хозяйственным показателям, из которых автор придает особое значение распределению земли между крестьянами [5].

Продолжая тему сопоставлений между странами и эпохами, уже затронутую цифрами П. ЛиндERTA и С. Нафцигера, обратимся к статье П. ЛиндERTA в соавторстве с Б. Милановичем и Дж. Вильямсоном. Они приводят значения индекса Джини в основном для «доиндустриальных обществ», поэтому из западных стран есть только некоторые за XVIII – начало XIX в., а для конца XIX в. даны только страны Азии и Латинской Америки. Разброс велик: от 0,245 (Китай, 1880) до 0,635 (Новая Испания, около 1790). Причем у современных стран по данным на 2000 г. разброс оказывается немногим меньше: США – 0,399, Швеция – 0,273, Южная Африка – 0,573 [13, р. 263–264].

Как видно, даже для современных стран, насквозь пронизанных статистикой, разные авторы дают различные индексы. Чем дальше в глубь поколений, тем больше возрастает приблизительность цифр. Тем не менее вся совокупность оценок приводит к заключению, что наши показатели по Богородской волости соответствуют среднему диапазону мировых значений, отклоняясь

от средней линии скорее в нижнюю сторону, чем в верхнюю.

Обсуждение

Перепады индексов и изменения в хозяйстве. Теперь можно приступить к самому интересному – разбору загадок таблицы коэффициентов. Здесь и неравномерное изменение индексов, и большое различие между значениями коэффициента в разных селениях, и резкое изменение коэффициента в одном селении за короткий срок.

В большинстве случаев индексы меняются синхронно: или оба снижаются, или оба растут, или оба остаются на месте. Но изменения не всегда одинаковы. В Каргалинском децильный индекс в начальной и в конечной точках одинаков: спад с 1902 по 1907 г. равен подъему с 1907 по 1908 г.; в то же время у индекса Джини подъем втрое больше спада. Другая форма того же явления: в Баткате между 1902 и 1907 гг. сокращение коэффициента Джини на 0,01 соответствует спаду децильного коэффициента на 0,9; в Десятовском в те же годы сокращение коэффициента Джини более чем на 0,08 (в 8 раз против Батката) дает спад децильного коэффициента лишь на 2,7 (в 3 раза). Даже если измерять колебания не в абсолютных цифрах, а в долях от исходного уровня, все равно два индекса показывают разную амплитуду колебаний: на 1/40 или на 1/10 в Баткате, на 1/5 или на 2/5 – в Каргалинском.

Таким образом, два наших инструмента дают разные значения при измерении одного и того же явления. По всей видимости, это связано с разным устройством двух инструментов. Поскольку индекс Джини опирается на десять цифр, а не на две, он меньше зависит от случайных колебаний. Проиллюстрировать влияние случайных колебаний можно каргалинскими показателями за 1907 и 1908 гг. Значение верхнего децильного рубежа по доходу остается на прежнем уровне (почти ровно 28), нижнего – снижается. Последнее обусловлено тем, что немного больше стало тех, кто вообще не имеет годных работников, имея хотя бы коровенку, а то и десятинку (поскольку среди них есть женщины, ясно, что это

группа стариков и вдов). В 1907 г. таких насчитывается 11 чел., в 1908 г. – 14. На фоне почти 150 плательщиков разница в 3 чел. незначительна; тем не менее именно от нее в данном случае зависит повышение децильного коэффициента на целую единицу. Вот почему в дальнейшем мы будем отдавать предпочтение индексу Джини.

Даже если брать во внимание только индекс Джини, бросается в глаза сокращение коэффициентов с 1902 по 1907 г. Попробуем объяснить его исходя из анализа внутренней структуры неравенства в каждом из селений. Для начала возьмем Каргалинское и Баткат, связанные в единое хозяйственное целое.

Возможная причина перепада между 1902 и 1907 гг. – почти полное исчезновение «чистых отходников». Отходники угадываются в 1902 г. по повышенному подушному платежу (4 руб. вместо 3 руб.), контрастирующему к тому же с угнетенным положением их хозяйства. Из 20 баткатских 4-рублевых плательщиков по этой статье ни один не имеет крепкого хозяйства, а 10 чел. не имеют никакого хозяйства вообще – ни пашни, ни лошади, ни коровы. В Каргалинском таких набирается 19 чел., и тоже ни один не имеет полноценного хозяйства. Крестьянин, живущий в деревне, – хотя бы даже неземледельческим промыслом – все-таки не может обойтись без коровы и лошади. Значит, наши «бесхозяйственные» 4-рублевые плательщики – это живущие в городе отходники, не имеющие семьи либо перевезшие ее в город («чистые отходники»); значит, и остальные 4-рублевые плательщики – тоже отходники, еще не ликвидировавшие хозяйство окончательно. Так вот, «чистых отходников» в Каргалинском в 1902 г. насчитывалось 12 чел., из них в 1907 г. осталось только двое. Хотя это не означало исчезновения бедняцких хозяйств вообще (еще 9 плательщиков, не относящихся к отходникам, были полностью лишены хозяйства), планка нижнего дециля от 1902 к 1907 г. поднялась с 4,0 до 5,6. Правда, в 1907 г. крупные хозяйства оказались крупнее, чем были в 1902 г.: их посев достигал 35 дес., а в 1902 г. – толь-

ко 16. Доход верхнего децильного рубежа в 1907 г. был выше, чем в 1902 г.: 28,02 вместо 24,27. Тем не менее сокращение самой бедной группы дало уменьшение разрыва между богатыми и бедными.

В Баткате на данных 1902 и 1907 гг. мы видим ту же картину почти исчезающих «чистых отходников» (осталось 2 из 11 чел.). Хотя здесь, так же, как и в Каргалинском, и в 1907 г. сохранялась группа не имеющих хозяйства (9 чел.) или имеющих минимальное хозяйство (11 плательщиков), рубеж нижнего дециля и здесь тоже сдвинулся вверх – с 4,0 до 5,45. Схожими были процессы и в верхнем дециле баткатских плательщиков: граница дециля в Баткате с 1902 по 1907 г. повысилась с 30,855 до 37,72. У представителей верхнего дециля в 1902 г. имелось от 17 до 30 дес. посева, от 14 до 31 головы скота; в 1907 г. стало от 25 до 70 дес. посева, от 20 до 37 голов скота. Торговцы в верхнем дециле Батката присутствовали, но едва ли влияли на общую картину, так как даже богатейшие из них уступали по сумме платежей пятерке крупнейших скотоводов.

Можно заключить, что индекс неравенства несколько снизился по мере развития земледельческого хозяйства. Это довольно логичный результат для Западной Сибири, где вследствие Великого Сибирского переселения уже закончились времена захватного землепользования, но оставалось далеко до земельного голода. Здесь же уместно вспомнить суждение П. Линдберга и С. Нафцигера. Подытоживая разбор коэффициентов неравенства за начало XX в., они – по-видимому, в противоречии с собственными ожиданиями – заключают, что «в отношении неравенства доходов Россия выглядит довольно уравнительно в сравнении с другими странами, по которым есть данные», и причиной тому называют как раз обилие земли, позволяющее приемлемо жить крестьянам (это объясняет, почему российские революции начинались в городах) [11, р. 793].

Где больше неравенства: хозяйства или работники. Именно к соотношению городских и сельских индексов имеет отношение

наше следующее соображение. Попутно оно ведет нас к знакомству с некоторыми технологическими подробностями обработки наших документов, не видными из табл. 1.

Особенность баткатской и каргалинской раскладки 1902 г. (они оформлены одним приговором) – несамостоятельные годные работники записываются отдельными строками. Поэтому, в отличие от обычных приговоров, даже по тем же селениям за другие годы, ни у кого не показано больше одного работника. Если рассчитывать доход на каждого из них, то данные за 1902 и 1907–1908 гг. будут несопоставимы. Поэтому мы сделали пересчет: неотделенные сыновья и братья, не имеющие хозяйства, присоединялись к главам хозяйств.

Принимая такое решение, мы просто подверстывали меньшинство наших источников под стандарт большинства. Но в историографии вопрос о подушном или посемейном учете доходов удостоился отдельного – хотя и не обширного – обсуждения. П. Линдберг и С. Нафцигер настаивают на необходимости изучать не отдельных работников, а хозяйства в целом, полагая, что это логично для России и ссылаясь на опыт изучения других стран в те далекие времена, когда большинство людей жило в деревнях [11, р. 773].

Их поддерживает соображение Б. Н. Миронова о том, что данные о доходах крестьян занижаются при сравнении с рабочими (если учитывать рабочих подушно) из-за «семейной кооперации»: жизнь в одиночку в городе обходится дороже, чем в составе деревенской семьи [4, с. 599]. Практическое подтверждение этого общего соображения можно найти у А. Н. Энгельгардта, досаду которого вызывали разделы больших крестьянских хозяйств, неизбежно ведущие к обеднению разделившихся (потому что на то же количество людей теперь нужна не одна, а две или три стряпухи, две или три няньки, два или три хозяина, не могущих уйти далеко на заработки) [7].

Суждение о том, что учет годных работников по отдельности завышает их расходы и тем преувеличивает их бедность, кажется

Таблица 2

**Коэффициенты неравенства доходов в селениях Баткат и Каргалинское в 1902 г.
при расчете по домохозяевам и по годным работникам ² /**
**Coefficients of income inequality in the villages of Batkat and Kargalinskoye as accounted
on the basis of husbandry owners and fit workers**

Селение и метод расчета / Village and method of accounting	Число учетных единиц / Number of units	Децильный коэффициент / Decile ratio	Индекс Джини / Gini coefficient
Баткат, по домохозяевам / Batkat, on the basis of husbandry owners	145	7,71	0,404
Баткат, по годным работникам / Batkat, on the basis of fit workers	194	8,05	0,453
Каргалинское, по домохозяевам / Kargalinskoye, on the basis of husbandry owners	135	6,07	0,352
Каргалинское, по годным работникам / Kargalinskoye, on the basis of fit workers	161	7,67	0,389

² Рассчитано по тем же источникам, что табл. 1 / Calculated from the same sources as Table 1

логичным. Это же соображение верно и для городских работников: муж, жена и неотделенный работающий сын, живущие одной семьей в городе, тоже тратят на хозяйство меньше, чем трое одиноких взрослых. Правда, авторы недавнего европейского издания ради сравнения показателей за разные эпохи даже современные данные пересчитывают в доход на домохозяйство [10, р. 200–201]. Тем не менее общепринятая норма – это персональный учет доходов горожан.

Для сопоставимости городских и сельских данных полезно понимать, насколько меняются наши индексы при переходе от подворного к единоличному учету доходов. Поэтому мы сделали отдельный расчет еще и для данных в том виде, как они даны в раскладочном перечне – по работникам от 17 до 60 лет (табл. 2).

Хотя нельзя сказать, что эти цифры меняют положение коренным образом (в отличие, например, от учета количества иждивенцев, увеличивающего децильный коэффициент втроекратно [3]), все-таки изменение индекса Джини на 0,05 – это существенный рост. Он вполне логичен: если мы учитываем доходы неотделенных детей отдельно, то появляется большая группа крестьян с малым доходом, а доход верхней группы не сокращается зна-

чительно. Но логичное не всегда подтверждается в действительности. В свете упомянутых суждений историков вывод из приведенных цифр кажется бесполезным: учет доходов по хозяйствам занижает расслоение по сравнению с учетом доходов по работникам. Если за неимением лучшего мы все-таки используем для крестьян данные по хозяйствам, надо помнить о необходимости поправки при сопоставлении этих цифр с городскими данными.

Междеревенские сопоставления. Материал предыдущего подпункта заставляет внимательнее присмотреться к нашим приговорам на предмет сопоставимости их данных. Мы обнаруживаем еще один параметр, способный исказить действительные соотношения. Речь идет об основаниях раскладки: какая часть налогов раскладывается на души годных работников, какая – на пашню, на лошадей и на коров. По существу, речь идет о формуле сведения отдельных признаков в интегральный показатель. Вследствие борьбы богатых и бедных на сходе эта формула менялась.

Если при неизменном уровне неравенства мы в разные годы используем разные формулы для его расчета, то получим иллюзию изменения неравенства. Чтобы снизить влияние

Таблица 3

Зависимость коэффициента неравенства от учета подушной составляющей податных раскладок в селениях Богородской волости³ / Table 3

Dependence of the inequality coefficient upon the personal component of tax repartitions in the Bogorodskoye county

Селение / Village	Год / Year	Индекс Джини / Gini coefficient	
		по раскладочному перечню / according to the repartitional list	без учета подушной составляющей / cleaned from the personal component
Баткат / Batkat	1907	0,390	0,504
	1908	0,387	0,489
Каргалинское / Kargalinskoye	1907	0,339	0,446
	1908	0,371	0,494
Десятовское / Dessyatovskoye	1902	0,389	0,406
	1907	0,304	0,401
	1908	0,327	0,388

³ Рассчитано по тем же источникам, что табл. 1 / Calculated from the same sources as Table 1

этих «шумов», мы сделали новый расчет индекса Джини, отбросив подушную составляющую, увеличение или уменьшение которой сильно влияет на значения коэффициента. Табл. 3 сопоставляет результаты изначального расчета по раскладочным перечням, уже виденные нами в табл. 1, и цифры, очищенные от подушной составляющей.

Нет уверенности, что формула, очищенная от подушной составляющей, дает более правильный коэффициент неравенства. Зато теперь можно определенно сказать: каким бы способом мы ни подсчитывали неравенство, мы видим территориальные различия. Баткат уверенно держится на первом месте, а Десятовское хотя бы немного, но отстает от Каргалинского. Теперь уже не остается сомнений в том, что уровень неравенства в разных селениях действительно был различным. Чем можно объяснить разницу между селениями?

Обратимся к спискам населенных мест (ближайшие по хронологии издания – за 1899 и 1911 гг.). Этот официальный справочник приводит для каждого селения перечень важнейших характеристик его экономического положения (табл. 4).

Судя по численности населения и размеру земельных наделов, наши селения существенно не различаются: это довольно крупные поселения; они располагают достаточным количеством пахотной земли. Во всех есть церкви: значит, они достаточно состоятельны, чтобы содержать священника. Не всегда ясно, как соотносить признаки из последнего столбца; что, например, надо считать признаком большей зажиточности селения: одну винную лавку (как в Баткате) или четыре «торговых» (в Десятовском). Казенные винные лавки – то, что создавалось в расчете на прибыль; открывать лавку там, где нельзя рассчитывать на обилие «лишних денег» у населения, чиновники вряд ли стали бы. Постоянно действующая торговая лавка – несомненный признак наличия денег у местных жителей: иначе их нужды удовлетворялись бы развозной торговлей, весьма распространенной в ту эпоху. Наконец, мельницы – явный признак богатства: оценивая перспективы введения подоходного налога в деревне, податные инспекторы переписывали в первую очередь именно мельников и пасечников.

Таблица 4

**Экономические и культурные характеристики избранных селений
по Списку населенных мест Томской губернии ⁴ /**
**Economic and cultural features of the chosen villages according to the Settlements list
of the Tomsk region**

Селение, год / Village, year	Число дворов, шт. / Number of husbandries, items	Наличные души обоих полов, чел. / Present persons of the both sex, people	Земля во владении селения, дес. / Land owned by the village, desyatinas	В том числе пахотной земли, дес. / among that – plowlands, desyatinas	Культурные и экономиче- ские объекты / Cultural and economic objects
Баткат, 1899 / Batkat, 1899	128	722	Нет данных	Нет данных	Церковь, сельское учили- ще, хлебозапасный мага- зин, питейное заведение / Church, village school, bakery store, drinking establishment
Баткат, 1911 / Batkat, 1911	151	947	5 640	2 226	Церковь, сельское учили- ще, хлебозапасный мага- зин, казенная винная лавка / Church, village school, bread store, state liquor store
Каргалин- ское, 1899 / Kargalinskoye, 1899	130	600	Нет данных	Нет данных	Церковь, приходская шко- ла, хлебозапасный магазин / Church, parish school, bakery store
Каргалин- ское, 1911/ Kargalinskoye, 1911	129	741	4 435	1 678	Церковь, приходская шко- ла, хлебозапасный магазин / Church, parish school, bakery store
Десятов- ское, 1899 / Desyatovskoye, 1899	137	708	Нет данных	Нет данных	Церковь, сельское учили- ще, хлебозапасный мага- зин, питейное заведение, торжок 29 июня / Church, village school, bakery store, drinking establishment, torzhok 29 June
Десятов- ское, 1911 / Desyatovskoye, 1911	130	695	5 280	1 978	Церковь, сельское учи- лище, хлебозапасный магазин, 3 мукомольные мельницы, 4 торговые лав- ки / Church, village school, bakery store, 3 flour mills, 4 trading stores

⁴ Составлено по: Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск, 1899. С. 18–23; Список на-
селенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 12–13 / Compiled from: List of populated places
of Tomsk province for 1899. Tomsk, 1899. P. 18–23; List of populated places of Tomsk province for 1911. Tomsk,
1911. P. 12–13.

По числу лавок Каргалинское выглядит явным аутсайдером, а Десятовское – рекордсменом. Надо учитывать, что Каргалинское находилось лишь в пяти верстах от Батката, и, вероятно, неслучайно они были частью одного сельского общества: можно думать, что баткатские лавки обслуживали оба селения. Эти лавки не указаны в табл. 4, но мы знаем, что они были. По раскладочному перечню 1902 г. в Баткате шести плательщикам была назначена накладка на годовую заработок в размере более 4 руб. При этом сумма надбавки, если вычесть из нее стандартные подушные 3 руб., в любом случае кратна пяти (5, 10 или 25 руб.). За единичным исключением эти шестеро, удостоенные особой прибавки, не пахали землю вообще, имели либо минимум скота (по одной лошади и корове), либо существенно меньше, чем многие другие, «с заработка» которых взималось лишь по 3 руб. Даже единственный из шестерых обладатель значительного хозяйства (18 дес. + 18 голов крупного скота) все-таки уступал по этим показателям другим плательщикам, с которых по разряду заработков брались стандартные 3 руб. (рекордсмены пахали по 30 дес., имея по 25–30 голов скота; они-то и есть крупнейшие налогоплательщики Батката). Ясно, что особые прибавки – это признак наличия либо производства, либо торговли, по какой-то причине не отмеченной списками населенных мест. Даже если часть «богачей» – это пасечники, то хотя бы трое записанных также в раскладочном перечне 1908 г., – скорее всего, торговцы. В Каргалинском же в 1902 г. больше 4 руб. с душевого дохода не начислено никому: торговцев, следовательно, нет. Это логично вяжется с тем, что индексы неравенства в Каргалинском ниже, чем в Баткате.

Отдельный вопрос – как понимать исчезновение винной лавки в Десятовском: то ли чиновники (к которым как раз в это время, вследствие питейной реформы, перешло заведение сельскими питейными заведениями) сочли Десятовское (в отличие от Батката) недостаточно перспективным с

этой точки зрения. То ли сторонники трезвого образа жизни в Десятовском победили своих противников (и это повело к сокращению пьянства, а значит, и бедности). Без дополнительных данных нам остается ограничиваться предположениями на сей счет.

Отдельной строкой учтем субъективные впечатления статистика-чиновника С. П. Каффки, собиравшего в начале 1890-х гг. объективные данные о сибирском крестьянстве. В целом статистик оценивал Богородскую и близлежащие волости (за вычетом отдельных селений) как местность довольно однородную, а именно район земледельческой специализации: «Хлеба не только с избытком хватает на продовольствие населения этих волостей, но больший процент урожая ржи, овса и ячменя составляет предмет вывоза на продажу». Из трех наших сел именно Баткат он включал в число наилучших по экономическому положению в Богородской волости [2, с. 16, 102].

Таким образом, хотя наши села оказываются довольно похожими с экономической точки зрения, все-таки Баткат выступает как более денежное село, и это – фактор, сопутствующий более высокому неравенству доходов. Может быть, более важен тот основополагающий вывод, что даже в рамках одной волости индексы неравенства по отдельным селениями существенно различались.

Заключение

Раскладочные перечни не так точно отражают крестьянский доход, как хотелось бы, поэтому, хотя по ходу статьи мы и оперировали цифрами с обычной для работ такого рода точностью (до тысячных долей), при общей оценке имеет смысл огрубить данные до десятых долей. Этого достаточно для того, чтобы оценить место полученных цифр в ряду разных эпох и народов.

Полученные нами значения индекса Джини в целом укладываются в диапазон от 0,3 до 0,5, причем расчет на основе цифр из источника (раскладочные перечни) дает значения от 0,3 до 0,4, а сдвиг интервала на 0,1 вверх (от 0,4 до 0,5) происходит при

очистке этих данных от подушевой составляющей податных раскладок. Нет уверенности, какой из двух интервалов (0,3–0,4 или 0,4–0,5) более правильно описывает действительность. В любом случае эти цифры означают, что неравенство в наших селениях оказалось не таким низким, как предполагали некоторые участники обсуждения, и выше, чем в странах, служащих

для начала XXI в. эталоном общественной справедливости, но ниже, чем самые высокие показатели, известные экономической истории.

Введение в научный оборот раскладочных приговоров по другим губерниям дореволюционной России может дать факты, дополняющие или уточняющие представленную картину.

Список источников

1. Бородин Л. И. Неравенство доходов в России в XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 19–24.
2. Каффка С. П. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев юго-западной части Томского округа Томской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1892. 252+LXVI с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. 15).
3. Кириллов А. К., Свирепов А. И. Между Сциллой уравниловки и Харибдой неравенства: оплата труда на Алтайской железной дороге в 1917 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. Т. 64, № 5. С. 108–124.
4. Мионов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь Мир, 2012. 848 с.
5. Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 47–73.
6. Ханин Г. И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 2, ч. 1. С. 64–72.
7. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. Изд. 3-е. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. 361 с.
8. Atkinson A. B., Piketty T., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49, No. 1, P. 3–71.
9. Dennison T., Nafziger S. Living Standards in Nineteenth-Century Russia // The Journal of Interdisciplinary History. 2013. Vol. 43, No. 3. P. 397–441.
10. How Was Life?: Global Well-being since 1820 / van Zanden, J. L., et al. (eds.). OECD Publishing, 2014. 269 p. DOI: 10.1787/9789264214262-en.
11. Lindert P. H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, No. 3. P. 767–798.
12. Lindert P. H., Williamson J. G. Unequal gains: American growth and inequality since 1700. Princeton: Princeton University Press, 2016. 398 p.
13. Milanovic B., Lindert P. H., Williamson J. G. Pre-industrial inequality // The Economic Journal. 2011. Vol. 121, No. 551. P. 255–272.
14. Ostry J. D., Loungani P., Berg A. Confronting inequality: how societies can choose inclusive growth. New York: A Columbia University Press E-book, 2019. 154 p.

References

1. Borodkin L. I. Income inequality in Russia in the XIX – early XX centuries: a comparative analysis of historiographical assessments. *Istoricheskie vyzovy i jekonomiceskoe razvitie Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* = Historical challenges and economic development of Russia: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. Ekaterinburg, 2019. P. 19–24. (In Russ.)
2. Kaffka S. P. Economic life of state peasants and settled foreigners in the southwestern part of the Tomsk district of the Tomsk province. St-Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1892. 252+LXVI p. (In Russ.)
3. Kirillov A. K., Svirepov A. I. Between Scylla of Equalization and Charybdis of Inequality: Labor Remuneration on the Altai Railway in 1917. Bulletin of Moscow University. Serija 8: Istorija. 2023; 64 (5): 108–124. (In Russ.)

4. Mironov B. N. Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow: Ves Mir, 2012, 848 p. (In Russ.)
5. Field D. On the Measurement of Peasant Stratification in the Post-Reform Russian Village. *Matematicheskie metody i JeVM v istoriko-tipologicheskikh issledovaniyah* = Mathematical methods and computers in historical and typological studies. Moscow: Nauka, 1989. P. 47–73. (In Russ.)
6. Hanin G. I. What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? *Idei i idealy*. 2010; 2 (2). Part. 1: 64–72. (In Russ.)
7. Engelgardt A. N. From the village. 12 letters. 1872–1887. St-Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1897. 361 p. (In Russ.)
8. Atkinson A., Piketty T., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History. *Journal of Economic Literature*. 2011; 49 (1): 3–71.
9. Dennison T., Nafziger S. Living Standards in Nineteenth-Century Russia. *The Journal of Interdisciplinary History*. 2013; 43 (3): 397–441.
10. How Was Life?: Global Well-being since 1820. OECD Publishing, 2014. 269 p.
11. Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic History*. 2014; 74 (3): 767–798.
12. Lindert P., Williamson J. Unequal gains: American growth and inequality since 1700. Princeton: Princeton University Press, 2016. 398 p.
13. Milanovic B., Lindert P., Williamson J. Pre-industrial inequality. *The Economic Journal*. 2011; 121 (551) (March 2011): 255–272.
14. Ostry J., Loungani P., Berg A. Confronting inequality: how societies can choose inclusive growth. New York: A Columbia University Press E-book, 2019. 154 p.

Поступила 28.01.2025.

Сведения об авторах

Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). Сфера научных интересов: история России второй половины XIX – начала XX в. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-3795>.

E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Свирипов Александр Игоревич – магистрант Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). Сфера научных интересов: история России второй половины XIX – начала XX в. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7273-2878>.

E-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Submitted 28.01.2025

About the authors

Alexey K. Kirillov – Cand. Sci (History), Senior Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Associate Professor at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). Research interests: Russian history of the second half of the 19th – early 20th centuries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-3795>.

E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Alexandr I. Svirepov – Master's student at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). Research interests: Russian history of the second half of the 19th – early 20th centuries. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7273-2878>.

E-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

УДК 94:338(47+57)»1953/1956»

С. Н. Андреенков

Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия),

e-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Изменение порядка определения минимума трудодней в колхозах и трудовое поведение колхозников (середина 1950-х гг.)

Аннотация

Введение. В настоящее время исследование аграрной политики постсталинского «коллективного руководства» – одно из наиболее востребованных направлений изучения аграрной истории СССР. Все более актуальным становится анализ решений правительства, призванных расширить самоуправление колхозов. В центре нашего внимания – цели, ход и результаты осуществления принятого 23 июня 1954 г. Советом Министров СССР под председательством Г. М. Маленкова постановления «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников», предоставлявшего колхозам возможность определять трудовую нагрузку для работающих членов сельхозартели.

Материалы и методы. Исследование имеет конкретно-исторический характер. Опорные для него источники – указанное выше постановление, а также два отчета о его осуществлении, выявленные в фонде № 7486 «Министерство сельского хозяйства СССР» Российского государственного архива экономики. Содержащаяся в этих документах информация позволяет скорректировать устоявшиеся представления об анализируемых процессах, выявить их скрытые тенденции.

Результаты исследования. При осуществлении постановления от 23 июня 1954 г. не обошлось без серьезных нарушений положений документа, выраженных, в частности, в установлении заниженных нагрузок. Большая часть эксцессов была связана с утверждением минимумов выработки отдельно для мужчин и женщин: просматривалось стремление освободить женщин от труда на колхозных полях и фермах, чтобы они могли больше внимания уделять домашнему хозяйству, а также намерение минимизировать трудовую нагрузку для мужчин в период с конца осени и до начала лета.

Обсуждение и заключение. Меры правительства по развитию самоуправления колхозов, важнейшей из которых было принятие рассматриваемого постановления, колхозники не оценили и прогнозируемый властью большой трудовой энтузиазм в целом не проявили. Наоборот, снижение административного давления на хозяйства крестьяне восприняли как шанс снизить трудовую нагрузку. У колхозников появилась возможность перераспределить время и силы, расходуемые на труд в общественном секторе колхозного производства, в пользу индивидуального хозяйства, что не противоречило проводившемуся в это же время курсу на поддержку личных подсобных хозяйств. Решение правительства стимулировать личные подсобные хозяйства (ЛПХ), принятое в целях предотвращения острого продовольственного кризиса, в целом не способствовало развитию колхозов и совхозов.

Ключевые слова: обязательный минимум трудодней, постановление правительства от 23 июня 1954 г., правительство Г. М. Маленкова, колхозы, колхозники, трудовое поведение, личное подсобное хозяйство.

Для цитирования: Андреенков С. Н. Изменение порядка определения минимума трудодней в колхозах и трудовое поведение колхозников (середина 1950-х гг.) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 124–136. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.124-136.

Благодарности: Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

© Андреенков С. Н., 2025

Sergey N. Andreenkov

Institute of history SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Changes in the Procedure for Determining the Minimum Workdays in Collective Farms and Labour Behaviour of Collective Farmers (mid-1950s)

Abstract

Introduction. At present, the study of the agrarian policy of post-Stalin's 'collective leadership' is one of the most actual areas of the study of agrarian history of the USSR. The analysis of government decisions designed to expand the self-government of collective farms is becoming more and more relevant. The focus of our attention is on the goals, progress and results of the implementation of the resolution adopted on 23 June 1954 by the Council of Ministers of the USSR under the chairmanship of G. M. Malenkov 'On the compulsory minimum of workdays for able-bodied collective farmers', which gave collective farms the opportunity to determine discretion the workload for working members of the agricultural collective.

Materials and Methods. The study is of a concrete-historical character. The sources of reference for it are the above-mentioned decree, as well as two reports on its implementation, found in the fonds of the Ministry of Agriculture of the USSR No. 7486 of the Russian State Archive of Economics. The information contained in these documents makes it possible to correct the established ideas about the analysed processes and reveal their hidden trends.

Results. The implementation of the decree of 23 June 1954 was not without serious violations of the provisions of the document, in particular, in the establishment of underestimated workloads. Most of the excesses were connected with the approval of minimum workloads for men and women separately: there was a desire to free women from labour in collective farms so that they could devote more attention to the household, as well as an intention to minimise the workload for men from the end of autumn to the beginning of summer.

Discussion and Conclusion. The government's measures to develop self-governance of collective farms, the most important of which was the adoption of the decree under consideration, were not appreciated by collective farmers, and the great labour enthusiasm predicted by the authorities was not generally shown. On the contrary, the peasants perceived the reduction of administrative pressure on farms as a chance to reduce their labour load. Collective farmers had an opportunity to redistribute the time and effort spent on labour in the public sector of collective farm production in favour of individual farming, which did not contradict the policy of supporting private subsidiary farms that was being pursued at the same time. The government's decision to stimulate private subsidiary farms, taken in order to prevent an acute food crisis, did not generally contribute to the development of collective and state farms.

Keywords: compulsory minimum of labour days, government decree of 23 June 1954, G. M. Malenkov's government, collective farms, collective farmers, labour behaviour, personal subsidiary farming.

For citation: Andreenkov S. N. Changes in the Procedure for Determining the Minimum Workdays in Collective Farms and Labour Behaviour of Collective Farmers (mid-1950s). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 124–136. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.124-136.

Acknowledgements: The article is based on the state assignment "Socio-economic potential of the Eastern regions of Russia in the twentieth and early Twenty-first centuries: management strategies and practices, dynamics, and the geopolitical context" (FWZM-2024-0005).

Введение

В настоящее время различным проблемам истории колхозной системы и советского крестьянства в годы первого послевоенного десятилетия посвящено немало научных публикаций [1–3; 7–12; 15; 16; 18–20]. Наименее изученной остается аграрная политика постсталинского «коллективного руководства».

После смерти И. В. Сталина центральное руководство СССР намеревалось в первоочередном порядке преодолеть продовольственный дефицит, создать стратегические резервы зерна, поднять потребление продуктов питания до уровня, соответствующего научно-медицинским нормам. Решение этих задач должно стать первым шагом к изобилию материальных благ, без кото-

рого невозможно было войти в коммунизм. Пути повышения продуктивности сельского хозяйства, самой проблемной отрасли экономики, руководители страны видели по-разному. С одной стороны, использовались административно-мобилизационные методы управления сельхозпредприятиями, с другой – меры по либерализации аграрной системы.

Противоречивые тенденции оттепели наиболее рельефно проявились в 1954 г. С весны набирала обороты инициированная главой КПСС Н. С. Хрущевым кампания по освоению целинных и залежных земель в восточных районах страны, которая предусматривала мобилизацию сил и средств для немедленного получения столь нужного родине хлеба. Залогом ее успеха считалась высокая продуктивность создаваемых на новых землях больших зерновых совхозов, плодородие целинных и залежных почв и трудовой энтузиазм первоцелинников, порожденный патриотическим духом и верой в светлое будущее. В то же время правительство во главе с Г. М. Маленковым проводило в деревне экономическую политику, нацеленную на удовлетворение индивидуальных и групповых интересов крестьян. Впервые с начала массовой коллективизации для колхозников создавались возможности достойно зарабатывать в общественном хозяйстве, что также должно породить очевидный трудовой энтузиазм и повысить продуктивность аграрного сектора экономики.

Первая постсталинская аграрная программа, озвученная Г. М. Маленковым 8 августа 1953 г. в докладе на сессии Верховного Совета СССР¹ и отраженная в принятой позднее серии постановлений²,

предусматривала существенное увеличение финансирования сельского хозяйства и использование в целях стимулирования колхозов организационно-экономических механизмов действующей аграрной модели. Речь шла о формировании у машинно-тракторных станций (МТС) материальной заинтересованности в наращивании производительности колхозов, усилении технической базы хозяйств, повышении уровня заготовительных цен и создании условий для реализации производственно-кооперативного начала сельхозартелей, развития колхозных рынков и торговли. Вопросы об улучшении технического обслуживания колхозов, предоставлении им больших финансовых средств и хозяйственной самостоятельности в сталинские годы в высших эшелонах власти ставились неоднократно, но реальные шаги по их решению так и не были сделаны, поскольку И. В. Сталин уделял значительное внимание мобилизации трудовых ресурсов деревни для реализации общегосударственных задач. Г. М. Маленков, стоявший у истоков аграрной десталинизации, не намеревался менять каким-либо образом организационные конструкции сталинской аграрной системы. Такие «революционные» мероприятия, как реорганизация МТС, массовое укрупнение колхозов и преобразование их в совхозы, строительство госхозов на целине, активно продвигал Н. С. Хрущев.

При анализе аграрной политики постсталинского «коллективного руководства» целесообразно акцентировать внимание на попытках правительства увеличить полномочия колхозников в управлении общественным производством и организационно-экономическими делами артели.

¹ См.: Маленков Г. М. Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Хабаровск, 1953.

² См.: Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1953 г. «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям» // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. док. Т. 4. 1953–1957 гг. М., 1958. С. 16–18; Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства» // Там же. С. 20–61; Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» // Там же. С. 96–120 и др.

Первый и важнейший шаг в этом направлении – принятие 23 июня 1954 г. Советом Министров СССР постановления «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников»³, предоставившего колхозным собраниям возможность определять трудовую нагрузку для работающих членов сельхозартелей с учетом местных условий. К этому вопросу руководство страны вновь обратилось уже после ухода Г. М. Маленкова с поста председателя правительства. 6 марта 1956 г. вышло партийно-правительственное постановление, которое рекомендовало колхозам вносить изменения и дополнения в свои уставы для определения оптимальных минимумов трудодней и размеров приусадебных участков. Годом ранее, 9 марта 1955 г., совместное постановление партии и правительства предоставило колхозам право устанавливать размер посевных площадей по культурам и количество скота по видам⁴.

В связи с появлением перечисленных выше документов становится актуальным вопрос: каковы были реальные мотивы, потенциал, перспективы и последствия проведения политики расширения колхозного самоуправления? Ряд авторов полагают, что основания для превращения сельхозартелей в жизнеспособные коллективные хозяйства, заинтересованные в саморазвитии, определенно были. Ю. В. Кузнецов утверждает, что среди колхозных председателей (даже тридцатитысячников) встречались руководители, выступавшие за хозяйственную самостоятельность сельхозпредприятий [13, с. 497–498]. О. Ю. Ельчанинова акцентировала внимание на том, что по действовавшим правовым нормам колхозы имели широкие полномочия и возможности для относительно независимого

хозяйствования, однако значительный потенциал кооперативной формы производства так и не реализовался [7, с. 60]. Причины отказа от подлинной либерализации колхозной системы данные исследователи увидели в склонности верховной власти решать социально-экономические проблемы с помощью административно-командных методов. Приблизиться к ответу на этот вопрос позволяет анализ хода и результатов реализации постановления от 23 июня 1954 г. Особенности осуществления этого решения, в отличие от специфики введения и использования минимумов трудодней в сталинский период [15; 17] и исполнения вышеотмеченных мартовских постановлений 1955 г. и 1956 г. [4–6], как советскими, так и постсоветскими учеными рассмотрены более чем фрагментарно.

Материалы и методы

Исследование имеет конкретно-исторический характер, поэтому в данной рубрике мы акцентируем внимание на использованных в нем исторических источниках. Статья базируется как на архивной документации, так и на документах и прочих материалах, опубликованных в специальных изданиях, а также в газетной периодике. Использованы законодательные, делопроизводственные документы, речи первых лиц государства, информационно-новостные материалы газет.

Постановления, законы и указы высших органов Советского государства, совместные решения ВКП(б) / КПСС и Совета Министров СССР выявлены в фондах и научно-справочных библиотеках российских архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Сборник постановлений Совета Министров СССР за 1954 г. Т. 3. Л. 151.

⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» // Директивы КПСС и советского правительства... С. 365–371; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» // Там же. С. 605–611.

новой истории (РГАНИ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Ряд законодательных источников опубликован на историко-просветительских интернет-ресурсах⁵. Часть задействованных в статье партийных и партийно-правительственных постановлений входит в документальные издания, которые вышли в свет еще в советское время⁶. Делопроизводственные материалы (стенограммы, справки, докладные записки, информации и др.) выявлены в ходе работы с фондами указанных выше федеральных архивохранилищ. В исследовании использованы речи руководителей СССР, изданные в советский период, а также их малоизвестные выступления, хранящиеся в архивах и включенные в современные документально-исторические сборники⁷.

Опорные для настоящей статьи документы – указанное выше постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г., а также два делопроизводственных документа, выявленных в объединенном фонде РГАЭ № 7486 «Министерство сельского хозяйства СССР». Первый – справка о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области, подготовленная аппаратами организационно-колхозного отдела Омского областного управления сельского хозяйства и Главного управления по организационно-колхозным делам Министерства сельского хозяйства СССР на имя В. А. Чувикова – начальника последней из названных структур⁸. Второй – записка В. А. Чувикова «О выполнении Постанов-

ления Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. “Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников”» на имя заместителя министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича⁹. Документы были подготовлены в апреле 1955 г.

Конкретно-историческая информация, содержащаяся в этих делопроизводственных документах, позволяет скорректировать устоявшиеся в историографии представления об анализируемых процессах, выявить их скрытые тенденции и закономерности.

Результаты исследования

В рамках сложившейся в СССР в 1930-е гг. модели аграрного строя мобилизация ресурсов деревни проводилась при опоре на внеэкономические (повинностные) формы отчуждения аграрного продукта. Из-за низкой оплаты труда колхозники не были заинтересованы в его результатах. Работать на общественных полях и фермах их принуждало государство, в частности, посредством использования такого организационно-управленческого механизма, как годовой обязательный минимум выработки трудодней.

Минимумы ввели в мае 1939 г. в целях привлечения к общественно полезному труду мало и плохо работающих в сельхозартелях крестьян. По мнению И. В. Сталина, «настоящими дармоедами» были почти треть трудоспособных колхозников. К их числу он отнес тех, кто выдавал в год менее 50 трудодней (21 %) и не выработал ни одного трудодня (10 %)¹⁰. В хлопковых рай-

⁵ Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/> (дата обращения: 04.03.2025); Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁶ См.: Директивы КПСС и советского правительства...; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М., 1985.

⁷ См.: Маленков Г. М. Речь на сессии Верховного Совета СССР...; Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: [Речи и документы]. Т. 2. Февраль 1955 года – январь 1958 года. М., 1962; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и материалы / гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др. В 5 т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006.

⁸ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 58–83.

⁹ Там же Л. 131–139.

¹⁰ Речь И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного строительства // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 1–30.

онах каждый совершеннолетний способный к труду колхозник теперь должен был отработать 100 трудодней в течение года; в регионах Севера, Северо-Запада, Центра, Дальнего Востока и высокогорных территорий – 60, в остальных регионах страны – 80 трудодней¹¹.

В апреле 1942 г. минимумы были повышены соответственно до 150, 100 и 120 трудодней и дифференцированы по периодам сельскохозяйственных работ. Так, работники колхозов самой большой, третьей группы районов, занимавшиеся преимущественно возделыванием зерновых культур, с 15 июня по 15 августа должны были выработать 30 трудодней, с 15 августа по 15 октября – 40, с 15 октября по 15 июня – оставшиеся трудодни. Таким образом, 58 % годового объема трудодней приходилось на летне-осенний период, когда проводились основные полевые работы, заготовка кормов, выпас общественного скота. Райисполкомы получили право повышать или понижать на 20 % количество трудодней в периодах работ, исходя из местных условий. Для подростков от 12 до 16 лет устанавливался отдельный минимум в 50 трудодней. Трудоспособные работники сельхозартелей, не выработавшие установленный норматив без уважительных причин, привлекались к суду и приговаривались к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты труда до 25 % трудодней в пользу хозяйства. Колхозники, не выполнившие в

течение года определенный для них минимум, должны были считаться выбывшими из колхоза и лишаться личного приусадебного участка¹².

Повышенный минимум вводился только на период войны, но после Победы его действие неоднократно пролонгировалось, в частности в сентябре 1945 г. и в феврале 1952 г.¹³ В июне 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР указал на необходимость выселения в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих паразитический образ жизни¹⁴.

В правительстве неоднократно обсуждался вопрос о пересмотре трудовой нагрузки для колхозников в сторону повышения. Власти были обеспокоены тем, что действовавшие нормы выработки не способны обеспечить выполнение планов восстановления и развития сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки, так как многие крестьяне ограничивали участие в работе на общественных полях и фермах выработкой положенного минимума. В 1947 г. Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР предложил высчитывать годовую нагрузку исходя из общего количества трудодней, необходимых для выполнения производственных заданий. Предусматривалось установить минимум отдельно для трудоспособных мужчин и для трудоспособных женщин. Проект постановления, подготовленный в 1948 г., допускал введение единого для всех регионов норматива в

¹¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // КПСС в резолюциях... С. 114.

¹² См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 354–356.

¹³ Постановление СНК СССР от 13 сентября 1945 г. «О продлении действия постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней”» // ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Сборник постановлений СНК СССР за 1945 г. Т. 4. Л. 75; Постановление Совета Министров СССР от 2 февраля 1952 г. «О продлении на 1952 год действия постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней”» // ГАНО. Сборник Постановлений Совета Министров СССР за 1952 г. Т. 1. Л. 89.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 379. Л. 30–31.

размере 150 трудодней для трудоспособных и не менее 60 трудодней для подростков [4, с. 55–56].

После смерти И. В. Сталина политика государства по отношению к колхозам существенно смягчилась. В октябре 1953 г. была отменена уголовная ответственность за невыработку годового минимума трудодней¹⁵. Постановление правительства от 23 июня 1954 г. исходило из того, что минимумы для способных к труду работников сельхозартелей за год и по периодам работ должны устанавливать колхозные собрания. Новые нормы выработки определялись с учетом конкретных условий хозяйства и с обязательным превышением показателей, действовавших в 1953 г. Решение собрания о минимуме вступало в силу только после утверждения его райисполкомом. Для хозяйств колхозников, отдельные члены семьи которых без уважительных причин не выработали в истекшем году положенное количество трудодней, сельскохозяйственный налог повышался на 50 % в соответствии со ст. 6 Закона «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г.

В записке В. А. Чувикова констатировалось, что в большинстве случаев положения рассматриваемого правительственного постановления были в основном соблюдены. Сроки выполнения трудовых обязательств по периодам работ, как правило, оставались старые, предусмотренные решением правительства, принятым в апреле 1942 г. Размеры минимумов имели значительные колебания: например, в Ставропольском крае и Омской области – от 150 до 450 трудодней¹⁶.

При реализации постановления от 23 июня 1954 г. не обошлось и без серьезных нарушений положений документа, которые выражались, в частности, в затя-

гивании работ по определению трудовых нормативов и в установлении заниженных нагрузок. Так, в Тамбовской области в 1954 г. минимумы утвердили только у половины колхозов. В Ошской и Джалал-Абадской областях Киргизской ССР 11 сельхозартелей ввели для себя нагрузку ниже ранее установленного количества трудодней¹⁷.

Большая часть эксцессов была связана с утверждением норм выработки отдельно для трудоспособных мужчин и для трудоспособных женщин. В 21 субъекте РСФСР дифференцированный по гендерным различиям минимум установили 17 % сельхозартелей. В число регионов, где этот процент был наибольшим, входила Омская область (35 %). В справке о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области отмечалось, что в ряде ее районов число трудодней, которое за год должен был выработать мужчина, существенно превышало число трудодней, установленных для женщины. В колхозе им. Сталина Большереческого района минимумы составляли соответственно 450 и 200, в колхозе им. Кагановича Одесского района – 400 и 175 трудодней. В колхозе им. Куйбышева Кормиловского района определенная для каждой трудоспособной женщины нагрузка в 130 трудодней оценивалась как заниженная, поскольку рядовые колхозницы полеводческих бригад выдавали здесь 180–220 трудодней в год. Мало того, в справке говорилось, что в ряде сельхозартелей новый минимум трудодней устанавливался для отдельных групп трудоспособных женщин по критериям их многодетности и занятости в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ). В практике распределения нагрузки просматривалось стремление высвободить одного из членов семьи, главным образом женщин, для ухода за домом, огородом и скотом¹⁸.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1953 г. «Об отмене уголовной ответственности за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней» // РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 3. Оп. 10. Д. 53. Л. 15.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 131–132.

¹⁷ Там же. Л. 132–133.

¹⁸ Там же. Л. 60–61, 67, 69, 132–133.

Характерные тенденции прослеживаются при анализе практики установления минимума для мужчин. В записке В. А. Чувикова говорилось, что в колхозе им. Куйбышева Кормиловского района Омской области мужской минимум в 300 трудодней был неправильно распределен по периодам работ. Согласно утвержденному собранием распоряжку, значительная нагрузка ложилась на периоды с 15 июня по 15 августа и с 15 августа по 15 октября. На эти месяцы выделили 95 и 130 трудодней соответственно, что в сумме составляло 75 % всего годового минимума. На периоды с 1 января по 15 июня и с 15 октября по 31 декабря приходилась только четверть общей мужской нагрузки¹⁹. Получалось, что в период с середины октября до середины июня работники колхоза им. Куйбышева, получив по трудодням вознаграждение за напряженный труд летом и осенью, намеревались уделять больше времени приусадебному хозяйству, а также охоте, рыбалке и другим традиционным мужским крестьянским занятиям зимнего и весеннего сезонов.

Важно отметить, что в тексте постановления от 23 июня 1954 г. о возможности определять годовой минимум трудодней отдельно для мужчин и отдельно для женщин вообще речи не шло, однако на практике раздельную нагрузку устанавливали. Возможно, дифференциация минимумов на мужские и женские была санкционирована особым распоряжением, которое пока нами не выявлено. Интересную информацию о введении раздельных минимумов мы узнаём из текста справки о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области. В документе, в частности, отмечалось: «Решения общих собраний колхозников об установлении раздельного минимума трудодней в значительной мере были подсказаны со стороны МТС, а МТС были нацелены на это областным управлением сельского хозяйства, которое в почтотелеграмме от 17 июля 1954

года сообщило директорам МТС следующее: “Если общее собрание найдет необходимым, минимум трудодней может устанавливаться для трудоспособных мужчин и отдельно для женщин”»²⁰. Понятно, что без разрешения вышестоящих органов на местах подобных указаний принять не могли.

После ухода Г. М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР в январе 1955 г. дифференциация минимума на мужской и женский политическим руководством страны воспринималась как нежелательная практика, способствующая снижению производственной дисциплины в общественном хозяйстве. Оснований для подобных оценок было немало. В Сибири с 1954 по 1955 г. удельный вес колхозниц, не выполнявших установленную для них трудовую нагрузку, увеличился с 18,9 до 20,4 %, или на 1,5 процентных пункта. Среди сибирских регионов этот показатель достиг наибольших значений в Омской области. Здесь он поднялся с 18,4 до 22,0 %, или на 3,6 процентных пункта. На фоне статистики прошлых лет доля крестьянок, уклонявшихся от интенсивной работы в хозяйстве сельхозартели, казалась довольно существенной. Так, в 1950 г. в Сибири минимум не выполнили только 13,4 % колхозниц, в Омской области – 14,6 %²¹. Эти процессы не могли не беспокоить политическое руководство страны, которое понимало, что чем меньше крестьянок участвует в коллективном производстве, тем сложнее развивать общественное животноводство, где преобладает ручной женский труд.

В записке В. А. Чувикова говорилось, что многие женщины не вырабатывают необходимого количества трудодней, так как вынуждены сидеть дома с малолетними детьми. Если бы колхозы располагали большим количеством детских учреждений, трудовой вклад колхозниц в развитие коллективного хозяйства существенно увеличился. В то же время невыход женщины

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 60–61, 134.

²⁰ Там же. Л. 68.

²¹ Там же. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

на работу не всегда связан с уважительными причинами. Многие колхозники активно занимаются домашним производством, которое в некоторых регионах страны, в первую очередь в южных республиках, дает доход, значительно превышающий заработок от работы в колхозе. Лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, необходимо наказывать в соответствии со ст. 6 Закона «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г., но этот законодательный инструмент применяется редко²².

Подчеркнем, что принятые правительством Г. М. Маленкова меры по стимулированию личных подсобных хозяйств были весьма результативны. Упомянутый выше закон о сельхозналоге²³ существенно снизил налогово-податное обложение ЛПХ, что позволяло их владельцам получать излишки продукции и реализовывать их на рынке. Расширился контингент лиц, пользующихся льготами по уплате налога. Вести домашнее производство стало экономически выгодно. Сын Г. М. Маленкова Андрей в воспоминаниях отмечал, что именно отец настаивал на послаблениях для ЛПХ. По мнению мемуариста, «передача 15 % земли в частное пользование крестьянину буквально на следующий, 1954 год, дала стране столько сельхозпродукции (в том числе и животноводческой), что весь наш народ стал питаться заметно лучше» [14, с. 66]. Существенное увеличение производственного потенциала индивидуальных подворий подтверждается фактическим материалом. Так, в ЛПХ Сибири с 1953 по 1956 г. прирост поголовья КРС (+27 %), коров (+13 %), овец (+59 %) и свиней (+27 %) оказался более впечатляющим, чем в колхозах (+0,1, +12, -1, +1 %) соответственно [1, с. 236–237]. Поэтому Г. М. Маленков, по воспоминаниям его сына, «предполагал передать крестьянам на добровольных

началах земли нерентабельных колхозов и совхозов... и планировал в дальнейшем создание фермерских хозяйств» [14, с. 66].

В 1956 г. в организационном механизме функционирования колхозов произошли заметные изменения. В соответствии с упоминаемым выше постановлением от 6 марта 1956 г. в колхозах в ходе работы по изменению устава сельхозартеля был скорректирован действующий порядок организации и оплаты труда. Документ соответствовал духу XX съезда КПСС и сыграл значимую роль в реализации политики десталинизации. На съезде Н. С. Хрущев заявил: «Колхоз – кооперативное хозяйство. В нем все колхозники являются хозяевами, полноправными членами сельскохозяйственной артели, они сами распределяют работу между собой. И это вполне понятно. В нашем социалистическом обществе все направлено на удовлетворение растущих потребностей человека»²⁴. Однако работа по корректировке уставов проводилась колхозниками под плотным контролем партийных органов, поэтому уставы крестьяне поправили так, как было выгодно центру. Центр в первую очередь намеревался поднять в сельхозартелях трудовую дисциплину, чтобы обеспечить выполнение производственных планов.

В рамках реализации постановления от 6 марта 1956 г. минимумы трудодней все же были дифференцированы на мужские и женские. Трудоспособные мужчины, а также трудоспособные женщины, не имеющие малолетних детей, получали повышенную нагрузку. В РСФСР наибольший норматив – 250 трудодней и выше – установили для 56 % мужчин, в Западной Сибири – для 77, в Восточной Сибири – для 83 %. Более половины женщин – 61, 79 и 71 % соответственно – должны были отработывать минимумы в 175 трудодней

²² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 136–138.

²³ См.: Закон «О сельскохозяйственном налоге»: принят Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г. // Сборник Законов СССР и указов Президиума Верховного Совета (1938–1956 гг.). М., 1956. С. 321–322.

²⁴ Из отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии 14 февраля 1956 г. «Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции – всенародная задача» // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР... с. 212.

и выше²⁵. В то же время для колхозниц с малолетними детьми определялись пониженные нормы выработки. Несовершеннолетним, инвалидам и престарелым минимума не устанавливали. Порядок их материального обеспечения оговаривался отдельно. Крестьянам начислялись авансы, а особо отличившиеся работники получали дополнительные выплаты, определяемые по решению общего собрания. Для колхозников, без уважительных причин не выполнявших установленную нагрузку, стоимость трудодня уменьшалась на 25 %. В новых уставах фиксировалось сокращение личных наделов у пенсионеров, а также у колхозников, члены семей которых получали доход от работы в других организациях или не вырабатывали минимум²⁶. В сельхозартели «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области участок двора этой категории семей уменьшался с 0,4 га, предусмотренных уставом 1935 г., до 0,10–0,15 га. Колхозники должны были сократить поголовье домашнего скота. Так, в указанном хозяйстве по старому уставу каждая семья имела право содержать две – три коровы, по новому – только одну²⁷.

Обсуждение

Итак, «новый курс» аграрной политики колхозники по достоинству не оценили и прогнозируемый властью большой трудовой энтузиазм в целом не проявили. Наоборот, снижение налогового-податного и административного давления государства на хозяйства селяне восприняли как шанс уменьшить трудовую нагрузку, что отчетливо просматривается в практике реализации постановления от 23 июня 1954 г. У тружеников сельхозартелей появилась возможность перераспределить время и силы, расходуемые на труд в общественном секторе колхозного производства, в пользу домашнего хозяйства, что в целом не противоречило курсу на стимулирование ЛПХ.

Фермеризация сельского хозяйства, о которой говорил цитируемый выше мемуарист, на рассматриваемом этапе советской истории – сценарий маловероятный, хотя подобного рода идеи могли рассматриваться в высших эшелонах власти. Согласно циркулирующей в среде историков и публицистов информации, сторонником деколлективизации был Л. П. Берия²⁸. Впрочем, источники, подтверждающие подобную гипотезу, до сих пор не обнародованы. По нашему мнению, решение Г. М. Маленкова дать простор развитию ЛПХ – не смелая попытка преобразовать сложившийся аграрный строй с консервативных позиций, а скорее средство не допустить или преодолеть острый продовольственный кризис. В 1953 г. хозяйства многих регионов СССР (Украинская, Казахская, Латвийская, Литовская ССР, Краснодарский и Алтайский края, Омская и Новосибирская области) не выполняли государственное задание по поставкам хлеба, и руководители данных республик, краев и областей просили центр снизить плановые показатели. Кризис хлебозаготовок 1953 г. был вызван неурожаем зерновых культур (предыдущие два года также выдались недородными) и снижением темпов поставок зерна колхозами, которые стремились оставить больше хлеба в хозяйстве для выживания во время возможного голода. Ускорить ход хлебозаготовок путем репрессивного подавления «саботажников» в новых политических реалиях не представлялось возможным [3, с. 187–189].

Меры по стимулированию ЛПХ стали фактором, сдерживающим развитие колхозов и совхозов. Благодаря личным подворьям в трудовом поведении селян, главным образом женщин, сохранялись основные черты крестьянского менталитета, которые проявлялись в уклонении от высокорезультативной деятельности в общественном хозяйстве и хищениях его ресурсов для нужд

²⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1471. Л. 89, 92.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

²⁷ См.: Примерный устав сельскохозяйственной артели // Советская Сибирь. 1935. 20 февр.; По решению общего собрания колхозов // Там же. 1956. 6 мая.

²⁸ См.: Шостко В. Хотел ли Берия распустить колхозы // Крестьянин. 2009. URL: <https://www.krestianin.ru/articles/11774.php?ysclid=m7mzl92v4b457445468> (дата обращения: 27.02.2025).

приусадебного производства. Кроме того, ускорение темпов развития ЛПХ на фоне кризисных явлений в общественном производстве, в первую очередь в животноводстве, побуждало высокопоставленных адептов коммунистической доктрины добиваться использования административно-мобилизационных методов решения производственных задач и ускорения процессов огосударствления деревни и орабочивания крестьянства. В то же время на рассматриваемом историческом этапе ликвидировать ЛПХ руководство страны, конечно, не могло, так как уровень оплаты труда колхозников был существенно ниже уровня зарплат рабочих и служащих. Постепенное наращивание доходов работников сельхозартелей от труда в общественном хозяйстве создало бы условия для сокращения размеров их ЛПХ.

Могли ли колхозы в принципе стать самостоятельными заинтересованными в саморазвитии хозяйствами? Предоставленное им право распределять и нормировать труд и определять основные параметры производства, исходя из местных условий, в полном объеме действовало бы только при благоприятных факторах, обеспечивающих баланс интересов крестьянства и государства. В чрезвычайных обстоятельствах войны, подготовки к ней или послевоенного кризиса мнение колхозников о том, как им лучше вести коллективное хозяйство, центр игнорировал, имея об этом собственное представление, обусловленное сложившейся ситуацией, стратегическими государственными задачами, доктринальными и политическими установками. От административно-мобилизационных методов управления не отказались и в постсталинский период, хотя они уже не были столь одиозными. На пути развития колхозов как самостоятельных хозяйственных структур встали не только мобилизационные методы руководства, но и организационно-управленческая пассивность колхозных коллективов.

Заключение

Таким образом, первая постсталинская аграрная программа правительства, сформулированная в августе 1953 г. Г. М. Маленковым, базировалась на представлении о том, что в колхозах скрыт значительный экономический потенциал, который необходимо высвободить и использовать для подъема аграрного производства. Демонтаж наиболее одиозных механизмов сталинской аграрной системы и организация хозяйственной деятельности на основе подлинных кооперативных ценностей должны были превратить колхозы в эффективного производителя сельхозпродукции. Важным шагом в этом направлении стало принятие рассмотренного в статье постановления. С передачей сельхозартелям права устанавливать минимум выработки трудодней связывалось улучшение организации и оплаты труда колхозников и в конечном счете рост сельхозпроизводства. Однако многие хозяйства использовали это право как способ ограничить свое участие в труде на общественных полях и фермах, чтобы больше уделять внимания ведению ЛПХ. Меры по стимулированию индивидуальных подворий, принятые правительством Г. М. Маленкова в целях предотвращения острого продовольственного кризиса, противоречили программе стимулирования колхозов и в целом не способствовали развитию общественного производства. Работники сельхозартелей были поставлены перед выбором: где следует трудиться больше – в коллективном хозяйстве или в личном? Ответ нашелся быстро: мужчины расходуют больше времени на труд в колхозе, особенно в период проведения основных полевых работ, женщины – на труд в домашнем хозяйстве. Это решение колхозные коллективы по указанию партийных органов скорректировали в пользу развития общественного производства, в том числе приняв меры по борьбе с тунейдцами. При этом учитывались интересы хорошо работающих колхозников и тех, кто нуждался в социальной защите.

Список источников

1. *Андреев С. Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

2. Андреенков С. Н. «Либерально-реформаторское направление» в аграрной политике советского государства в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 4. С. 69–78.
3. Андреенков С. Н. Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 гг. // Крестьяноведение. 2024. № 3. С. 185–203.
4. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 138 с.
5. Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Вологда, 1989. 89 с.
6. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 255 с.
7. Ельчанинова О. Ю. Правовое регулирование колхозных правоотношений: анализ советского законодательства 1950–1970-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–3. С. 56–61.
8. Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.
9. Ковригина С. В. Внеэкономические формы стимулирования крестьянства Приангарья в послевоенный период // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск, 2014. С. 208–214.
10. Кометчиков И. В. Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2015. № 2. С. 43–57.
11. Кондрашин В. В., Сухова О. А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. № 4. С. 979–992.
12. Коньшев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111.
13. Кузнецов Ю. В. Сельская «элита»: председательский корпус орловских колхозов в период аграрных реформ Н. С. Хрущева // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 491–498.
14. Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: MAGERIC, 2007. 116 с.
15. Мотревич В. П. Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9. С. 51–53.
16. Олзоева Н. В. Организация, нормирование и оплата труда крестьян в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 91–95.
17. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сб. Вып. 3. Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 262 с.
18. Томилин В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М.: АИРО-XXI, 2021. 448 с.
19. Чжуан Шици. Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953–1959 гг. // Российская история. 2021. № 3. С. 144–154.
20. Яхновская С. В. «Очень много развелось скота у рабочих...». Из опыта государственного регулирования ЛПХ // Родина. 2012. № 3. С. 157–160.

References

1. Andreenkov S. N. The kolkhoz-sovkhoz system in Siberia in 1946: functioning and reforming. Novosibirsk, Sibprint, 2016, 256 p. (In Russ.)
2. Andreenkov S. N. «Liberal-reformist trend» in the agrarian policy of the Soviet state in the mid-1950s – early 1960s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* = Humanitarian sciences in Siberia. 2021; 4 (28): 69–78. (In Russ.)
3. Andreenkov S. N. Labor behavior of collective farmers in Siberia under the state agrarian policy in 1953–1964. *Krest'yanovedenie* = Russian Peasant Studies. 2024; 3 (9): 185–203. (In Russ.)
4. Beznin M. A., Dimoni T. M., Izumova L. V. Povinities of the russian peasantry in 1930–1960s. Vologda: Vologodskii NKTS TSEHMI RAN, 2001, 138 c. (In Russ.)
5. Beznin M. A. Peasant farm in the Russian non-Chernozem region 1950–1965. Vologda, 1989, 89 p. (In Russ.)
6. Verbitskaya O. M. The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-40s – early 60s. Moscow, Nauka, 1992, 255 p. (In Russ.)

7. Yelchaninova O. Y. Legal regulation of collective farm legal relations: analysis of Soviet legislation of 1950–1970s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2012; 7– 3: 56–61. (In Russ.)
8. Ilyinykh V. A. Raskrestyanization of Siberian village in the Soviet period: main tendencies and stages. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2012; 1: 130–141. (In Russ.)
9. Kovrigina S.V. Extra-economic forms of stimulation of the peasantry of Priangarie in the post-war period. *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik* = Irkutsk historical and economic yearbook. 2014. Irkutsk, Izd-vo BGUEHP, 2014, P. 208–214. (In Russ.)
10. Kometchikov I. V. Chairman and collective farmers in the Central Non-Chernozem Region in the mid- 1940s – early 1960s: transformation of relationships. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Tver State University. Series: History. 2015; 2: 43–57. (In Russ.)
11. Kondrashin V. V., Sukhova O. A. Kolkhoz system as the main resource of mobilization economy of the USSR in the 1930s – 1950s. *Noveishaya istoriya Rossii* = Modern History of Russia. 2019; 4 (9): 979–992. (In Russ.)
12. Konyshchev D. N. State policy of limitation of personal subsidiary farming (late 1950s – early 1960s). *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2011; 3: 102–111. (In Russ.)
13. Kuznetsov Y. V. Village “elite”: the chairman corps of Orel collective farms in the period of agrarian reforms of N.S. Khrushchev. *Dinamika i tempy agrarnogo razvitiya Rossii: infrastruktura i rynok: materialy XXIX sessii Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* = Dynamics and rates of agrarian development in Russia: infrastructure and market: proceedings of the XXIX session of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe. Orel: OGU, Orlovskaya pravda, 2006, P. 491–498. (In Russ.)
14. Malenkov A. G. About my father Georgy Malenkov. Moscow, MAGERIC, 2007, 116 p. (In Russ.)
15. Motrevich V. P. Increase of obligatory minimum labor days in the USSR and its realization in the Urals. *Agrarnyi vestnik Urala* = Agrarian bulletin of the Urals. 2014; 9 (27): 51–53. (In Russ.)
16. Olzoeva N. V. Organization, rationing and payment for peasant labor in collective farms of the Buryat-Mongol ASSR in 1945–1953. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = The Buryat State University Bulletin. 2012; 7: 91–95. (In Russ.)
17. The policy of raskrestyanization in Siberia: chronicle-documentary collection. Vol. III: Tax and deduction of the village. 1946–1952 / Edited by V. A. Ilyinykh, O. K. Kavtsevich. Novosibirsk, Izd-vo NSU, 2003, 262 p. (In Russ.)
18. Tomilin V. N. The state and collective farms: 1946–1964. Moscow, AIRO-XXI, 448 p. (In Russ.)
19. Zhuang Shiqi. Agrarian policy and agricultural development of the USSR in 1953–1959. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2021; 3: 144–154. (In Russ.)
20. Yakhnovskaya S.V. “A lot of cattle breed at workers...”. From the experience of state regulation of private subsidiary farms. *Rodina* = Motherland. 2012; 3: 157–160. (In Russ.)

Поступила 16.03.2025.

Сведения об авторе

Андреев Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). Сфера научных интересов – аграрный строй Сибири в середине XX в. Автор более 120 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Submitted 16.03.2025.

About the author

Sergey N. Andreenkov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian and demographic history, Institute of history, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Novosibirsk, Russia). Research interests: agrarian system of Siberia in the middle of the XX century. The author of more than 120 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY

ISSN 2409-630X (Print), ISSN 2618-916X (Online)
DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.137-155

УДК 94(470.5)^с

Н. М. Арсентьев¹, А. В. Слудных²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: direktor_isi@bk.ru

² АО ПО «Уральский оптико-механический завод им. Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия), e-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Становление оптической отрасли в России и главного отечественного центра оптики

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются вопросы становления оптической отрасли в России. На основе анализа широкого круга архивных данных и опубликованных материалов показана роль ведущего отраслевого центра отечественной оптической науки – Государственного оптического института (ГОИ). Престиж ГОИ в то время был чрезвычайно высок. В 2028 г. исполнится 110 лет со дня его основания. Государственный оптический институт является символом мирового научного центра, равные которому можно посчитать по пальцам. Поэтому данным событием следует воспользоваться и привлечь внимание общественности к проблемам оптики: науки, образования и промышленности.

Результаты и обсуждение. В статье выделены основные события истории зарождения и становления оптической отрасли в России и дана их краткая характеристика в связи с социальным, экономическим и политическим развитием страны. Рассмотрены первые шаги Государственного оптического института как научно-технического центра оптической промышленности России, а затем и развертывание его деятельности в роли ведущего отраслевого института.

Заключение. Целенаправленное становление и развитие оптической отрасли Советской России обуславливалось мобилизационным характером модернизации российской экономики, недостатком ресурсов (оптического стекла), сложной геополитической ситуацией. Вместе с тем молодая оптико-механическая промышленность демонстрировала серьезные успехи, поскольку обеспечила развитие обороны и промышленности, поддерживалась авторитетными разработками ученых-оптиков.

Ключевые слова: индустриализация, оптико-механическая промышленность, научно-исследовательская деятельность, отраслевая наука, Государственный оптический институт (ГОИ), Д. С. Рождественский, Академия наук СССР.

Для цитирования: Арсентьев Н. М., Слудных А. В. Становление оптической отрасли в России и главного отечественного центра оптики // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 137–155. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.137-155.

© Арсентьев Н. М., Слудных А. В., 2025

The Formation of the Optical Industry in Russia and the Main Domestic Optics Center

Abstract

Introduction. The article discusses the issues of the development of the optical industry in Russia. Based on the analysis of a wide range of archival data and published materials, the role of the leading industrial center of Russian optical science, the State Optical Institute (SOI), is shown. The prestige of the SOI at that time was extremely high. In 2028, the 110th anniversary of its foundation. The name “State Optical Institute” is a symbol of the world scientific center, whose equals can be counted on the fingers. Therefore, this event should be used to draw public attention to the problems of optics: science, education and industry.

Results and Discussion. The article highlights the main events in the history of the origin and formation of the Russian optical industry and provides a brief description of them in connection with the social, economic and political development of the country. The first steps of the State Optical Institute as a scientific and technical center of the optical industry in Russia, and then the deployment of its activities as a leading industry institute, are considered.

Conclusion. The purposeful formation and development of the optical industry in Soviet Russia was determined by the mobilization nature of the modernization of the Russian economy, the lack of resources (optical glass), and the difficult geopolitical situation. At the same time, the young optical and mechanical industry demonstrated significant success, as it ensured the development of defense and industry, and was supported by reputable developments by optical scientists.

Keywords: industrialization, optical and mechanical industry, scientific research, branch science, State Optical Institute (SOI), D. S. Rozhdestvensky, USSR Academy of Sciences.

For citation: Arsenyev N. M., Sludnyh A. V. The Formation of the Optical Industry in Russia and the Main Domestic Optics Center. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 137–155. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.137-155.

Введение

Актуальность проблемы становления отраслевой оптической науки определяется значимостью периода в СССР (индустриализацией 1929–1941 гг.) для последующего развития отечественной науки. Прежде всего это связано с необходимостью интеграции научных знаний в производство, решения сложных социально-экономических задач и использования потенциала научных исследований для развития страны. Как результат, в тот период были заложены основы советской системы организации научных учреждений и исследований.

Обзор литературы

История модернизации российской экономики получила достаточное освещение в исторической науке. Имеется широкий круг

исследований, посвященных индустриализации страны и отдельным отраслям [1; 2; 5].

Однако во многих работах больше говорится о роли партийных и государственных органов в производственных процессах. Роль отраслевой науки исследована меньше. При этом многостороннего изучения данной проблемы не получилось. Только в конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. началось более внимательное исследование истории индустриализации и особенно основ советской системы организации научных учреждений отраслевой науки [3; 4; 6–8; 14].

Результаты и обсуждение

Сталинская индустриализация стала продолжением российской индустриали-

зации, принявшей массовый характер во второй половине XIX – начале XX в. Она имела свои особенности промышленного развития. При этом природно-географические условия страны оказывали значительное влияние на ее темпы и характер.

К достижениям индустриализации на рубеже веков специалисты относят развитие транспортной инфраструктуры, введение рубля, обеспеченного золотовалютными резервами, усиление роли предпринимателей, а также монополизацию основных отраслей производства и появление конкуренции между российскими и зарубежными компаниями в некоторых секторах.

После отмены крепостного права в процессе урбанизации возрос спрос на промышленную продукцию, увеличилась численность рабочего класса. В середине 1880-х гг., после проведения крупных буржуазных реформ, начался экономический рост, который продолжался и в 1990-е гг. Быстрые темпы экономического развития способствовали притоку иностранных инвестиций из стран Западной Европы, таких как Бельгия, Германия, Франция и Великобритания, что привело к созданию совместных предприятий и акционерных обществ [20–22].

Социально-экономическое развитие России, однако, сопровождалось противоречивыми процессами. Среди них – низкая производительность труда на фоне высоких темпов экономического роста, зависимость от мировых цен на зерно и иностранных инвестиций, а также технологическое отставание на многих производствах. Эти факторы способствовали возникновению нескольких промышленных и производственных кризисов, таких как в 1898–1904 гг. и в 1907–1910 гг.

Неравномерное расположение промышленных зон по территории Российской империи приводило к различной степени вовлеченности отраслей промышленности в процессы модернизации, что сопровождалось сохранением мануфактурного и мелкокустарного производства в ряде от-

раслей. Это создавало диспропорции в экономическом развитии.

Капитализм в сельское хозяйство в начале XX в. так и не проник в деревню. Там продолжала существовать община с полукрепостническими порядками, низким уровнем применения техники и удобрений. Характерной чертой государственного монополистического капитализма было активное вмешательство государства в экономику. В России эта особенность ярко проявлялась через поддержку императорского дома и правительства в развитии металлургии, машиностроения, транспорта, судостроения. Государственные заказы и создание монополистических организаций стали основными формами государственного регулирования крупных отраслей экономики.

В итоге на рубеже веков Российская империя стала аграрно-индустриальной державой, по объему промышленного производства входя в пятерку ведущих индустриальных стран. В 1913 г. доля России (без учета Финляндии и царства Польского) в мировом промышленном производстве составляла около 5 %, а по более современным данным – около 9 % [2, с. 12].

Полноценная оптическая промышленность, основанная на массовом фабричном производстве, не сложилась в Российской империи в XIX – начале XX в., как и в ряде других стран. В те времена оптическая отрасль была относительно развита только в Германии, а Россия в основном закупала сложные оптические приборы за рубежом. В конце XIX – начале XX в. в России было только более 200 небольших и средних оптических мастерских, часть из которых представляла зарубежные фирмы, преимущественно немецкие. Некоторые из этих мастерских к началу XX в. выросли в небольшие фабричные производства, но большинство предприятий продолжали заниматься ручной сборкой, используя импортные детали и оптическое стекло.

В Российской империи сложилась опасная стратегическая зависимость от импорта оплотехники: «...страна обрелась на дальнейшее отставание от индустриальной

Таблица 1

Ввоз оптических приборов и физических инструментов в Россию с 1778 по 1914 г. /
Table 1
Import of optical devices and physical instruments to Russia from 1778 to 1914

Годы / Years	Средняя годовая сумма ввоза, руб. / Average annual import amount, rub.	Годы / Years	Средняя годовая сумма ввоза, руб. / Average annual import amount, rub.
1778–1780	33 703	1845–1847	53 785
1780–1792	72 897	1848–1850	65 036
1802–1804	135 441	1851–1853	61 930
1814–1815	4 111	1 870	242 580
1820–1821	64 441	1 880	556 045
1824–1827	17 212	1 890	1 516 969
1833–1835	38 915	1 900	2 811 233
1842–1844	53 293	1 914	4 507 629

цивилизации, что ставило под вопрос ее независимость» [1]. Оптических приборов и физических инструментов не хватало, и их закупка и доставка сопряжены с большими трудностями, которые становились все более актуальными с каждым годом. Потребность в этих приборах росла из-за развития военной техники, промышленного оборудования и геодезических работ.

Объем импорта и рост ввоза оптических приборов и физических инструментов представлены в табл. 1 [4, с. 105].

Как видно из табл. 1, во второй половине XIX – начале XX в. ввоз оптических приборов и оптических инструментов неуклонно увеличивался каждые десять лет: за около-реформенный период (с начала 1850-х до начала 1870-х гг.) – в 4 раза; в реформенный – в 2 раза; к началу 1890-х гг. – еще в 3 раза; к концу XIX в. – в 2 раза; и в 1,5 раза – к началу Первой мировой войны.

Основы отечественной оптической промышленности начали закладываться в России в начале XIX в. с производством оптических инструментов. Этим занимались две государственные оптико-механические мастерские: Военно-топографическое депо Главного штаба (в 1821 г. переименовано в Механическое заведение, а в 1832 г. – в Механическое отделение Военно-топографического депо Главного штаба) и мастерская

Гидрографического управления Морского министерства. Эти небольшие мастерские изготавливали зрительные трубы, астролябии, буссоли с диоптрами, нивелиры, секстанты, теодолиты, кипрегели-высотомеры-дальномеры и другие оптико-механические приборы.

Хотя эти мастерские и внесли определенный вклад, они не смогли существенно изменить общий уровень развития практической оптики в России. В первой половине XIX в. она оставалась на начальном этапе своего становления, и в течение последующих 100 лет производство оптических приборов в стране оставалось на низком уровне. Проблема обеспечения военной оптикой не была решена даже в начале XX в., дефицит отечественного производства гражданских оптических приборов, таких как отечественные микроскопы, фото- и киноаппараты, проекционные фонари, поляризационные устройства, оставался острым. Для спектральных приборов использовались в основном импортные комплектующие.

Темпы развития оптической отрасли в России, а также ее направление определялись множеством внешних и внутренних факторов, включая политические, экономические и социально-культурные условия конца XIX – начала XX в. Существенное

влияние на развитие отрасли оказали потребности в военном деле, геодезии, биологии, медицине, а также в области фотографии и кинематографа. Важным фактором стали общий уровень технологического и технического развития, состояние технической культуры и образования в стране, а также доминирование иностранных производителей в этой сфере.

Одним из главных факторов развития оптического производства в Российской империи в начале XX в. стали потребности военного дела. Стоит подчеркнуть, что уже во второй половине XIX в. оптические приборы стали неотъемлемой составляющей любого вооружения и снаряжения, включая как бинокли, так и высокоточное артиллерийское оборудование. В то время поставками биноклей для армии занималась оптико-механическая фабрика «К. Воткей», основанная в 1842 г. в Санкт-Петербурге, а также оптическая компания Ивана Яковлевича Урлауба, основанная в 1877 г., которая также производила бинокли и другие приборы [8].

Так или иначе обе организации значительно способствовали развитию оптического дела в России, поскольку в стране в конце XIX – начале XX в. не производились оптические инструменты, а также не было опытных специалистов в этой области. В то время на первый план выходили импортные изделия. Благодаря этому оптическое производство в стране стало более тесно связано с медицинской и физической наукой.

По некоторым данным, отсчет истории становления оптической отрасли в России начинается в 1899 г., когда было освоено наиболее технологически проблемное оптико-механическое производство. Первым отечественным производителем оптических приборов для армии и флота являлась варшавская фирма «Ф.О.С.» (Фабрика оптических снарядов) [16, с. 96]. Она была открыта в Варшаве инженером А. Д. Гинсбергом. Отличительной особенностью

«Ф.О.С.» была постановка производства на научной основе. Это, прежде всего, сказывалось на качестве изготавливаемых фирмой инструментов, которые очень быстро получили признание. В штате «Ф.О.С.», помимо отечественных мастеров, состояли специалисты предприятий Шотта и Цейса и Е. Крауса, ранее приглашенные в Варшаву. Военное министерство считало, что «крайне желательно поставить дело изготовления оптических инструментов в России на твердую почву», а для этого стремилось, «кроме фирмы “Ф.О.С.”, заинтересовать какую-либо солидную фирму, которая устроила бы внутри России завод для изготовления всех оптических приборов, необходимых для военного дела».

Фирма специализировалась на выпуске геодезических, морских, физических инструментов, фотографических объективов и всевозможных точных инструментов. По отзывам ряда выдающихся ученых, фотографические объективы фирмы «Ф.О.С.», изготавливаемые в России, впервые за длительное время были отличного качества. Оценивая качество выпускаемого инструмента, крупный специалист в области прикладной оптики Александр Львович Гершун отмечал, что «объектив “Ф.О.С.” нисколько не уступает аналогичным анастигматическим системам первоклассных зарубежных фирм... даже слегка превосходят лучшие из них...». К сожалению, деятельность фирмы «Ф.О.С.» была непродолжительной. После смерти А. Д. Гинсберга производство стало сокращаться, а в 1911 г. прекратилось вообще¹.

Затем последовало образование оптико-механической мастерской Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) морского ведомства в 1905 г. в Санкт-Петербурге. По причине того, что завод был перегружен заказами морского и военного ведомств, он постоянно срывал планы выпуска продукции военного назначения [26].

¹ См.: Новокшанова З. К. Геодезия в России XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 1957. с. 236–288.

Таблица 2
Выполнение производственных заданий
на Обуховском заводе в конце XIX в.^{2/}
Table 2
Performance of production tasks at the
Obukhov plant at the end of the 19th century

Год / Year	Выполнение, % / Accomplishment, %
1894	58
1895	56
1896	51
1897	47
1898	24
1899	53
1900	53

Основная задача, которая ставилась перед новой мастерской, – это налаживание собственного производства оптических прицельных приспособлений для орудий и других оптических приборов, которые ранее в небольших количествах собирались в полевом отделе завода с использованием импортного оптического стекла.

Первым руководителем мастерской стал К. С. Герцик-Полубеньский, а его помощником был приглашен итальянец Г. Ф. Коро (уже в 1914 г. стал заведующим мастерскими). Для научных консультаций был приглашен профессор Санкт-Петербургского университета эксперт в области инструментальной оптики А. Л. Гершун. Известно, что в 1895 г., ознакомившись с организацией оптических заводов в Германии, Англии и Франции, А. Л. Гершун в 1909 г. возглавил мастерскую. Он был единственным специалистом в России, способным на тот момент рассчитывать оптические системы.

С конца XIX в. на Обуховском заводе началась разработка и производство артиллерийских прицелов. В то же время на завод был направлен только что окончивший Артиллерийскую академию талантливый во-

енный инженер Я. Н. Перепелкин, который в 1904 г. разработал и организовал производство нескольких типов артиллерийских оптических прицелов. Часть компонентов (механические части) прицелов изготавливал полевой отдел завода, а также частные мастерские, но оптические элементы все еще продолжали закупать за границей [25].

Мастерская завода вначале имела 22 механических и 8 оптических станков и могла выпускать ежемесячно около 100 оптических прицелов, что позволило производить около 100 оптических прицелов ежемесячно. Для работы пришлось приглашать оптиков и мастеров из-за границы, а среди рабочих было много иностранцев. Так, в изготовлении прицелов принимали участие мастерская А. Н. Рейхеля (изготовление только труб), предприятия Лесснера, Однера, Сименса и Гальске, «Арматура», мастерская К. С. Герцика и др. Таким образом, производство прицелов включало в себя и зарубежный опыт. Рабочие часто приходили из петербургского Ремесленного училища цесаревича Николая, где в 1900 г. было открыто оптико-механическое отделение. Одним из первых русских учеников, ставших работником мастерской, был П. И. Иванов³

В 1905 г. в мастерской работали всего 8 чел., в 1908 – 47, в 1911 – 122, в 1914 – 353, в 1917 г. – 693 чел. С началом Первой мировой войны мастерская на Обуховском заводе получила крупные правительственные субсидии. Наладили производство башенных перископов, перископов для крепостных установок и подводных лодок, прицелов для винтовок, пулеметов и минных аппаратов, светосигнальных приборов. Руководил мастерской в те годы один из основателей оптической промышленности С. И. Фрейберг.

При мастерской в 1912 г. открылось специальное отделение для ремонта и выверки

² Составлено по: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 1. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917) / отв. сост. Л. Я. Сает. М., 2004. 832 с.

³ См.: Власов Н. А. Мастерская на Обуховском. URL: <http://www.old.astronomer.ru/library.php?action=2&sub=2&gid=46>

дальномеров как одного из самых сложных оптических инструментов того времени. В то же время оборудование пополнилось станками, штат рабочих – высококвалифицированными специалистами с закрывшейся варшавской фирмы «Ф.О.С.».

Уже в те годы можно было говорить о том, что с созданием мастерской на Обуховском заводе в России появилось первое оптико-механическое предприятие заводского типа, было положено начало оптической промышленности.

Многие исследователи подчеркивают, что в сфере оптического приборостроения Россия за короткое время проделала путь, на который европейским странам понадобилось целых два века. Сначала никто – ни за рубежом, ни в России – не верил, что это реально. Тем не менее, несмотря на успешное расширение мастерской в начале 1910-х гг. и выполнение заказов, спрос на оптическую продукцию все равно удовлетворялся слабо. Мощности и финансовые возможности производства не соответствовали изменившимся условиям. Всем было очевидно, что создание такой мастерской – лишь временная мера, которая никак не может удовлетворить потребности страны в оптических приборах, большая часть которых продолжала поступать в Россию от иностранных фирм. К слову, в 1914 г. на покупку оптических приборов и инструментов за границей было затрачено более 4,5 млн руб. Среди них геодезические приборы, астро- и физические инструменты, фотоаппараты общей стоимостью около 4 500 тыс. руб. Необходимо было создание специализированного предприятия.

29 августа 1913 г. А. Л. Гершун подал прошение в Министерство торговли и промышленности с просьбой зарегистрировать Российское акционерное общество оптического и механического производств (РАООМП). Общество было основано в 1914 г. в Санкт-Петербурге на средства правительства с участием капитала французского акционерного общества «Шнейдер-Крезе» [24, с. 54].

Директором-распорядителем стал А. Л. Гершун, и на средства этого общества на Чугунной улице было начато строительство оптико-механического завода. В 1915 г. предприятие начало выполнять крупные заказы Военного министерства, наладив производство взрывателей. С началом Первой мировой войны также было освоено производство прицелов, стереотруб, перископов для артиллерии и дальномеров.

На заводе также осуществлялся ремонт оптических приборов и проводились конструкторские разработки. В 1915 г. здесь работали 300 чел., в 1916 – уже 900, а к 1917 г. – около 1 000 чел. Изделия РАООМП отличались высоким качеством и по многим параметрам не уступали зарубежным аналогам. После революции 1917 г. предприятие стало основой одного из крупнейших советских оптических заводов – Государственного оптико-механического завода (ГОМЗ), а позднее – Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО).

Даже в тот период нельзя было с уверенностью говорить о наличии в России полного цикла производства оптических приборов. Монополистами в производстве оптического стекла и оптических приборов оставалась немецкая фирма Ф. О. Шотта и К. Ф. Цейса. Во Франции стекло производила фирма «Парра-Манту», в Англии – предприятие братьев Ченс. В 1915 г. поставки оптического стекла в Россию из-за рубежа прекратились, и в условиях угрозы национальной безопасности перед Российской империей встала задача создания собственного оптико-механического производства.

Сложность заключалась в технологии производства оптического стекла, которая длительное время сохранялась в секрете и на Западе, и в России. Оптическое стекловарение основывалось на трудоемких процессах, требующих специального оборудования и тонких навыков не только организаторов производства, но и среднего и младшего технического персонала.

Государственные органы уделяли особое внимание интеграции научных учреж-

дений с производственными процессами. Начало Первой мировой войны поставило перед Академией наук, главным научным учреждением страны, задачу активного вовлечения в экономическую жизнь, что требовало ее участия в комплексном исследовании производительных сил государства. Ответом на этот вызов стало создание в феврале 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Заручившись поддержкой профессоров, ее создание инициировал академик В. И. Вернадский, преследуя цель комплексного изучения природных ресурсов России [9].

В конце XIX – начале XX в. России даже приходилось заказывать часть вооружения за границей во время Первой мировой войны. Остро ощущалась нехватка отечественной продукции во многих областях. Комиссия снаряжала экспедиции для поиска полезных ископаемых, которые можно было бы использовать в отечественной промышленности [19].

Таким образом, в условиях военного времени КЕПС предоставляла Российской академии наук возможность получать растущие финансовые средства от военных ведомств и министерств, заказы которых она исполняла.

Ввиду важности проблемы отсутствия собственного оптического стекла к ее решению были привлечены лучшие научные и инженерные силы – организаторы исследования профессор-физик Д. С. Рождественский и технический директор Императорского фарфорового и стекольного завода будущий член-корреспондент АН СССР Н. Н. Качалов; профессора-химики Н. С. Курнаков, В. Е. Тищенко, Н. А. Пушин; заведующий производством И. В. Гребенщиков; вычислители А. И. Тудоровский, а позднее Г. Г. Слюсарев, Е. Г. Яхонтов; специалист по промышленным печам профессор Политехнического института В. Е. Грум-Гржимайло; молодые физики А. А. Лебедев, И. В. Обреимов и др. Для опытных работ на фарфоровый завод был приглашен профессор Варшавского политехнического института Г. Ю. Жуковский.

Под председательством Д. С. Рождественского собрался ученый совет, обсуждавший проблемы варки оптического стекла. На нем присутствовали Н. Н. Качалов, И. В. Гребенщиков, Н. С. Курнаков, Н. А. Пушин и представители промышленности. Для научного руководства всем процессом производства оптического стекла была создана коллегия консультантов, состоящая из высококвалифицированных специалистов в области теоретической и прикладной физики и химии. На коллессию возлагалась высшая ответственность за руководство экспериментами и проведение регулярных заседаний, на которых анализировались полученные результаты и разрабатывалась программа дальнейших исследований.

Коллегия сыграла ключевую роль в успешном освоении производства оптического стекла на заводе. Консультанты активно участвовали в работе отдела оптического стекла, следя за проводимыми экспериментами. Однако, несмотря на усердную работу ученых, выпуск стекла оставался крайне ограниченным. Завод освоил лишь три марки оптического стекла, при этом трудоемкие подготовительные операции выполнялись вручную или с использованием примитивных устройств.

На базе Императорского фарфорового (в настоящее время – завод имени М. В. Ломоносова) и стекольного заводов в 1915 г. был создан оптический отдел под руководством будущего академика И. В. Гребенщикова. Строительство требуемых помещений, закупка технологического оборудования и приборов для химической и физической лабораторий, а также проведение опытных варок оптического стекла финансировались царским правительством. Очевидно, что для начала работ требовалась технологическая документация, без которой производство оптического стекла становилось невозможным. Н. Н. Качалову удалось доставить техническую документацию из Англии, и группа сотрудников в лице А. А. Лебедева, И. В. Обреимова и других под руководством И. В. Гребенщикова приступила к ее изучению.

Этот отдел под руководством И. В. Гребенщикова получил возможность детально изучить технологию. Все этапы подготовки к варкам, а также процесс варок и отжига полученного стекла тщательно фиксировались И. В. Гребенщиковым. В 1916 г. было принято решение о строительстве еще одного завода по производству оптического стекла в Изюме, недалеко от Харькова, на территории казенного винного склада (завода). При нем собирались открыть и завод оптико-механических приборов для армии. Однако ввиду разных обстоятельств завод в Изюме так и не успели построить до революции, а Петроградский давал лишь немного оптического стекла невысокого качества [16, с. 471–475].

Уже через год после нескольких неудачных попыток в оптическом отделе были получены первые положительные результаты при изготовлении из собственного стекла призмы, которая прошла испытания Артиллерийским управлением и получила его одобрение. Вскоре в мастерской Обуховского завода был собран первый бинокль, в котором использовалось отечественное оптическое стекло. 19 марта 1917 г. КЕПС организовала комиссию по изготовлению микроскопов в России. По предложению Д. С. Рождественского Российская академия наук обратилась к Временному правительству с ходатайством о поддержке созданной на бывшем императорском заводе организации для изготовления научных приборов и соответствующего этому стекла.

В 1917 г. на фарфоровом заводе изготовили 130 кг стекла, переданного в оптическое производство Обуховского завода, но достичь промышленных объемов изготовления так и не удалось. Несмотря на сложности, с которыми сталкивались организаторы по стекловарению в те годы, целеустремленный ассистент И. В. Обреимов в свободное время создал иммерсионный метод для экспрессивного измерения малых разностей показателя преломления на обломках стекла, линз с неизвестными радиусами, призм, который не требовал ни шлифовки, ни полировки образцов стекла

(метод Обреимова). В теоретическом изложении и практическом применении метод был основан на явлении исчезновения видимости границ стекла, погруженного в иммерсионную жидкость, когда показатели преломления жидкости и стекла между собой уравниваются при определенной длине волны. Измерение производят интерференционным способом по разности показателей преломления измеряемой пробы и образца сравнения [12; 13].

В условиях разразившейся революции и выхода России из войны развертывание стекольного производства оказалось экономически невыгодным. После революции, в 1918 г., оптический цех Обуховского завода был законсервирован (снова введен в эксплуатацию в 1923 г.) [15].

В годы Гражданской войны И. В. Обреимов один из немногих ратовал за сохранение мастеров стекловарения, собирал материалы по теории производства оптического стекла и много практиковался у стекловаренных печей. В период НЭПа, когда в народном хозяйстве и экономике обозначились первые признаки восстановления, И. В. Обреимов вместе с А. А. Лебедевым начал готовить научный задел для стекловарения. Эта деятельность продолжалась до конца 20-х гг. XX в., т. е. до полного прекращения импорта оптического стекла.

Следует подчеркнуть, что основание Государственного оптического института связано с лабораториями Физического института Петроградского университета, где с 1915 г. под руководством Д. С. Рождественского велись исследования в области научной оптики и оплотехники, а также в опытном производстве оптического стекла (Н. Н. Качалов, И. В. Гребенщиков) и расчете оптических систем (А. И. Тудоровский) при фарфоровом и стекольном заводах. К 1916 г. уже сформировались все ключевые элементы будущего Государственного оптического института, а именно теоретическая и вычислительная оптика, а также оплотехника и производство оптического стекла.

Последним шагом перед объединением этих подразделений стало учреждение От-

дела оптотехники в апреле 1918 г. на базе подкомиссии микроскопии при КЕПС. Основной задачей было продолжение тщательной разработки технологии производства оптического стекла и создание оптической индустрии. Новое структурное подразделение возглавил ее инициатор – Д. С. Рождественский был одним из первых русских ученых, кто без колебаний откликнулся на призыв оказать помощь Советской республике в решении ключевых задач государственного строительства. Уже в мае 1918 г. по инициативе Д. С. Рождественского при Отделе оптотехники были созданы Коллегия по оптотехнике под председательством Д. С. Рождественского, вычислительное бюро под руководством А. И. Тудоровского и экспериментальная оптическая мастерская под руководством заведующего И. Е. Александрова. Для их размещения были выбраны Физический институт университета, а также фарфоровый и стекольный заводы [10].

Научно-технологический потенциал в области оптики, заложенный и организованный Д. С. Рождественским, уже тогда стремился стать связующим звеном между наукой и промышленностью, но не хватало единого координационного оптического центра. Потребность в нем объяснялась и немедленным укреплением обороноспособности государства в период Гражданской войны, и построением будущей инновационной экономики, напрямую связанной с наличием новых технологий. Д. С. Рождественский декларировал готовность отчаянно бороться за роль и место прикладной оптической науки, ведь на базе фундаментальных работ должны создаваться и доводиться до нужного уровня готовности технологии для всех отраслей промышленности.

В конце ноября 1918 г. было принято решение о преобразовании Отдела оптотехники в Государственный оптический институт (ГОИ) в составе Наркомпроса. Поскольку в области оптики не было академических специализированных институтов, ГОИ был определен ответственным за развитие тео-

ретических и фундаментальных исследований по оптике. Это событие произошло в нужный момент, когда появились новые представления о природе света, установилась тенденция необходимости оптических приборов и возникали всё новые области их применения. Необходимость создания научно-исследовательского и проектного института по оптике в эти годы была обусловлена общим историческим развитием России. Вся инициатива, весь план создания института принадлежали Д. С. Рождественскому. Он лично подготовил все документы, определяющие статус ГОИ, структуру, задачи и программу развития. По его задумке, на институт возлагалась вся идеология по проведению фундаментальных и прикладных исследований, а главное, внедрение их результатов в производство [3].

К этому моменту старые, достаточно консервативные, организационные структуры были разрушены, а новые, еще более жесткие, не успели сложиться. Это создавало условия для новых нетрадиционных образований в области науки и культуры, во главе которых стояли преданные своему призванию энтузиасты.

В статье, приуроченной к 15-летию Государственного оптического института, директор института Д. С. Рождественский дал характеристику культурной значимости оптической промышленности: «Распространенность оптики – признак высоты и культуры. Микроскоп, фотографический аппарат, зрительная труба или бинокль всегда отмечали культурную семью. Оптическая промышленность – самая высокая промышленность и потому, что наиболее тонкая и трудная, и потому, что она быстрее всего ведет нас через микроскоп и зрительную трубу к культуре, подлинному научному материализму и к рассеянию предрассудков. Народы славятся именно своей оптической индустрией, как бы она ни была ничтожна по своим размерам» [18, с. 25].

15 декабря 1918 г. в здании Физического института Петроградского университета под председательством заведующего профессора Д. С. Рождественского состоялось

первое организационное заседание ученого совета Государственного оптического института (ГОИ). На заседании были рассмотрены и утверждены Положение об институте, записка о целях и задачах института, предназначенная для представления в Народный комиссариат просвещения Главнауки, а также ряд организационных вопросов. Записка включала следующие моменты: обзор текущего состояния оптической науки и технологий в России и в ведущих западных странах, аргументацию в пользу создания объединения специалистов-оптиков в рамках организации, которая будет иметь широкую поддержку со стороны государства, а также формулировку основных задач вновь создаваемого института на ближайший период его деятельности. Подчеркивалось, что Государственный оптический институт должен превратиться в организацию нового формата, в которой научные и технические задачи были бы тесно взаимосвязаны. Записка требовала: «Необходим Оптический институт» [6].

Проект первого Положения о ГОИ был утвержден Петроградским окружным комиссариатом по просвещению еще 26 апреля 1919 г. Окончательное оформление решения состоялось, когда нарком просвещения А. В. Луначарский и заведующий Петроградским окружным комиссариатом просвещения М. П. Кристи подписали Декрет об учреждении Государственного оптического института, который был опубликован в № 98 газеты «Северная коммуна» от 6 мая 1919 г. Однако фактическое финансирование деятельности института началось уже в ноябре 1918 г.

В вопросе организации ГОИ основная выгода для Советского правительства заключалась в устранении исторически сложившегося в России разрыва между академической наукой и производственной деятельностью государства. В одном из циркуляров Научного отдела Наркомата просвещения, адресованных ученым обще-

ствам и научным учреждениям от 24 мая 1919 г., сообщалось о создании центрального научно-вспомогательного учреждения и справочного бюро: «Переживаемый страной политический и социальный переворот выдвигает задачу сближения науки с практикой жизни. Неотложная задача состоит в том, чтобы вводить в рабочую практику строгую струю научного опыта, освещать созидательную работу практических тружеников научной мыслью»⁴.

Одним из ключевых организационных вопросов стало превращение научных усилий из индивидуальных в коллективное творчество, а также создание науки как единого коллектива. Это контрастировало с сохранявшимся в других странах мира индивидуализмом, разрозненностью и хаотичностью научных исследований [5].

Это было время появления новых научных школ и идей. Основными школами советской физики стали школа академика Д. С. Рождественского, А. Ф. Иоффе, Л. И. Мандельштама и московская школа Лебедева – Лазарева, а также школа С. И. Вавилова. Эти научные школы сформировались накануне и в период Первой мировой войны.

На протяжении всей своей деятельности ГОИ сталкивался с рядом крупных и сложных задач государственной важности, связанных с созданием оптических приборов, материалов и технологий. Это требовало от ученых института значительной доли фундаментальных исследований, направленных на преодоление принципиальных трудностей, возникающих при решении прикладных проблем.

Фундаментальные исследования закономерностей окружающего мира, как правило, имели в ГОИ вполне конкретную цель, ориентированную на нужды промышленности, народного хозяйства, обороны, здравоохранения, благосостояния и культуры народа. Неслучайно эмблема ГОИ была изображена в виде картины «крюков»

⁴ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сб. док. / отв. ред. К. В. Островитянов. Л., 1968.

Д. С. Рождественского, символизирующей исследования атомного строения методами оптической спектроскопии. Эмблема также включала изображение книги как источника знаний, а также изображение микроскопа – оптического прибора, создающего высокоточное изображение с использованием уникальных оптических систем, тем самым сочетая достижения вычислительной оптики и технологий изготовления, сборки и юстировки оптических элементов.

Кроме того, Государственный оптический институт взял на себя ответственность за решение фундаментальных проблем оптики в целом, поскольку в системе Академии наук СССР не было другого института, работающего в таком широком и комплексном направлении. По-видимому, в связи с этим Российская академия наук приняла на себя методическое руководство деятельностью ГОИ, что нашло отражение во включении его в список академических институтов со звездочкой. К сожалению, заботы АН СССР о судьбе ГОИ этим практически ограничились.

За период с 1918 по 1923 г. институт Д. С. Рождественского старательно организовывал научные кадры, собирал со всех союзных республик физиков, интересующихся оптикой, воспитывал молодежь, вел активные работы по оптическому стеклу («Записка об оптическом стекле» опубликована как исторический документ в 1932 г.) и по оплотехнике, организовывал сильное вычислительное бюро. В результате уже с 1927 г. можно было говорить, что Россия избавилась от иностранной зависимости. Немалая заслуга в этом деле принадлежала ГОИ, а роль Д. С. Рождественского как организатора всего института и непосредственного консультанта в разных вопросах техники – исключительна. В 1922 г. он же организовал Русское оптическое общество, начиная с 1924 г. участвовал в создании отечественной оптико-механической промышленности.

Попытки сотрудничества ГОИ с промышленностью были предприняты уже в первые годы его существования. Значимым

событием в истории становления оптической отрасли стало первое научно-техническое совещание по вопросам оптико-механической промышленности (Ленинград, июнь 1924 г.). Центром разработок стала оптическая техника, вокруг которой сосредоточилась деятельность института [7].

В условиях взятого советским правительством курса на ускоренную индустриализацию страны именно широта накопленного к тому времени опыта позволила ГОИ стать блестящим наставником молодой оптической промышленности, на многие годы занять место ее ведущего научного учреждения. Также комплексность ГОИ наложила отпечаток на его судьбу и позднее, в годы научно-технического паритета с Западом.

Научный коллектив имел автономию в определении направлений исследований и распределении финансовых средств. Однако все остальные вопросы, такие как общее финансирование и материальное обеспечение, были уже в ведении организационно-хозяйственных структур, полностью подчиненных вышестоящим государственным органам.

Наркомат тяжелой промышленности СССР, в состав которого входило Всесоюзное объединение оптико-механической промышленности (ВООМП), до создания Министерства вооружения наделил ГОИ функциями головного института по оптике – методически организующего своим примером высокого уровня работы. Этот институт методически задавал высокие стандарты, организуя деятельность всех отраслей промышленности, основанных на оптике, наиболее актуальных проблем, на основе которых в будущем должна была строиться новая техника.

ВООМП (Всесоюзное объединение оптико-механической промышленности) включало в себя следующие заводы: завод точной механики № 19, Московскую фабрику геодезических приборов «Геодезия», Московский завод «Геофизика», Государственный оптико-механический завод (ГОМЗ) имени ОГПУ, Изюмский завод оптического стекла им. Ф. Э. Дзержинского,

Ленинградский завод оптического стекла, Ленинградский оптико-механический завод № 350, Ленинградский государственный завод метеорологических приборов «Метприбор», ленинградские ремонтные мастерские и магазин, стекольно-опытный завод ГОИ, ташкентские ремонтные мастерские и школу-завод в Ленинграде (позже реорганизованную в учебный комбинат ВООМП с техникумом точной механики и оптики и школой ФЗУ). Трест числился среди гражданских объединений, и его заводы, в отличие от военных, были показаны в атласе промышленности, изданном уже в 1934 г., за исключением завода точной механики № 19.

Прежде всего необходимо отметить, что ГОИ развивался значительно быстрее, чем наша еще очень скромная оптическая промышленность, благодаря чему молодой еще ВООМП может уже опираться на готовый научно-исследовательский аппарат. Относительно быстрое развитие ГОИ легко объяснить.

Во-первых, создать исследовательский институт гораздо легче, чем новую отрасль промышленности. Во-вторых, научных-работников, даже самой высокой квалификации, нужна только сотня, тогда как промышленность требует кадров в десятки тысяч; их нужно обучить, для чего в свою очередь нужна организация техникумов и вузов. Все это требует времени. В-третьих, ГОИ имел возможность собирать и обучать кадры в 1918–1924 гг., когда заводы фактически бездействовали.

Таким образом, в результате создания ВООМП соединились русская дореволюционная и советская школы оптического приборостроения. Это был верный шаг навстречу институционализации развивающейся оптической отрасли. Весь предшествовавший период до 1933 г. можно считать подготовительным. До революции практически не было ни оптической промышленности, ни большой исследовательской работы по оптике. Но почти с первых месяцев революции начался подготовительный период создания оптического институ-

та, вышедшего из недр Академии наук, из Комиссии естественных производительных сил, где Оптическое отделение было организовано в начале 1918 г.

ВООМП располагало семью заводами, где численность рабочих достигала 11 тыс. чел. Ленинградский и Изюмский (ЛенЗОС и ИЗОС) заводы оптического стекла вместе производили 200 т оптического стекла ежегодно. Еще пять заводов обеспечивали весь ассортимент инструментов, включая только научные, а также разнообразную и многоликую номенклатуру. Массированное производство еще не было налажено и находилось на стадии многочисленных испытаний. Советский микроскоп уже поступал на рынок, только что пройдя через этапы лабораторных технологических испытаний. Помимо прочего, вне ВООМП существовали еще четыре завода: кинематографии в Одессе, Киеве, Ленинграде, фотографических аппаратов в Харькове. Было заложено очень прочное основание для массового производства, включая бинокли, кинематографическое оборудование, фотографические аппараты и геодезические инструменты. Однако не массовые инструменты были представлены гораздо слабее. Почти не было приборов, которые производились бы в ограниченных количествах, десятками или единицами [17, с. 658–659].

Если в 1917 г. не существовало ни одного вычислителя, то теперь была организована целая структура из нескольких десятков человек, для которых сложные вычисления оптических систем, включая самые светосильные фотографические и микроскопические объективы, больше не представляли трудностей и загадок.

В первые годы индустриализации прагматической задачей ГОИ был сбор фактических материалов и возможный обмен производственным опытом. Ставя развитие оптической науки ГОИ в непосредственную обязанность, Главнаука Наркомпроса предоставила ему и определенные возможности, способствующие такому развитию, — эффективное вспомогательное средство для развития отраслевой науки — научные

заграничные командировки сотрудников ГОИ в зарубежные университеты и исследовательские центры. Отрядным результатом научной командировки всегда была популяризация советской оптической науки в широких кругах европейских государств.

Гигантский размах индустриализации страны, первая пятилетка, выделила острую проблему подготовки инженерных кадров. Время требовало не только количества, но и качества специалистов.

В 30-е гг. XX в. в центре внимания Советского государства оказался вопрос о дальнейшем развитии системы организации высшего оптического образования. Массовая подготовка инженеров-оптиков организовывалась в Московском высшем техническом училище им. Н. Э. Баумана, Ленинградском институте точной механики и оптики (ЛИТМО), а также в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК). ЛИТМО стал всемирно известным вузом, специализирующимся на подготовке специалистов в области оптики, точного приборостроения и компьютерных технологий, а также внес значительный вклад в укрепление обороноспособности страны. В вузах имеющийся комплекс специальностей, по которым осуществлялась подготовка инженеров, составил основу развития современного научного и промышленного приборостроения [23].

Рост и консолидация растущей оптической отрасли требовали создания вспомогательных объектов – конструкторских бюро (КБ), опытных помещений, направленных на развитие и обслуживание отрасли. На тот момент времени вспомогательные единицы не имели самостоятельного хозяйственного назначения и функций, присущих основному объекту. Поэтому еще весной 1931 г. были организованы специализированные конструкторское бюро и опытный завод для создания приборной техники. Причина их создания ясна: для промышленных производств, связанных с процессом горения химических, термических и термохимических процессов, требовались в значительных ко-

личествах приборы измерения, контроля и регулирования.

Первоначально в конструкторском бюро стали работать конструкторы и технологи ГОМЗ, ЛОМЗ, завода «Прогресс», Бюро оптических производств Государственного оптического института. Основные направления деятельности вспомогательных единиц сводились к разработке конструкторской технической и эксплуатационной документации, инженерных расчетов, технических консультаций, конструкторского сопровождения и т. д.

Техническое руководство работой Бюро осуществлял инженер ГОИ при начальнике бюро. Разработанные проекты поступали на утверждение в технический совет ВООМП и ГОИ одновременно.

К середине 1930-х гг. объем производства на предприятиях ВООМП увеличился более чем в 10 раз по сравнению с 1925–1926 гг. В дальнейшем, реализуя решения партии и правительства, оптическая отрасль активно развивалась: возводились новые корпуса заводов, увеличивалась численность рабочих коллективов. Создавались специализированные конструкторские бюро и лаборатории, а Государственный оптический институт, сохраняя независимость ведущего научного учреждения страны, стал главным институтом отрасли. Большое внимание уделялось подготовке высококвалифицированных специалистов, создавалась сеть специализированных учебных заведений для обеспечения кадрами развивающейся оптико-механической промышленности.

Деятельность отраслевой науки в период индустриализации осложнялась тем, что управление отраслевыми научными учреждениями в этот период было сосредоточено в соответствующих наркоматах и ведомствах. По рекомендации советского правительства научно-исследовательские работы в масштабе страны планировались на всесоюзных конференциях и съездах по отраслям производства или комплексным проблемам. Роль отраслевой науки заключалась в осуществлении прикладных и

теоретико-прикладных исследований для интеграции науки с производством и внедрения научных разработок.

Решения властей и инициативы, возникшие в результате самоорганизации ученых, сыграли ключевую роль в организации научной работы, что к 1938 г. позволило оптической отрасли обеспечить необходимое количество оптических приборов для производства вооружения. В ходе второй пятилетки отрасль сосредоточилась на модернизации и разработке новых приборов. К моменту начала Великой Отечественной войны в каталоге военных оптических приборов были представлены устройства для всех видов войск. Примечательно, что к концу третьей пятилетки мощность оптико-механической промышленности возросла до 1,5 млрд руб.

Фундаментальные исследования оптических стекол и разработки новых методов определения физико-химических свойств, качества стекла продолжались без перерывов, а результаты этих исследований быстро внедрялись в практику работы оптико-механических заводов, способствуя улучшению качества продукции. ГОИ работал не на количество, а на качество, поэтому к 1940 г. советский каталог оптического стекла ЛенЗОС включал в себя 73 марки и не уступал каталогам иностранных коллег, а каталог цветного стекла ИЗОС во многом даже превосходил зарубежные аналоги. Благодаря этому в историю советской науки были вписаны имена К. Г. Куманина, К. С. Евстропьева, А. И. Стожарова, В. В. Варгина, Л. И. Демкиной Д. Е. Вильнера, В. Н. Зимина, И. В. Гребенщикова, И. И. Назарова и многих других [11].

Не без участия ГОИ отечественная оптическая промышленность с 1939 г. начала выпуск прямых металлографических микроскопов. ОМП темп держала хорошо и к 1940 г. выпускала уже 10 типов микроскопов. Значительный опыт помог в разработке и освоении в производстве нескольких моделей поляризационных микроскопов и большого горизонтального металлографического микроскопа МИМ-3.

В 1930–1940 гг. были опубликованы и апробированы ряд исследований, в основном теоретического и фундаментально характера, о методах расчета и проектирования оптических систем различного назначения, также учебное пособие по курсу «Прикладная оптика». В написании работ приняли участие основоположники оптической науки в Советском Союзе: Д. С. Волосов, Д. Д. Максудов, М. М. Русинов, Г. Г. Слюсарев, А. И. Турыгин, Б. В. Фетилев, В. Н. Чуриловский. Значимым событием в области прикладной оптики явилось издание А. И. Тудоровским двухтомной монографии по теории оптических приборов.

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе было создано собственное оптическое производство, которое активно развивалось, а оптическая наука достигла значительных успехов. Советское государство больше не зависело от импортных поставок оптики. В каталоге военных оптических приборов были представлены описания устройств для всех родов войск, а также обновлена техническая документация на наиболее распространенные приборы, такие как бинокли, панорамы, артиллерийские теодолиты, внутрибазовые дальнометры артиллерии, танковые телескопические прицелы, танковые смотровые приборы, на некоторые авиационные бомбардировочные прицелы и прицелы для стрельбы из неподвижного оружия, аэрофотосъемочные аппараты.

Успешно завершив планы первых пятилеток, оптическая отрасль продемонстрировала способность полностью обеспечивать страну приборами военного назначения.

Однако к началу Великой Отечественной войны оптико-механические заводы и предприятия отрасли не имели действующих дублеров на Востоке. Вопрос выбора площадок для эвакуируемых был крайне сложным, особенно для стекловаренных заводов. Для размещения предприятий использовались помещения высших учебных заведений, школ, техникумов, советских учреждений. При этом неудобства, связанные с тем, что предприятия не помещались

на одной площадке, в расчет не принимались.

Заключение

Конец XIX – начало XX в. отмечены началом процесса массового перехода России к индустриальному обществу, т. е. обществу, в котором завершается развитие промышленности, а также формируются соответствующие ей социальные и политические отношения. Важнейшим аспектом этого периода является модернизация российской экономики.

Подобный период развития прошли все крупнейшие мировые державы, однако российская модернизация имела свои особенности. Она была своего рода догоняющей и происходила в более сжатые временные рамки. Этот процесс находился под жестким контролем высших властей. Модернизация охватила не все сферы жизни общества, а лишь те, которые способствовали усилению государственной мощи, не затронув все отрасли экономики.

Интенсивное развитие советской науки совпало с глобальным изменением роли фундаментальной науки в развитии совре-

менной цивилизации. К концу 1940-х гг. глобальная наука стала одной из движущих сил развития современного общества, а советская наука по многим аспектам оказалась в авангарде этого процесса.

Для советской экономики важным являлся факт наличия собственного комплексного института, выполнявшего функции научно-исследовательского института и проектного института. Государственный оптический институт в 1930-е гг. стал именно тем центром развития оптической науки, где процесс изучения рассматривался под углом зрения разработки и применения новых технических и технологических приемов в промышленности, в частности в оптической отрасли. Работа института заложила основы для успешного развития советской науки и техники в разных областях. На фоне достаточно интенсивного развития экономики СССР произошло становление оптической отрасли, характеризующейся полным замкнутым циклом разработки и производства оптического стекла и оптических приборов, начиная от фундаментальных исследований до массового производства.

Список источников

1. *Алексеев В. В.* Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всерос. науч. конф., 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 14–24.
2. *Арсентьев Н. М.* Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2019. 211 с.
3. *Белозеров А. Ф.* История оптики – история России // Лазер-Информ. 2014. № 2.
4. *Белозеров А. Ф.* Очерки истории и развития: в 2 т. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. Т. 1. 604 с.
5. *Грэхэм Л. Р.* Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998. 310 с.
6. *Гуло Д. Д., Кононков А. Ф., Осинковский А. Н.* Из истории основания Государственного оптического института (К 45-летию со дня основания) // История и методология естественных наук: сб. М., 1965. Т. 3. С. 273–292.
7. *Забиякин Ю. Е.* Из истории Трудов Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (1919–1993) // Труды ГОИ им. С. И. Вавилова. 1993. Вып. 217. С. 9–57.
8. *Каменская Н. Е.* Зарождение оптического производства в дореволюционной России (фабрика оптических инструментов И. Я. Урлауба) // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2010. № 4. С. 109–113.
9. *Колчинский Э. И.* Академия наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 184–206.
10. *Колчинский Э. И.* РАН и институционализация науки в 1918 г. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2019. № 5. С. 16–50.
11. *Молотов В. М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР // Советская Сибирь. 1939. № 63–64. С. 1–8.

12. Обреимов И. В. Методы измерения малых разностей показателей преломления // Труды ГОИ. 1919. Т. 1, вып. 1. С. 3–9.
13. Обреимов И. В. Определение показателя преломления без приборов // Труды ГОИ. 1923. Т. 3, вып. 17. С. 19–34.
14. Орлов А. В. Становление оптической промышленности в России в 1905–1917 гг. // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2011. № 4. С. 150–153.
15. Петровский Г. Т. История оптического стеклоделия в России // Оптический вестник. 1998. № 85. С. 12–14.
16. Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917: государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 281 с.
17. Рождественский Д. С. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 749 с.
18. Рождественский Д. С. Судьбы оптики в СССР // XV лет Государственного оптического института: сб. ст. под ред. акад. С. И. Вавилова. Л.; М., 1934. С. 18–42.
19. Свержевская М. И. Академия наук в переломную эпоху (1915–1930-е гг.) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. С. 194–204.
20. Слудных А. В. Оптика в годы, опаленные войной. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2020. 328 с.
21. Слудных А. В. Оптика в истории российской индустриализации середины XIX – начала XX века. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2021. 192 с.
22. Слудных А. В. Развитие оптики в условиях раннеиндустриальной модернизации во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая история. 2023. № 3. С. 217–228.
23. Тарлыков В. А., Шехонин А. А. Этапы развития оптического образования в России // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. 2010. № 3. С. 10–14.
24. Толанский С. Революция в оптике / пер. с англ. И. С. Щербиной-Самойловой; под ред. и с предисл. В. А. Угарова. М.: Мир, 1971. 225 с.
25. Ченакал В. Л. Оптика в дореволюционной России (Краткий исторический обзор) // Труды Института истории естествознания АН СССР. М., 1947. Т. 1. С. 121–167.
26. Щерба А. Н., Никулин Ю. А. Обуховский завод в 1900–1916 годы: характер и особенности развития военного производства // Новейшая история России. 2020. № 3. С. 560–575.

References

1. Alekseev V. V. Russian modernization in the civilizational dimension. *Civilizacionnoe svoeobrazie rossijskikh modernizacij: regional'noe izmerenie: materialy Vseros. nauch. konf.* = The civilizational originality of Russian modernization: a regional dimension: proceedings of the All-Russian Scientific Conference, July 2–3, 2009; RAS, URO, Institute of History and Archeology; ed. by I. V. Berezhnikov. Ekaterinburg : BKI Publ., 2009. P. 14–24. (In Russ.)
2. Arsenyev N. M. The Moscow mining board in the history of Russian industrialization. Saransk: Publishing House of the Center Institute, 2019. 211 p. (In Russ.)
3. Belozero A. F. The history of optics – the history of Russia. *Lazer-Inform* = Laser-Inform. 2014. № 2. (In Russ.)
4. Belozero A. F. Essays on history and development: in 2 vol. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2012. Vol. 1. 604 p. (In Russ.)
5. Graham L. R. (Lauren R.) Essays on the history of Russian and Soviet science. Moscow: Janus-K, 1998. 310 p. (In Russ.)
6. Gulo D. D., Kononkov A. F., Osinovsky A. N. From the history of the founding of the State Optical Institute (On the 45th anniversary of its foundation). *Istoriya i metodologiya estestvennykh nauk* = History and methodology of natural Sciences: Collection. Moscow: MSU, 1965. Vol. 3. P. 273–292. (In Russ.)
7. Zabyakin Yu. E. From The history of the Works of the S. I. Vavilov State Optical Institute (1919–1993). *Trudy GOI im. S. I. Vavilova* = Proceedings of the S. I. Vavilov SOI. 1993. Iss. 217. P. 9–57. (In Russ.)
8. Kamenskaya N. E. The origin of optical production in pre-revolutionary Russia (factory of optical instruments by I. Y. Urlaub). *Nauchno-tehnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnykh tekhnologij, mekhaniki i optiki* = Scientific and

- Technical Bulletin of the St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2010; 4(68): 109–113. (In Russ.)
9. Kolchinsky E. I. Academy of Sciences and the First World War. *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny* = Science, technology and society of Russia and Germany during the First World War. St. Petersburg, 2007. P. 184–206. (In Russ.)
 10. Kolchinsky E. I. RAS and the institutionalization of science in 1918. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov* = Problems of the scientist and research teams. 2019; 5(35): 16–50. (In Russ.)
 11. Molotov V. M. The third five-year plan for the development of the national economy of the USSR. Text: direct. *Sovetskaya Sibir'* = Soviet Siberia. 1939; 63–64(5831–5832): 1–8. (In Russ.)
 12. Obreimov I. V. Methods for measuring small differences in refractive indices. *Trudy GOI* = Proceedings. of the SOI, 1919; Vol. 1. Iss. 1: 3–9. (In Russ.)
 13. Obreimov I. V. Determination of the refractive index without instruments. *Trudy GOI* = Proceedings of the SOI, 1923; Vol. 3. Iss.: 19–34. (In Russ.)
 14. Orlov A. V. The formation of the optical industry in Russia in 1905–1917. *Nauchno-tehnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnykh tekhnologij, mekhaniki i optik* = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2011; 4(47): 150–153. (In Russ.)
 15. Petrovsky G. T. The history of optical glassmaking in Russia. *Opticheskij vestnik* = Optical Bulletin. 1998; 85: 12–14. (In Russ.)
 16. Polikarpov V. V. Russian military-industrial policy 1914–1917: state tasks and private interests. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015. 281 p. (In Russ.)
 17. Rozhdestvensky D. S. *Sobranie trudov*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. 749 p. P. 658–659. (In Russ.)
 18. Rozhdestvensky D. S. The fate of optics in the USSR. *XV let Gosudarstvennogo opticheskogo instituta: sb. st. pod red. akad. S. I. Vavilova* = XV years of the State Optical Institute : collection of articles ed. Academician S. I. Vavilova. Moscow; Leningrad: Gostekhizdat, 1934, 589 p. (In Russ.)
 19. Sverzhetskaya M. I. Academy of Sciences in a critical era (1915–1930s). *Idei i idealy* = Ideas and Ideals. 2019; Vol. 11, 4: 194–204. (In Russ.)
 20. Sludnykh A. V. Optics in the years scorched by the war. Pages of the history of the Ural Optical and Mechanical Plant. Saransk: Publishing house of the Center Institute, 2020. 328 p. (In Russ.)
 21. Sludnykh A. V. Optics in the history of Russian industrialization in the middle of the XIX – early XX century. Pages of the history of the Ural Optical and Mechanical Plant. Saransk: Publishing House of the Center Institute, 2021. 192 p. (In Russ.)
 22. Sludnykh A. V. The development of optics in the context of early industrial modernization in the second half of the XIX – early XX century. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 3(62): 217–228. (In Russ.)
 23. Tarlykov V. A., Shekhonin A. A. Stages of development of optical education in Russia. Text: direct. News of higher educational institutions. Instrument engineering. 2010; 3: 10–14. (In Russ.)
 24. Tolansky S. Revolution in optics. Moscow: Mir, 1971. 250 p. (In Russ.)
 25. Chenakal V. L. Optics in pre-revolutionary Russia (A brief historical overview). *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya AN SSSR* = Proceedings of the Institute of the History of Natural Sciences of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1947; Vol. 1: 121–167. (In Russ.)
 26. Shcherba A. N., Nikulin Yu. A. Obukhov plant in 1900–1916: character and features of development military production. *Novejshaya istoriya Rossii* = Research and development. 2020; 3: 560–575. (In Russ.)

Поступила 13.03.2025.

Сведения об авторах

Арсентьев Николай Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного

го университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социально-экономическая история России конца XVIII – начала XX в., информационные технологии в исторической науке. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 19 монографий, 30 учебников и учебных пособий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, генеральный директор АО ПО «Уральский оптико-механический завод им. Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: проблемы экономической истории России, история оптико-механической промышленности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Submitted 13.03.2025.

About the authors

Nikolay M. Arsenyev – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, Director, History and Sociology Institute, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: socio-economic history of Russia at the end of the 18th – early 20th century, information technology in historical science. The author of more than 200 scientific publications, including 19 monographs, 30 textbooks and manuals. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Anatoly V. Sludnyh – Cand. Sci. (History), Director, Ural Optical and Mechanical Plant (Ekaterinburg, Russia). His research interests include problems of the economic history of Russia, the history of the optical and mechanical industry. Research interests: problems of economic history of Russia, history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

УДК 336.22(470.323)''18''

Т. А. Чальцева

*Курский государственный медицинский университет Минздрава России
(Курск, Россия), e-mail: T.A.C.2002@yandex.ru*

Роль акцизных чиновников в формировании системы губернского акцизного управления в России во второй половине XIX в. (на примере Курской губернии)

Аннотация

Введение. Предметом исследования является акцизная система в России во второй половине XIX в. и формирование местных органов акцизного управления через анализ деятельности акцизных чиновников, которые пришли на смену откупщикам и позволили утвердить не только новые порядки налогообложения, но и отношение к ним со стороны местных органов управления и производителей.

Материалы и методы. Основой исследования являются неопубликованные документы, открытые в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Курской области (ГАКО). Часть из них впервые вводится в оборот. Также были проанализированы монографии и мемуары. В работе использована совокупность структурно-функционального и формально-логического методов анализа, синтеза и обобщения в историческом познании.

Результаты исследования. В ходе реализации реформ государственного управления середины XIX в. в России произошли глобальные социально-экономические преобразования. Так, эффективность налоговой политики достигалась последовательным соответствием интересов государства и налогоплательщиков в условиях протекционизма, а также созданием акцизной системы в основе приоритетного косвенного налогообложения. Организация акцизного надзора в стройной вертикальной централизованной финансовой системе строилась на полной ответственности управляющих губернскими акцизными управлениями, охраняя казенный интерес в условиях постоянной модернизации и играя огромную роль в администрировании акцизных сборов, ставших главным источником доходов государства. Именно поэтому важно показать роль личного потенциала акцизных чиновников, которые искренне стремились внести вклад в преобразования своей страны на пользу Отечества. Ярким представителем является управляющий Курским губернским акцизным управлением Б. К. Кукель.

Обсуждение и заключение. Проблемы дальнейшего развития российской экономики, требующие совершенствования налоговой системы как экономического регулятора, должны решаться с учетом обоснованной рентабельности налоговых отношений на основе отечественного и зарубежного опыта управления налогами. Фискальная значимость акцизов признана ведущими экономистами лучшей по простоте и рациональности, но нуждающейся в постоянном анализе изменчивости приоритетных функций акцизов и формирования человеческого капитала в условиях эффективного администрирования налоговой системой.

Ключевые слова: финансы, налоги, косвенные налоги, чиновники, акциз, акцизные управления, управляющий акцизным управлением, Департамент неокладных сборов.

Для цитирования: Чальцева Т. А. Роль акцизных чиновников в формировании системы губернского акцизного управления в России во второй половине XIX в. (на примере Курской губернии) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 156–164. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.156-164.

Tatyana A. Chaltseva

Kursk State Medical University (Kursk, Russia), e-mail: T.A.C.2002@yandex.ru

The Role of Excise Officials in the Formation of the Provincial Excise Management System in Russia in the Second Half of the 19th Century (using the example of Kursk province)

Abstract

Introduction. The subject of the study is the excise tax system in Russia in the second half of the 19th century and the formation of local excise authorities through an analysis of the activities of excise officials who replaced tax collectors and allowed them to approve not only new taxation procedures, but also the attitude of local governments and producers towards them.

Materials and Methods. The research is based on unpublished documents opened in the funds of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the State Archive of the Kursk Region (GAKO), some of which are being put into circulation for the first time, monographs and memoirs. The work uses a combination of structural-functional and formal-logical methods of analysis, synthesis and generalization in historical cognition.

Results. During the implementation of public administration reforms in the middle of the 19th century, global socio-economic transformations took place in Russia. Thus, the effectiveness of tax policy was achieved by consistently matching the interests of the state and taxpayers in conditions of protectionism, as well as by creating an excise tax system based on priority indirect taxation. The organization of excise supervision in a well-structured vertical centralized financial system was based on the full responsibility of the managers of Provincial Excise administrations, protecting the public interest in the context of constant modernization and playing a huge role in the administration of excise duties, which became the main source of state revenue. That is why it is important to show the role of the personal potential of excise officials who had a strong desire to serve for the benefit of the renewal of the Fatherlands, a prominent representative of which is the manager of the Excise Department of Kursk province, B. K. Kukel.

Discussion and Conclusion. The problems of further development of the Russian economy, requiring improvement of the tax system as an economic regulator, should be solved taking into account the reasonable profitability of tax relations based on domestic and foreign tax management experience. The fiscal importance of excise taxes is recognized by leading economists as the best in terms of simplicity and rationality, but it requires constant analysis of the variability of the priority functions of excise taxes and the formation of human capital in conditions of effective administration by the tax system.

Keywords: finance, taxes, indirect taxes, officials, excise duty, excise management, manager of excise management, Non-tax Collection Department.

For citation: Chaltseva T. A. The Role of Excise Officials in the Formation of the Provincial Excise Management System in Russia in the Second half of the 19th Century (Using the Example of Kursk province). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 156–164. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.156-164.

Введение

В современной России важен поиск путей эффективного государственного управления на местах, что требует учета практического опыта, исторически сложившегося в нашей стране. Анализ отечественной историографии показывает незначительный уровень интереса к теме взаимодействия общества и местной власти в дореволюционный период. Однако многие русские историки в своих трудах

обосновывают влияние на развитие внутренней и внешней политики чиновников, которые выступают основной опорой народа и государства в целом. Организации государственного аппарата управления и роль чиновничества в трудах русских историков были весьма актуальными темами, однако положительные заслуги отдельных чиновников чаще недооценивались, а отрицательные – гиперболизировались [2–4].

Русский инженер, экономист К. А. Скальковский в своем труде «Наши государственные и общественные деятели» отмечал: «Чиновники всегда останутся, будет ли для них дело или нет» [12, с. 490–491]. Деятельность чиновников в Российской империи может на первый взгляд показаться совокупностью должностей, которые несли государственную службу. Так, советский историк П. А. Зайончковский отмечал, что организация местного государственного управления «представлялась в виде мозаики или... пестрых фигур калейдоскопа, образующихся из случайного совокупления большего числа разноцветных камушков, без всякой основной идеи какой-либо системы... как результат постепенных, в течение долгого времени, преобразований и изменений, совершенных по разным ведомствам» [7, с. 133]. При этом история одного человека или история совокупности людей может оказывать колоссальное влияние на многие глобальные явления как в отдельно взятой стране, так и в мировой политике в целом. В монографиях П. А. Зайончковского [7; 8] представлен широкий исторический материал по организации работы органов государственного управления, в том числе местного уровня, где большое внимание отводится развитию российской бюрократии и роли личности в решении важнейших государственных задач, при этом указывая на имущественное положение чиновников, так как основным критерием их отбора было дворянское сословное происхождение.

По-разному подобранные люди осуществляли от имени государства публичную власть на основе функционирования целого государственного механизма, на что указывают в своих работах Н. П. Ерошкин, А. П. Погребинский. Чиновники в России относились к отдельной касте, поэтому в некоторых аналитических работах российских авторов советского периода делается попытка обосновать теории бюрократической системы. Так, Ю. Б. Соловьев отмечал мелкий чиновничий подход в решении неотложных задач в государстве, что формировало гипертрофированную бюрократию в России.

С. В. Юшков показал всесторонний подход в анализе жизни и деятельности чиновников XIX столетия. Советский и российский специалист в области экономической политики Российской империи Л. Е. Шепелев в работе «Чиновный мир России: XVIII – начало XX в.» показал иерархические особенности государственного чиновничества и его особое отношение к «мундиру» [10; 11, с. 25; 14].

Историк В. И. Быстренко указывает, что к середине XIX в. разграничение компетенций высшего государственного управления от местного характеризовалось строгой регламентацией, а на местах – системой государственного надзора [1].

Стоит отметить, что организация работы органов взимания прямых налогов осуществляется в отдельных работах, организация работы акцизных управлений на местах еще требует детального изучения [10].

Материалы и методы

Основой исследования являются неопубликованные документы, открытые в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Курской области (ГАКО). Часть из них впервые вводится в оборот. Также были проанализированы монографии и мемуары. В работе использована совокупность структурно-функционального и формально-логического методов анализа, синтеза и обобщения в историческом познании. Комплексно представить проблему позволила опора на традиционные методы исследования: систематизация исторического опыта, в том числе через анализ первоисточников.

Результаты исследования

Начало 60-х гг. XIX в. в Российской империи ознаменовалось реформами государственного и общественного строя. Это время, когда определился рубеж между миром, в основе которого лежало крепостное право с жесткой дискриминацией прав и свобод человека и новым миром с опорой на гуманные идеалы гражданского общества с условиями равноправности и толерантности. Новые европейские ценности выдвинули в России и новых людей, которые имели убежденное желание послужить

на пользу обновления Отечества в различных сферах жизнедеятельности общества. К середине XIX в. в России появилась настоящая потребность в коренных преобразованиях многих сфер государственного управления и началась торопливая череда реформ, которые соответствовали новым потребностям государства и общества.

Финансовые органы государственного управления обладали определенной спецификой, так как на них лежала основная задача – организация налоговой системы, способной осуществлять сбор, хранение и выдачу средств на развитие экономического фундамента общества в рамках существующего государственного строя. В 1863 г. разница между окладными и неокладными сборами привела к разделению Департамента разных податей и сборов на два центральных ведомства Министерства финансов: Департамент окладных сборов и Департамент неокладных сборов.

Департамент неокладных сборов (ДНС) взимал косвенные налоги, которые централизовались под руководство данного ведомства постепенно. Так, только два года спустя, в 1865 г., из Департамента торговли и мануфактур было предано управление сборами с табака и сахарного производства со штатным составом чиновников, которые имели опыт в данном деле.

Ориентирование налоговой системы Российской империи к середине XIX в. на приоритетное косвенное налогообложение привело к формированию акцизной системы и учреждению губернских акцизных управлений, на которые было возложено взимание всех косвенных налогов. Акцизные сборы стали главным источником доходов в государстве, поэтому во второй половине XIX в. начала отчетливо формироваться вертикальная система администрирования акцизных сборов и на местах «основное заведование косвенными налогами перешло в губернские и окружные акцизные управления» [5, с. 166]. Стоит отметить, что уже в 1866 г. доходы ДНС в 15 раз превысили разницу над

расходами, а содержание чиновников обходилось всего в 0,008 % от общей суммы доходов департамента¹.

Таким образом, деятельность ДНС изначально носила эффективный характер, но не без трудностей, которые были связаны с укреплением акцизной системы против привычной откупной, особенно на местах.

Недооценить роль личности Константина Карловича Грота в организации новой акцизной системы не представляется возможным. Действительный тайный советник с 1879 г., он был ярким приверженцем акцизной системы и полного отказа от откупной. Ответственно неся государственную службу (в 1861–1863 гг. возглавлял Департамент разных податей и сборов, с 1863 г. – статс-секретарь императора, а в 1864–1869 гг. – директор Департамента неокладных сборов), К. К. Грот старался сформировать акцизную систему так, чтобы она способствовала усилению государства в решении сложных социально-экономических проблем. Отличаясь грамотностью подбора управляющих акцизными управлениями на местах, он настаивал на том, что за умелое руководство акцизными сборами необходимо назначать высокое содержание. Действительно, К. К. Грот сумел подобрать и воодушевить новых акцизных деятелей, не подготовленных и даже не имеющих понятия о таком роде деятельности, но «здравый смысл и нравственная дисциплина помогали уразуметь и толково исполнять свои новые обязанности» [9, с. 179], поэтому новых акцизных чиновников отбирали из различных сфер государственной деятельности. Забота о деле позволила К. К. Гроту сформировать целую плеяду грамотных акцизных служащих для эффективного администрирования акцизной системы.

Стоит рассказать о Брониславе Казимировиче Кукеле. Из истории следует, что он – представитель виленских дворян, герба Лелива, получивший хорошее образование в России. Уже к 1853 г. окончил Главное (Николаевское) инженерное училище Русской императорской армии и Военно-ин-

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 575. Оп. 6. Д. 1. Л. 14–15.

женерную академию, а в 1857 г. поступил на службу чиновником особых поручений в штаб заслуженного генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева-Амурского в Иркутске. Стоит отметить, что начальником штаба был его старший брат Болеслав Казимирович Кукель. Братья успешно сопутствовали службе друг друга. Так, Бронислав Казимирович достиг значительных результатов в инженерных проектах, получив заслуженное уважение в военно-инженерных кругах. После смерти Н. Н. Муравьева-Амурского с 1862 по 1881 г. Бронислав Казимирович занимал пост управляющего акцизными сборами Курской губернии. Он получил колоссальный опыт работы в укреплении и развитии акцизной системы вплоть до 1901 г., в том числе на посту управляющего акцизными сборами Тульской, Костромской и Ярославской губерний, за что и получил чин советника министра финансов с 1901 по 1914 г.

Стоит отметить, что Б. К. Кукель был одним из пионеров в формировании губернского акцизного дела. Он вступил в должность управляющего акцизными сборами в 30 лет. Совершенно незнакомый с провинциальной жизнью, подготовленный к другой специальностью, он организовал новое важное для государства дело в «одной из самых трудных губерний» [9, с. 179] – Курской, где в свое время откупами занимались несколько богатейших и влиятельных лиц: Василий Александрович Кокорев, А. Матвеев, М. Бухтеев и др.

Имея первый административный опыт в утверждении и развитии акцизной системы «в одной из наших черноземных губерний» [9, с. 179] в середине XIX в., Б. К. Кукель в своих воспоминаниях дал некоторые понятия «о приемах и обычаях дореформенной администрации» [9, с. 179] спустя почти 30 лет, оставаясь единственным в России на своем посту управляющего акцизными сборами первого набора К. К. Грота.

Давая высокую оценку акцизной системе в Российской империи, Б. К. Кукель отмечал тяжелую борьбу с бывшей откупной, указывая на то, что долгое время до акциз-

ной системы и после ее введения «финансовые потребности отодвинули на второй план нравственные запросы, и народ попал в кабалу откупщиков» [9, с. 178]. Откупщики создали все условия для того, чтобы чиновники, действовавшие по закону, оказывались чуть ли не государственными преступниками. При этом государственная казна пустела на фоне колоссальных откупных состояний в руках откупщиков и их наследников. Постепенно на смену откупной системе к середине XIX в. пришла акцизная, заложенная еще в планах министра финансов (1823–1844 гг.) Егора Францевича Канкрин и создаваемая начальником ДНС К. К. Гротом, которого Б. К. Кукель в своих воспоминаниях называет «творцом акцизной реформы» [9, с. 178].

Однако акцизная система против откупной практически сразу имела значительные сложности на пути укрепления. Так, даже почтовые чиновники создавали намеренные трудности в приеме и выдаче почтовой корреспонденции, «приняв акцизных деятелей за агентов как бы нового откупного хозяина» [6, с. 59], и даже требовали месячное жалованье за свои услуги, несмотря на разъяснения почтового ведомства по требованию Министерства финансов о работе нового органа правительственной власти на местах – губернского акцизного управления. Б. К. Кукель в подобных случаях почтовое ведомство рассматривал в роли «Москы» из известной басни [9, с. 185]. В дальнейшем губернное почтовое ведомство сообщило о быстрой доставке казенной корреспонденции в Курское губернное акцизное управление по железной дороге ежедневно.

Будучи проводником новых акцизных порядков в Курской губернии, Б. К. Кукель прошел тяжелый путь борьбы со сторонниками откупной системы, что тянуло за собой массу сплетен, доносов. Однако молодость и хороший опыт на окраинах России не удержали бы Б. К. Кукеля, если бы не помощь в лице местного губернатора Владимира Ивановича Дена (1861–1863 гг.), которого и он сам относил к исчезающему типу «самодуров» – «бешенный, деспотичный, не знающий отпора своим капри-

зам, он однако обладал большим здравым смыслом, и честно, хотя и на свой образец, служил государству» [9, с. 180]. В. И. Ден застал Курскую губернию в состоянии полной анархии в управлении и старался, будучи военным человеком, навести законность, но в отдельных случаях сам переходил законные границы в борьбе с беззаконием (взяточничеством, казнокрадством и т. д.), несмотря на министерские напоминания и сенатские указы. Естественное противостояние откупной системе в деятельности В. И. Дена определилось уважением к деятельности управляющего акцизными сборами Б. К. Кукеля, который надолго оставил в памяти благодарные воспоминания о нем.

Стоит отметить, что губернские акцизные управления получили самостоятельность на местах, подчиняясь непосредственно ДНС, но для организации управления на местах необходимо было выстроить взаимодействия с губернаторами и губернскими ведомствами. Губернатор, по своему положению, должен был следить за исполнением законов, в том числе акцизных уставов. Уже в октябре 1863 г. в ДНС появилась инструкция «О порядке ревизий губернаторами губернских и уездных, установленных ведомств Министерства финансов»², которая давала право губернаторам проводить ревизию и лично докладывать министру финансов о своих сомнениях в работе ведомств. Так, губернатор Курской губернии Александр Николаевич Жедринский (1866–1881 гг.) обращался к Б. К. Кукелю с требованием вовремя собрать сведения по винокурению и сахароварению в губернии за 1873 г. для «всеподданнейшего отчета до 10 февраля 1874 г.»³, что указывало на его полномочия. В частности, в 1864 г. из Министерства внутренних дел губернатору Курской губернии поступило распоряжение установить контроль за исполнением правил нового Устава об акцизе с сахара туземного приготовления 1863 г., с обязательствами беспрепятственно содействовать организа-

ции акцизной службы. Так, в феврале 1874 г. Курское губернское акцизное управление предоставило губернатору необходимые сведения по акцизным сборам с 14 свекло-сахарных заводов губернии за несколько лет (1872–1873, 1871–1872, 1871–1870 гг.).

Тесное взаимодействие губернских ведомств давало возможность исправно охранять казенный интерес по акцизным сборам в вопросах благонадежности должностных лиц в акцизном управлении, за что нес личную ответственность управляющий. Б. К. Кукель ответственно относился к подбору кадров и часто прибегал к их проверке со стороны губернатора. Так, в 1881 г. Б. К. Кукель запросил у губернатора сведения о С. С. Кригитовиче, написавшем прошение на штатную должность в сахаро-акцизный округ Курского губернского акцизного управления. Несмотря на отсутствие опыта государственной службы, был принят с пометкой «ввиду технической подготовки просителя»⁴. Такой порядок взаимоотношений губернатора с управляющим акцизными сборами в Курской губернии Б. К. Кукелем приобрел строгую регулярность, в том числе в вопросах повышения или понижения по службе. В дальнейшем губернаторские отчеты по губерниям содержали «замечания по ведению дел в губернии»⁵ в ДНС.

Средняя численность штатных работников акцизного управления в 70-х гг. XIX в. составляла 30–40 чел., а к концу 90-х гг. XIX в. произошло увеличение в среднем до 120 чел., так как под управление попадали 15 уездов Курской губернии и три волости Сумского уезда Харьковской губернии: Ворожбянская, Прорубская, Белопольская. Так, Б. К. Кукель настаивал на необходимости иметь двух помощников надзирателя сахаро-акцизного надзора при окружном надзирателе для достойной работы, но директор ДНС Г. О. Розин установил четыре должности помощников надзирателя с учетом «значительного числа сахарных заводов, а

² ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 2958. Л. 3.

³ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 27 об.

⁵ РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 71. Л. 4.

также сложности самого надзора»⁶. Стоить указать, что жалования в акцизном управлении были вполне достойными по тем временам: окружной надзиратель 2-го разряда имел оклад 1 100 руб. + 600 руб. разъездные; помощник надзирателя – 800 руб. + 400 руб. разъездные; письмоводитель 2-го разряда – 500 руб.⁷ Однако, по мнению Б. К. Кукеля, многие специалисты-техники предпочитали служить на государственной акцизной службе, нежели на частной у сахарозаводчиков, которая давала возможность получить жалование значительно больше, и заводчики дорожили такими специалистами. Например, помощники директора сахарных заводов получали «2 000 руб. при готовой квартире с отоплением и освещением»⁸. Однако соискатели акцизной службы чаще оказывались «малоспособными, небрежными и строптивого характера»⁹, поэтому они могли довольствоваться жалованием значительно меньше жалования частной службы. Обращение Б. К. Кукеля к директору ДНС Г. О. Розину с предложением выбора на должность окружного надзирателя старшего помощника надзирателя Курского губернского акцизного управления Н. Н. Савина – «личность, обладающую высокими нравственными качествами» [9, с. 187], указывает на его ценностные, нравственные ориентиры в работе.

Однако представители губернского общества часто обращались к Б. К. Кукелю с просьбой устроить на службу родственников или знакомых, но чаще получали отказ по объективным обстоятельствам, тогда «масса некрасивых корреспонденций летела в столичные газеты» [9, с. 188]. Б. К. Кукель воспринимал Курскую губернию трудной по людским порокам и безнравственности. Так, в 1866 г., прибыв в Петербург для отчета по акцизным сборам в Курской губернии и заручившись советом К. К. Грота, он решил представиться министру финансов Михаилу Христофоровичу Рейтерну (1862–1878 гг.) и

с «полной откровенностью» [9, с. 188] доложить, до чего доходит «злота недоброжелателей» [9, с. 188] на службе в Курской губернии. Однако мудрые слова М. Х. Рейтерна о важности служебного дела и равнодушии ко всем нападкам позволили заручиться полной поддержкой лично министра финансов. В дальнейшем Б. К. Кукель с глубочайшей благодарностью упоминал М. Х. Рейтерна и К. К. Грота, отмечая, что «благодаря им, я уцелел в борьбе нового порядка со старым» [9, с. 188]. Стоит отметить, что М. Х. Рейтерн, заступив на министерский пост, подметил важнейшие отрасли государственного управления в руках «бесцветных и даже бездарных личностей» [12, с. 490], за исключением К. К. Грота и Евгения Ивановича Ламанского. Над отдельными из них М. Х. Рейтерн посмеивался, но не любил менять людей на службе.

Накопив колоссальный опыт, управляющий Курским губернским акцизным управлением Б. К. Кукель должен был сформировать личный состав сахаро-акцизного округа в своем ведомстве до 1 июля 1881 г., несмотря на список лиц, подавших заявления на должностную службу по сахаро-акцизному надзору от ДНС. Б. К. Кукель в свою очередь представил министру финансов критерии отбора кандидатов на открытые вакансии, считая, что на службу необходимо брать не по способностям, а по нравственным качествам, так как образованный человек может освоить техническую специальность, а нравственные установки позволят качественно выполнять служебные обязанности и «поставить себя в правильное отношение к заводской администрации». Важный критерий, выдвинутый Б. К. Кукелем, – отсутствие материальной заинтересованности, т. е. не брать на службу претендентов, имеющих личные отношения с сахарозаводчиками или ранее работавших в администрации сахарных заводов.

Управляющий Курским губернским акцизным управлением брал на себя решение

⁶ РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 71. Л. 4.

⁷ ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 187. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 9 об.

⁹ Там же.

всех хозяйственных вопросов и, главное, аренду частных зданий у купцов или дворян под учреждения акцизного управления. Так, в 1879 г. в Курске акцизное управление использовало здание площадью в «20,7 кв. сажен»¹⁰ с пятью комнатами и арендной платой в 500 руб. в год у купца Б. Дрыжакова. На его содержание требовалось: 100 руб. – на отопление; 150 руб. – на прочие расходы, в том числе плату рассыльному. К зданию был пристроен сарай для склада топлива. На участках управления арендная плата устанавливалась в зависимости от удаленности округов и площадей зданий, иные же хозяйственные расходы доходили до 250 руб. в год. По указанию Б. К. Кукеля все хозяйственные заботы по обеспечению деятельности Курского губернского акцизного управления чаще несли служащие сахаро-акцизного округа.

Четкость и организованность в работе управляющих акцизными управлениями позволяла решать сложнейшие вопросы по формированию штата должностных лиц и определять «чистоту» их служебной деятельности, в полном смысле этого слова. Тесное взаимодействие управляющих акцизными управлениями с губернаторами выявило эффективность работы в вопросах организации акцизного надзора; проверки лиц, претендующих на службу в составе управления; хозяйственного обеспечения деятельности акцизного ведомства и т. д.

Стоит отметить, что Б. К. Кукель был внесен в Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления на 1908 г. [13, с. 25].

Список источников

1. Быстренко В. И. История государственного управления и самоуправления в России: учеб. пособие. Новосибирск: НГАЭИУ. М., 1997. 92 с.
2. Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань: И. В. Дубровин, 1855. 300 с.
3. Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. Т. 3. Органы местного управления. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. 390 с.
4. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. Т. 97, вып. 1–3. С. 3–38.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. школа, 1968. 368 с.
6. Жирнов Е. Акциз его императорского величества // Коммерсантъ Деньги. 2010. № 40. С. 59–64.

¹⁰ ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 187. Л. 10.

Обсуждение и заключение

Проблемы дальнейшего развития российской экономики, требующие совершенствования налоговой системы как экономического регулятора, должны решаться с учетом обоснованной рентабельности налоговых отношений на основе отечественного и зарубежного опыта управления налогами. Фискальная значимость акцизов признана ведущими экономистами лучшей по простоте и рациональности, но требующей постоянного анализа изменчивости приоритетных функций акцизов и формирования человеческого капитала в условиях эффективного администрирования налоговой системой.

Таким образом, управляющие акцизными управлениями с полной ответственностью занимались организацией акцизного надзора, исправно охраняя казенный интерес по уплате косвенных налогов в условиях постоянной модернизации. Организация управления сахарным акцизом в Российской империи проделала довольно сложный путь к стройной вертикальной централизованной финансовой системе, позволяющей четко реагировать на запросы государства, в то же время играя огромную роль в эффективности системы налогообложения. Так, в России XIX в. произошли глобальные социально-экономические сдвиги, на которые в действительности оказывали влияние талантливые люди, порой даже малоизвестные. Именно поэтому, вновь и вновь обращаясь к страницам истории, стоит подчеркнуть роль личности, так как это и есть результат человеческой деятельности в государственном масштабе.

7. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1964. 510 с.
8. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
9. Из эпохи уничтожения откупов. Воспоминания первого, по времени назначения, акцизного чиновника, 1862–1863 гг. Сообщ. Б. К. Кукель // *Русская старина*. 1892. Т. 73, вып. 1–3. С. 177–189.
10. *Кравцова Е. С.* Опыт организации налогового дела в России в конце XIX – начале XX столетия. Курск: Изд-во КГМУ, 2010. 300 с.
11. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1981. 158 с.
12. *Скальковский К. А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. 592 с.
13. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений. СПб.: Гос. тип., 1908. 308 с.
14. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 520 с.

References

1. *Bystrenko V. I.* The history of public administration and self-government in Russia: A textbook. Novosibirsk: NGAEIU, Moscow, 1997, 92 p. (In Russ.)
2. *Vitsyn A.* A brief outline of governance in Russia from Peter the Great to the publication of the General Institution of Ministries. Kazan: I. V. Dubrovin, 1855. 300 p. (In Russ.)
3. *Gradovsky A. D.* The beginnings of Russian state law: in 3 vol. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's press, 1883. Vol. 3: Local government bodies. 390 p. (In Russ.)
4. Russian Russian Life at the beginning of the 19th century. *Russkaya starina* = Russian Antiquity. 1899. No. 3. pp. 565-566. (In Russ.)
5. *Eroshkin N. P.* The history of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1968. 368 p. (In Russ.)
6. *Zhirnov E.* The Excise Tax of His Imperial Majesty. *Kommersant. Money*. 2010. No. 40. P. 59–64. (In Russ.)
7. *Zainchkovsky P. A.* The crisis of autocracy at the turn of the 1870s – 1880s. Moscow: Moscow University. 1964. p. 510. (In Russ.)
8. *Zayonchkovsky P. A.* The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century. M.: Mysl, 1978. 288 p. (In Russ.) (In Russ.)
9. From the era of the abolition of the payoffs. *Russian antiquity*. Vol. 73. St. Petersburg.: Type. 1892. From 179. (In Russ.)
10. *Kravtsova E. S.* The experience of organizing tax business in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century. Kursk: KSMU Publishing House, 2010. 300 p. (In Russ.)
11. *Solovyov Yu. B.* Autocracy and the nobility at the end of the 19th century. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 158 p. (In Russ.)
12. *Skalkovsky K. A.* Our statesmen and public figures. St. Petersburg, 1890. 592 p. (In Russ.)
13. List of the highest ranks of the state, provincial and diocesan administrations. St. Petersburg: State Printing House, 1908, 308 p. (In Russ.)
14. *Shepelev L. E.* The official world of Russia: XVIII – early XX century. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001. 520 p. (In Russ.)

Поступила 18.02.2025.

Сведения об авторе

Чальцева Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета Минздрава России (Курск, Россия). Сфера научных интересов: экономическая история, краеведение.

E-mail: T.A.C.2002@yandex.ru

Submitted 18.02.2025.

About the author

Tatyana A. Chaltseva – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Kursk, Russia). Research interests: economic history, local history.

E-mail: T.A.C.2002@yandex.ru

УДК 94:621.311.1(571.6)

А. В. Маклюков

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток, Россия), e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru*

Формирование районных энергетических систем на Дальнем Востоке СССР в 1957–1966 гг.: предпосылки, условия и особенности

Аннотация

Введение. В исследовании анализируются исторические аспекты формирования районных энергетических систем на Дальнем Востоке СССР в 1957–1966 гг., выявляются предпосылки, условия и технико-экономические особенности этого процесса.

Материалы и методы. Исследование основано на неопубликованных архивных делопроизводственных материалах, в том числе рассекреченных документах, выявленных в фондах федеральных, региональных и ведомственных архивов. Используются традиционные исторические и историко-экономические методы (системный, статистический, количественный).

Результаты исследования. Усиление восточного вектора в государственной политике в послевоенные годы, административно-территориальные преобразования дальневосточной территории, создание новых структур управления народным хозяйством, возобновление энергетического строительства и проведение научных изысканий – все это в совокупности создавало предпосылки для формирования районных энергетических систем на Дальнем Востоке. Однако укоренившиеся со времен индустриализации ведомственные принципы управления электроэнергетикой стали серьезной проблемой на пути к переходу энергетического хозяйства в самостоятельно управляемые и развивающиеся элементы экономики – энергетические системы.

Обсуждение и заключение. Ключевой предпосылкой для образования энергетических систем на Дальнем Востоке стала управленческая реформа 1957 г. В результате активной хозяйственной деятельности совнархозов в каждом дальневосточном субъекте постепенно появились районные энергетические управления-системы. Дальневосточные энергетические системы формировались в условиях ограниченных финансовых и материально-технических ресурсов, несогласованности между центром и регионом в решении проблем отрасли, недостаточных объемах и темпах энергетического строительства, слабой централизации электроснабжения потребителей. Отличия дальневосточных энергетических систем от центральных, уральских и сибирских выражались в том, что по технико-экономическим показателям они им заметно уступали, были изолированы друг от друга и внутри еще не представляли единого целого.

Ключевые слова: энергетическая система, выработка электроэнергии, электрификация, народное хозяйство, Дальний Восток, СССР.

Для цитирования: Маклюков А. В. Формирование районных энергетических систем на Дальнем Востоке СССР в 1957–1966 гг.: предпосылки, условия и особенности // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 165–178. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.165-178.

Aleksey V. Maklyukov

*Institute of History, Archeology and Ethnography Far-Eastern Branch of the Russian
(Vladivostok, Russia), e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru*

Formation of Regional Energy Systems in the Far East of the USSR in 1957–1966: prerequisites, problems and features

Abstract

Introduction. The study analyzes the historical aspects of the formation of regional energy systems in the Far East of the USSR in 1957–1966, and identifies the prerequisites, conditions, and technical and economic features of this process.

Materials and Methods. The study is based on unpublished archival records, including declassified documents found in the funds of federal, regional and departmental archives. The study uses traditional historical methods and historical-economic (systemic, statistical, quantitative).

Results. Strengthening of the eastern vector in state policy in the post-war years, administrative and territorial transformations of the Far Eastern territory, creation of new structures for managing the national economy, resumption of energy construction and conducting scientific research – all this together created the prerequisites for the formation of regional energy systems in the Far East. However, departmental principles of managing the electric power industry, which had taken root since the times of industrialization, became a serious problem on the way to the transition of the energy industry into independently managed and developing elements of the economy – energy systems.

Discussion and Conclusion. The key prerequisite for the formation of energy systems in the Far East was the management reform of 1957. As a result of the active economic activity of the economic councils, district energy management systems gradually appeared in each Far Eastern entity. Far Eastern energy systems were formed under conditions of limited financial and material and technical resources, inconsistency between the center and the region in solving the problems of the industry, insufficient volumes and rates of energy construction, and weak centralization of electricity supply to consumers. The distinctive features of the Far Eastern energy systems from the Central, Ural and Siberian ones were that they were noticeably inferior to them in technical and economic indicators, were isolated from each other and did not yet represent a single whole within.

Keywords: power system, power generation, electrification, the national economy, the Russian Far East, USSR.

For citation: Maklyukov A. V. Formation of Regional Energy Systems in the Far East of the USSR in 1957–1966: prerequisites, problems and features. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 165–178. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.165-178.

Введение

В СССР в конце 1940-х – середине 1960-х гг. в рамках формирования и реализации стратегического курса развития топливно-энергетического комплекса шло активное освоение новых месторождений угля, природного газа и нефти, началось становление атомной отрасли, развернулось строительство масштабных гидроэнергетических проектов в Сибири. Происходило формирование 11 крупных энергетических систем, в том числе в восточных районах страны – Уральском и Сибирском. В 1955–1957 гг. на базе объединения центральной,

поволжской и уральской энергосистем началось формирование Единой энергосистемы страны (ЕЭС СССР). В 1954–1965 гг. создавалась объединенная энергосистема Сибири на основе соединения районных энергосистем – новосибирской, омской, кузбасской, красноярской, иркутской, петропавловской, томской и барнаульской [15, с. 168, 420]. На Дальнем Востоке в данный период еще только начинался процесс создания районных энергетических систем в административно-территориальных границах субъектов региона. Он происходил в специфических экономико-географических

условиях, с трудностями и проблемами, а создаваемые районные энергосистемы имели технико-экономические особенности, качественно отличаясь от других энергосистем страны.

В данном исследовании анализируются исторические аспекты формирования районных энергетических систем на Дальнем Востоке СССР в 1957–1966 гг., выявляются предпосылки, условия и технико-экономические особенности этого процесса.

Обзор литературы

Вопросы формирования энергетических систем в СССР во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в как общем контексте экономического развития страны, так и в электроэнергетике в частности, детально исследовались советскими и современными экономистами и историками. Среди множества исследований следует выделить исторические работы обобщающего характера, посвященные истории электрификации страны и ее регионов [1; 15–17; 19], истории развития отдельных энергосистем [3; 9]. Непосредственно исторические аспекты создания энергетических систем на Дальнем Востоке во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. рассматривались исследователями через призму государственной политики по отношению к региону [2; 7; 11] и развития электроэнергетической отрасли [14; 6], истории становления дальневосточной академической науки [12]. Отдельные публикации справочного характера посвящены истории энергетических управлений Хабаровскэнерго, Камчатскэнерго и Магаданэнерго [8; 10; 18]. Однако на сегодняшний день нет специальных работ, в целом раскрывающих исторический процесс создания районных энергетических систем на Дальнем Востоке СССР в 1957–1966 гг., выявляющих его предпосылки, условия и особенности.

Материалы и методы

Исследование опирается на корпус неопубликованных архивных материалов, в том числе рассекреченных, выявленных в фондах федеральных, региональных и ведомственных архивов: Государственно-

го архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Государственного архива Амурской области (ГАО), Государственного исторического архива Сахалинской области (ГИАСО), Государственного архива Магаданской области (ГАМО), Архива Дальневосточного отделения Российской академии наук (Архив ДВО РАН). Основными изученными видами документов являются постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, приказы Минэнерго СССР, ходатайства обкомов КПСС, постановления дальневосточных совнархозов, материалы заседаний технико-экономических советов совнархозов, годовые отчеты районных энергетических управлений Дальэнерго, Хабаровскэнерго, Амурэнерго, Сахалинэнерго, Камчатскэнерго и Магаданэнерго, планы и проекты, аналитические и докладные записки дальневосточных ученых, касающиеся развития региональной электроэнергетики.

В исследовании использованы традиционные исторические методы, а также историко-экономические. Системный метод позволил рассматривать районные энергетические системы Дальнего Востока как элементы плановой экономики СССР второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. Статистический метод применялся для анализа общих изменений и внутренних механизмов формирования дальневосточных энергосистем. Количественный метод использовался для выявления технико-экономических особенностей, численных характеристик и исторического анализа.

Результаты и обсуждение

В послевоенные годы изменение статуса и места СССР в мировом сообществе повлекло за собой внесение корректировок в государственную политику для обеспечения новых геополитических целей. Задачи экономического развития страны требовали сдвига индустрии на восток, вовлечение в

хозяйственный оборот новых источников и сырья, поэтому внимание политического руководства было обращено к освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Дальневосточная политика правительства ориентировалась на оказание всевозможной помощи Китаю для создания мощного союзника в Восточной Азии. Изменение геополитического положения Дальнего Востока привело к пересмотру концепции его развития и трансформации региональной экономики в территориальный индустриальный комплекс с экспортной специализацией [4, с. 201].

Вместе с тем состояние электроэнергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке не соответствовало задачам и потребностям развития региональной экономики. Первая в регионе энергетическая система Дальэнерго была создана в 1937 г. для электроснабжения Владивостока. Она отличалась от других систем в СССР очень скромными производственными мощностями и незначительным территориальным охватом потребителей [13, с. 143]. За 1946–1950 гг. протяженность электросетей Дальэнерго увеличилась в 2,5 раза, электричество от них стал получать и Уссурийск¹. Однако к 1950 г. по сравнению с центральными районами СССР электроэнергетика Дальнего Востока по качественным характеристикам отставала в развитии на 20 лет. Коэффициент централизации производства электроэнергии на Дальнем Востоке составлял всего 18 % против 80,8 % по СССР в целом [11, с. 75].

В Приморском крае предприятия Дальэнерго (Владивостокская и Артемовская ГРЭС, электроточка на о. Русский) единственные на Дальнем Востоке находились под управлением Минэнерго СССР и централизованно снабжали электричеством небольшой район на юге региона. Все остальные действующие электростанции (более 1 200), разбросанные на огромной терри-

тории, входившей в состав Хабаровского края, находились в подчинении различных промышленных министерств и ведомств. Еще в 1940–1941 гг. Минэнерго пыталось начать строительство Хабаровской ТЭЦ, но в условиях войны оно подлежало консервации².

В январе 1946 г. Дальплан составил отчет о состоянии энергетического хозяйства Хабаровского края, который показал, что вся электроэнергетика региона базировалась исключительно на мелких ведомственных, в основном изолированно работающих электростанциях. Специалисты Дальплана отмечали, что основная проблема электроснабжения края заключалась в том, что даже в городах не было создано централизованное обеспечение потребителей электричеством³.

Во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. на Дальнем Востоке произошли административно-территориальные изменения, которые оказали прямое влияние на формирование будущих энергетических систем. В 1947 г. из состава Хабаровского края была выведена Сахалинская область, в 1948 – Амурская область, в 1953 г. – Магаданская область. В 1956 г. отдельной административной единицей стала Камчатская область [4, с. 40, 49]. Партийно-хозяйственные органы в новых образованных субъектах стали решать экономические проблемы, в том числе связанные с развитием энергетического хозяйства.

В послевоенные годы в новых образованных областях на Дальнем Востоке создаются ведомственные управления энергетическим хозяйством, ставшие своеобразной технической предпосылкой для появления энергетических систем. Так, 16 мая 1946 г. на базе национализированного хозяйства бывшей японской электрокомпании при Сахалинском областном отделе коммунального хозяйства был организован трест «Сахалинэлектросеть». В 1946–1947 гг. он

¹ ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. Р-132. Оп. 7. Д. 41. Л. 5.

² РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7855. Оп. 2. Д. 94. Л. 33.

³ ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 78. Л. 14 об.

построил линию электропередач Долинск – Южно-Сахалинск 22 км, принял в свое хозяйство 598 км районных и 1 084 км городских электросетей. Трест взял на себя электроснабжение городов, населенных пунктов и предприятий всей возвращенной в состав СССР южной части Сахалина⁴.

В конце 1940-х гг. появляются отраслевые управления энергетическим хозяйством на крупных промышленных предприятиях, также ставшие базой для будущих энергосистем. Так, в мае 1949 г. при Дальстрое МВД в Магадане организуется энергетическое управление под руководством капитана Я. Д. Певзнера. В энергоуправление вошло пять структурных подразделений, или энергокомбинатов: Аркагалинский, Магаданский, Тенькинский, Эльгено-Тасканский и Чаунский. Однако энергоуправление не имело своего жилищного фонда, технического склада, автотранспорта и даже телефонной связи, а аппарат управления был укомплектован специалистами лишь на 62 %⁵.

Важнейшим шагом на пути к созданию условий для образования энергетической системы в Хабаровском крае стало возобновление энергетического строительства. 2 декабря 1948 г. председатель Хабаровского крайисполкома ВКП(б) Ф. А. Мамонов обратился к председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову с просьбой начать работы по расконсервации и возведению Хабаровской ТЭЦ. Совмин СССР принял постановление № 326 от 28 января 1949 г. и обязал Минэнерго СССР и Хабаровский крайком ВКП(б) организовать в Хабаровске союзный строительно-монтажный трест «Дальэнергострой». В 1949 г. на строительство Хабаровской ТЭЦ было выделено 6,4 млн руб. Также Минэнерго взяло на себя достройку подведомственной заводу

«Амурсталь» Комсомольской ТЭЦ-1 и выделило 15,7 млн руб.⁶

В 1949–1951 гг. Дальэнергострой завершил работы по вводу в эксплуатацию первой очереди Комсомольской ТЭЦ-1 с японским турбогенератором Mitsubishi мощностью 25 МВт. Так под ведомством Минэнерго в Хабаровском крае появилось первое действующее предприятие⁷. Строительство Хабаровской ТЭЦ затянулось по причине того, что «Дальэнергострой» имел достаточно слабую строительную базу. В постановлении Совета Министров СССР от 1 февраля 1952 г. «О мерах по обеспечению строительства Хабаровской ТЭЦ» отмечалось, что планы строительно-монтажных работ ежегодно выполнялись менее чем на 57 %. Этим же документом разные министерства обязывались срочно выделить для строительства 2 300 т металлоконструкций, 5 250 куб. м леса и других строительных материалов, дополнительно привлечь к строительству 600 рабочих. На реализацию работ отпускалось 35 млн руб.⁸

Несмотря на эти меры, строительство Хабаровской ТЭЦ двигалось медленно. За 1953 г. 42 % объема земляных работ было выполнено вручную, парк тяжелой механизации вышел из строя, а запасные части для его ремонта доставить не удавалось. Монтаж первого турбогенератора в 1,5 раза превысил установленный срок. При этом в Хабаровске возведение промышленных заводов другими министерствами осуществлялось более высокими темпами. Только 1 сентября 1954 г. на Хабаровской ТЭЦ в строй пустили первой турбогенератор 25 МВт⁹.

Минэнерго передало построенную Комсомольскую ТЭЦ-1 и Хабаровскую ТЭЦ под управление Дальэнерго, которое рас-

⁴ ГИАСО (Государственный исторический архив Сахалинской области). Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 324. Л. 2, 43.

⁵ ГАМО (Государственный архив Магаданской области). Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 35. Л. 16–19.

⁶ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 886. Л. 13; РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 310. Л. 4.

⁷ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 368. Л. 85.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 6041. Л. 46, 42.

⁹ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 464. Л. 86, 141; РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 53. Д. 4200. Л. 66; ГАХК. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

полагалось за 800–1 000 км от предприятий во Владивостоке. В 1953 г. Хабаровский краевой комитет обратился в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с ходатайством об организации в Комсомольске-на-Амуре районного энергетического управления Комсэнерго на базе объединения в единое хозяйство Комсомольской ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2 Амурского судостроительного завода, а также электрических сетей, которые принадлежали заводу «Амурсталь». 25 мая 1954 г. Совмин СССР принимает распоряжение № 5656-р, согласно которому Минэнерго для улучшения руководства электростанциями Хабаровского края в IV квартале 1954 г. обязывалось организовать районное энергетическое управление Хабаровскэнерго на базе Хабаровской ТЭЦ, Комсомольской ТЭЦ-1 и ГЭС ДЭСНА (в г. Советская Гавань, входила в ведомство Дальэнерго). Минэнерго посчитало, что без передачи энергетикам от Минтяжтрансмаша самой мощной в крае Комсомольской ТЭЦ-2 (30 МВт) создавать такое управление нецелесообразно. В свою очередь Минтяжтрансмаш напрочь отказывался от передачи ТЭЦ-2, построенной в 1934–1939 гг. Руководство считало, что электростанция стала за это время неотъемлемой технологической частью Амурского судостроительного завода оборонного значения¹⁰.

Таким образом, из-за укоренившихся еще с начала индустриализации ведомственных принципов развития электроэнергетики Дальнего Востока собрать крупные электростанции в единое самостоятельное управляемое энергетическое хозяйство в структуре Минэнерго оказалось весьма проблематично.

Следует отметить, что для образования будущих энергетических систем на Дальнем Востоке важное значение имели и научные изыскания. В 1949 г. был восстановлен Дальневосточный филиал АН СССР, а в 1953 г. в его структуре создан отдел экономики. Дальневосточные ученые стали производить расчеты объектов энергетиче-

ского строительства, разрабатывать схемы развития электроэнергетики в субъектах региона, составлять планы электрификации его территорий. В 1957 г. экономисты под руководством П. В. Тарасова в качестве государственного задания получили тему «Научные основы создания и развития энергетических систем юга Дальнего Востока и их объединения в единую энергосистему». В рамках работы над темой ученые выступали с докладами на научно-технических конференциях в Москве, Новосибирске и Иркутске, направляли аналитические записки в Госплан СССР. Результаты исследований дальневосточных ученых находили отражение в постановлениях партии и правительства [12, с. 147, 149].

Ключевыми предпосылками, определившими начало процесса образования энергетических систем на Дальнем Востоке, стала управленческая реформа 1957 г. и создание дальневосточных совнархозов – Хабаровского, Амурского, Сахалинского, Магаданского и Камчатского. Переход рычагов управления экономикой от министерств к совнархозам открывал местным властям возможности в преодолении ранее существующих межведомственных барьеров, что способствовало быстрому развитию энергетического хозяйства на отдельных территориях. В управлении электроэнергетикой совмещались два уровня – центральный и местный. Совнархозы получили дополнительное финансирование от Минэнерго СССР для руководства новыми предприятиями, оказания им помощи в организации эксплуатации, ремонта и налаживания работы оборудования, осуществления капитального строительства.

Так, распоряжением Хабаровского совнархоза от 19 июня 1957 г. № 17 создавалось районное энергетическое управление Хабаровскэнерго, которое от Дальэнерго получило Хабаровскую ТЭЦ-1, Комсомольскую ТЭЦ-1 и ГЭС ДЭСНА. В декабре 1957 г. в ее состав вошла Комсомольская ТЭЦ-2, а директор этой станции

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 2782. Л. 1–14.

Г. Г. Мамаджанянц стал первым управляющим всего Хабаровскэнерго. В 1958 г. в энергоуправление вошли Теплоозерская ТЭЦ, Облучинская ЦЭС, Ургальская ЦЭС и четыре энергопоезда. На их основе было организовано семь энергорайонов общей мощностью 257 МВт, еще не связанных с собой электрическими сетями. К 1960 г. Хабаровскэнерго контролировало уже до 70 % генерирующих мощностей электростанций Хабаровского края, 543,2 км линий передач 6–35 кВ и 1 520 км линий низкого напряжения¹¹.

Амурский совнархоз в своем распоряжении от 10 марта 1960 г. № 33 на базе бывшего энергетического управления угольного комбината «Дальвостуголь» организовал районное энергетическое управление Амурэнерго. Его руководителем был назначен главный энергетик «Дальвостугля» А. К. Гришин. Амурэнерго от разных ведомств и предприятий приняло четыре электростанции (Райчихинская ТЭЦ, Огоджинская ЦЭС, Соловьевская ЦЭС и Благовещенская коммунальная электростанция) и семь энергопоездов общей мощностью 99 МВт. На баланс электросетевого управления Амурэнерго перешла построенная в 1956–1959 гг. высоковольтная линия 110 кВ Райчихинская ТЭЦ – Благовещенск и 728 км линий передач 10–35 кВ, снабжавших электричеством 61 населенный пункт в Амурской области¹².

По своей инициативе совнархозы стали заказывать проекты строительства новых электростанций и разрабатывать схемы электроснабжения районов, посылать в Москву предложения по строительству электростанций и линий электропередач с просьбой включить их в семилетний план 1959–1965 гг. Так, совнархоз Сахалинского района в октябре 1957 г. заказал проект Южно-Сахалинской ГРЭС у Новосибир-

ского отделения института «Теплоэлектропроект». Камчатский совнархоз в решении от 23 сентября 1958 г. утвердил проектное задание на строительство Петропавловской ТЭЦ¹³.

Однако с конца 1962 г. началось укрупнение совнархозов на Дальнем Востоке: Приморский, Сахалинский и Камчатский объединились в Дальневосточный совнархоз, а Амурский вошел в состав Хабаровского. Тогда же начался процесс вывода промышленных предприятий из-под их юрисдикции, лишения их ряда полномочий. Постановлением Совета Министров РСФСР от 20 ноября 1962 г. предприятия электроэнергетики передавались из Амурского совнархоза в Минэнерго РСФСР. В качестве причины указывалось: «Амурэнерго не имеет базы материально-технического снабжения, испытывает большие затруднения с доставкой оборудования и запасных частей для предприятий»¹⁴. В декабре 1962 г. в Минэнерго переводились предприятия Хабаровскэнерго¹⁵.

Реорганизация системы управления энергетическим хозяйством имела и положительный, и негативный эффект. Первый заключался в улучшении материально-технического и финансового обеспечения предприятий, второй – в нарушении основного принципа работы совнархозов – приближения управления к производству, что в условиях отдаленности Дальнего Востока от центра являлось особенно важным.

Тем не менее проекты, решения и предложения, которые успели подготовить и принять дальневосточные совнархозы, продолжились реализовываться, что ускорили формирование энергетических систем на новых территориях. Так, трест «Дальэнергострой» по проекту Сахалинского совнархоза выполнил большой объем работ при строительстве в 1961–1965 гг. первой очере-

¹¹ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Д. 7. Л. 1; Д. 39. Л. 63, 64, 93; Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 325. Л. 2.

¹² ГААО (Государственный архив Амурской области). Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 41. Л. 1; РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 43. Л. 1, 5.

¹³ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 4; Д. 8751. Л. 2.

¹⁴ ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 290. Л. 1, 16.

¹⁵ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 105. Л. 9.

ди Сахалинской ГРЭС мощностью 50 МВт. ГРЭС должна была ликвидировать дефицит электроэнергии в южной части острова, где концентрировались крупные предприятия. Место для строительства станции было выбрано совнархозом на берегу бухты Терпения рядом с Вахрушевским угольным месторождением¹⁶.

Приказом Минэнерго СССР от 28 ноября 1962 г. в структуре Сахалинского совнархоза создавалось районное энергетическое управление Сахалинэнерго, а постановлением Совета Министров РСФСР от 25 января 1963 г. оно передавалось под ведомство Минэнерго РСФСР. Управляющим энергосистемой был назначен инженер А. А. Богданов. В Сахалинэнерго вошли строящаяся Сахалинская ГРЭС и 32 электростанции предприятий угольной, нефтяной, бумажной и рыбной промышленности суммарной мощностью 250 МВт. На электростанциях были установлены изношенные турбогенераторы и агрегаты 1890–1935 гг. производства Японии, США, Англии, Германии и Швеции. Энергосистема Сахалина представляла из себя 13 изолированных территорий, не связанных с собой электрическими сетями. Единственная линия электропередач 35 кВ протяженностью 40 км связывала Южно-Сахалинск с портом Корсаков¹⁷.

В 1959 г. Министерство рыбного хозяйства СССР начало строить по утвержденному Камчатским совнархозом проекту Петропавловскую ТЭЦ мощностью 24 МВт. Строительство шло очень медленно. По ходатайству председателя Сибирского отделения АН СССР академика М. А. Лаврентьева Совет Министров СССР принял постановление № 1272 от 23 декабря 1963 г. «Об использовании геотер-

мальных вод для электрификации и теплофикации г. Петропавловск-Камчатский и прилегающих к нему районов». Для реализации постановления приказом Минэнерго СССР № 20 от 15 января 1964 г. создавалось районное энергетическое управление Камчатскэнерго, которое приняло на свой баланс строящуюся Петропавловскую ТЭЦ и 18 электростанций от Камчатрыбпрома мощностью 36 МВт, а также 780 км электросетей от колхозов и совхозов. Управляющим энергоуправлением был назначен инженер Г. С. Соколов¹⁸.

В 1958 г. началось строительство Магаданской ТЭЦ проектной мощностью 26 МВт. В январе 1961 г. Магаданский совнархоз смог организовать доставку пароводами 100 тыс. штук красного кирпича для строительства здания и дымовой трубы станции. 29 декабря 1962 г. первая очередь Магаданской ТЭЦ 12 МВт была сдана в эксплуатацию¹⁹. Однако организационный процесс по формированию Магаданской энергосистемы затянулся, несмотря на то что в 1962 г. под ведомством топливно-энергетического управления Магаданского совнархоза находилось уже 199 из 520 электростанций (38 %), которые производили 95 % электроэнергии в области²⁰.

Только 20 июня 1966 г. приказом Минэнерго СССР на базе бывшего топливно-энергетического управления совнархоза создавалось районное энергетическое управление Магаданэнерго. Управляющим энергосистемой был назначен инженер И. С. Минаков. В структуру энергосистемы вошли 15 наиболее крупных электростанций области суммарной мощностью 213 МВт (Аркагалинская ГРЭС, Магаданская ТЭЦ, Омсукчанская ЦЭС, Беринговская ЦЭС, Эгвекинотская ЦЭС и Чаунская ЦЭС и др.)²¹.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 287. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 15. Л. 1, 3, 12.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 8751. Л. 31; РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 180. Л. 1, 7.

¹⁹ Там же. Ф. А-533. Оп. 1. Д. 1834. Л. 6, 8, 23, 94; ГАМО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 267. Л. 114; Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. Л. 93.

²⁰ ГАМО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 267. Л. 95.

²¹ Там же. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 470. Л. 1.

Для расширения новых энергетических систем огромное значение имело строительство электрических сетей для связывания изолированных энергорайонов и централизации электроснабжения промышленных потребителей. Значительные ресурсы направили на строительство новых линий электропередач в Хабаровском крае. Для соединения Хабаровской и Амурской энергосистем в 1960 г. развернулось строительство линии передач 220 кВ Хабаровск – Биробиджан – Райчихинская ГРЭС 479 км. Первый участок Хабаровск – Биробиджан 178 км строили пять лет и сдали в 1965 г. В ходе строительства был сооружен уникальный переход через Амур длиной 3,2 км на трех стальных опорах высотой 150 м и массой 300 т с пролетами по 1,5 и 1,7 км. Опоры несли на себе 160 т электрического провода. Кроме того, за семилетку в крае построили 577 км ЛЭП 110 кВ, в том числе такие участки, как Комсомольск-на-Амуре – Солнечный, Хабаровск – Корфовка и др. В целом за этот период ввели в строй 1 052 км ЛЭП 35–220 кВ и 37 подстанций; общая протяженность электросетей в крае увеличилась в 3 раза²².

В северных районах Дальнего Востока строительство электросетей сильно отставало от плановых заданий. В Магаданской области задерживался ввод ЛЭП 110 кВ Магаданская ТЭЦ – Палатка – Усть-Омчуг 230 км и Чаунская ЦЭС – Билибино 493 км, что также препятствовало формированию Магаданской энергосистемы. В то же время Магаданская область отличалась от всех других районов СССР гигантской территорией, суровостью природно-климатических условий, сложностью строительства и обслуживания ЛЭП. К 1 января 1963 г. в области было построено 5 579 км электросетей, из них ЛЭП 110 кВ протяженностью

1 468 км и ЛЭП 35 кВ протяженностью 1 413 км. По протяженности одиночных линий электропередач Магаданская область занимала первое место в СССР²³.

В Сахалинской области строительство первой ЛЭП 220 кВ Сахалинская ГРЭС – Южно-Сахалинск 230 км осуществлялось с большим трудом. К июню 1965 г. из 700 опор линии передач по плану было введено только семь. В результате выдаваемая мощность Сахалинской ГРЭС замирала, проблема острого энергодефицита в Южно-Сахалинске в рассматриваемый период так и не была решена²⁴. В Камчатской области первую ЛЭП 110 кВ протяженностью 10 км в Петропавловске-Камчатском строили два года и ввели в строй в июне 1965 г. Для централизованного энергообеспечения предприятий рыбной отрасли требовалось еще строительство линии передач Петропавловск – Усть-Камчатка протяженностью 500 км²⁵.

Всего в 1959–1965 гг. на Дальнем Востоке было построено 865 км ЛЭП 220 кВ, более 2 000 км ЛЭП 35–110 кВ и около 10 000 км 6–35 кВ электросетей. Однако в регионе в целом, а особенно в северных районах, еще оставалась значительная часть изолированных территорий, совершенно не охваченных линиями электропередач. Наиболее высокий показатель протяженности сетей на единицу территории имел только Приморский край, где энергетическая система Дальэнерго охватывала уже почти все крупные населенные пункты и промышленные предприятия. Здесь к 1965 г. уровень централизованного электроснабжения потребителей достигал 77 %²⁶.

В целом недостаточные объемы и темпы энергетического строительства препятствовали развитию электрического хозяйства, появлению современных более мощных

²² ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 144. Л. 114, 124, 131.

²³ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 3800. Л. 5; ГАМО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 267. Л. 96.

²⁴ ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1344. Л. 37.

²⁵ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 258. Л. 1.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 38; Архив ДВО РАН (Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук). Ф. 1. Оп. 8. Д. 148. Л. 208.

Таблица 1
Технико-экономические показатели работы районных энергосистем
Дальнего Востока, 1965 г.* /
Table 1
Technical and economic indicators of the operation of regional power systems
of the Far East. 1965

Энерго-система / Power system	Установ- ленная мощ- ность, МВт/ Installed capacity in MW	Вы- работка электро- энергии, млн кВт•ч / Power generation in million kWh	Доля вы- работки электро- энергии в субъек- те, %/ Share of electricity generation in the region in %	Расход топлива на 1 кВт•ч, кг / Fuel consumption per 1 kWh in kg	Себесто- имость 1 кВт•ч электро- энергии, коп. / Cost price of 1 kWh of elec- tric energy in kopecks	Расходы электро- энергии на собственные нужды, % / Electricity consumption for own needs in %	Потери электро- энергии в сетях, % / Electricity losses in networks in %
Дальэнерго	526,0	2452,4	73,5	0,475	1,1	10,01	6,5
Хабаровск- энерго	511,47	2095,6	93,1	0,475	1,4	11,1	7,3
Амурэнерго	168,64	595,72	80,3	0,683	2,4	11,5	7,7
Сахалин- энерго	93,4	385,1	33,9	1,197	5,4	9,15	4,0
Магадан- энерго	213,1	860,9	90,0	0,584	4,5	9,8	10,6
Камчатск- энерго	60,6	143,9	58,2	0,741	6,1	4,4	5,9

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 180. Л. 1, 2; Д. 287. Л. 71, 73; Д. 265. Л. 78; Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 148. Л. 205, 207, 252–257; Д. 151. Л. 8. /
Compiled according to: RGAE. F. 7870. Inv. 3. C. 180 P. 1, 2; C. 287. P. 71, 73; C. 265. P. 78; Arch. FEB RAS. F. 1. Inv. 8. C. 148. P. 205, 207, 252–257; C. 151. P. 8.

электростанций и централизации электро-снабжения потребителей в новых образо-ванных дальневосточных энергетических системах. В 1961–1965 гг. правительство ассигновало Дальнему Востоку на развитие электроэнергетики в 4 раза меньше средств (267 млн руб.), чем Восточной Сибири²⁷. Только на строительство гидроэлектростан-ций в Иркутской области было направлено 500 млн руб., а в целом в электроэнергетику восточносибирского региона – более 1 млн руб. [1, с. 68]. В то же время за счет средств

и с помощью СССР к началу 1960-х гг. в Северо-Восточном Китае были построены 33 электростанции мощностью 4 000 МВт, или в 1,5 раза больше всех генерирующий мощностей Дальнего Востока. Общая сто-имость советской помощи, безвозмездно предоставленной КНР, в 1949–1965 гг. со-ставила не менее 10 млрд долларов США [5, с. 200].

В результате по уровню использования энергетических ресурсов Дальний Восток занимал последнее место в СССР, а другие

²⁷ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 38.

источники энергии, кроме угля и нефтепродуктов, не использовались. В 1965 г. удельный вес угля в производстве электроэнергии в целом в регионе составлял 80,6 %, жидкого топлива – 16,8 %. В то же время в СССР в производстве электроэнергии использовалось уже 16,1 % гидроресурсов, 7 % природного газа и 0,3 % атомной энергии. В 1965 г. в СССР электростанции энергосистем производили 92,8 % электроэнергии, на Дальнем Востоке – 75 %. Централизация производства электроэнергии в стране достигала 92,8 %, в дальневосточном регионе – лишь 74 %. На душу населения в СССР производилось 2 200 кВт•ч, на Дальнем Востоке – 1 680 кВт•ч²⁸. По качеству и техническому уровню развития электроэнергетики регион находился на самом последнем месте в СССР.

Несмотря на перечисленные проблемы, сформированные во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. на Дальнем Востоке, районные энергетические системы постепенно развивались. Так, за 1957–1965 гг. Хабаровскэнерго по технико-экономическим показателям работы смогло почти приблизиться к Дальэнерго. В Хабаровском крае доля производства электроэнергии в энергосистеме составляла 93,1 %. Этот показатель среди дальневосточных субъектов оказался одним из самых высоких (табл. 1).

Сравнительный анализ показателей работы дальневосточных энергетических систем позволяет увидеть, что в северо-восточных районах региона в силу суровых природно-климатических и экономико-географических особенностей электроэнергетика развивалась очень слабо: здесь в качественном отношении энергосистемы уступали всем энергосистемам страны. У Сахалинэнерго, Магаданэнерго и Камчатскэнерго были самые худшие технико-экономические показатели работы в СССР. Здесь себестоимость производства электричества превышала 4,6–6,0 коп. за 1 кВт•ч, а расход условного

топлива – 0,5–1,1 кг; потеря электричества в сетях достигала рекордных значений в стране – 10,6 % (см. табл. 1).

Районные энергетические системы на Дальнем Востоке отличались от центральных, уральских и сибирских еще и тем, что в силу огромных неосвоенных географических пространств они были не только изолированы друг от друга, но и не представляли еще единого целого. Например, в Хабаровскэнерго два крупнейших энергетических района – Хабаровский и Комсомольский – работали полностью независимо друг от друга. Кроме того, дальневосточным энергосистемам постоянно приходилось брать на баланс мелкие ведомственные электростанции и обеспечивать их работу, что значительно обременяло работу энергетических управлений. Так, на 1965 г. в структуре Хабаровскэнерго числилось несколько десятков энергопоездов, локомотивных и дизельных электростанций разных промышленных предприятий²⁹.

Необходимо отметить, что отдельного и специального освещения требует проблема обеспечения кадрами сформированных дальневосточных энергетических систем. Здесь в рамках поставленных задач исследования только отметим, что для региона в силу дефицита трудовых ресурсов эта проблема оставалась очень острой и напрямую влияла на качество функционирования электроэнергетической отрасли.

Проанализируем динамику производства электроэнергии в 1950–1965 гг. по отдельным районам Дальнего Востока, в которых появились энергетические системы (табл. 2). В Камчатской области производство электроэнергии увеличилось в 13,7 раза, в Амурской области – в 4,7, в Хабаровском крае – в 4,6, в Сахалинской области – в 3,3, в Магаданской области – в 2,4 раза. Высокий рост на Камчатке объясняется низким стартовым уровнем развития местной электроэнергетики и быстрым экономическим развитием территорий в данный период.

²⁸ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 148. Л. 208, 226.

²⁹ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 144. Л. 41.

Таблица 2

Динамика производства электроэнергии на Дальнем Востоке по районам, 1950–1965 гг.* /
Dynamics of Electricity Production in the Far East by Regions. 1950–1965

Район / District	Произведенная электроэнергия, млн кВт•ч / Electricity produced, million kWh			
	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Приморский край	605,4	986,0	1603,9	3339,5
Хабаровский край	486,3	840,0	1349,3	2250,7
Амурская область	160,0	281,2	465,8	763,9
Сахалинская область	341,1	584,1	831,8	1134,2
Магаданская область	385,0	508,9	593,5	957,1
Камчатская область	18,7	48,1	146,7	247,2
Дальний Восток	1 996,5	3 248,3	4 991,0	8 692,6

* Составлено по: Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 151. Л. 31 /
Compiled according to: Arch. FEB RAS. F. 1. Inv. 8. C. 151. P. 31.

В целом на Дальнем Востоке за 1950–1965 гг. производство электроэнергии увеличилось в 4,3 раза. За этот же период в СССР производство увеличилось в 5,5 раз, в Западной Сибири – в 6,0, в Восточной Сибири – в 18,2 раза. В одной Восточной Сибири за счет бурного развития гидроэнергетики в 1965 г. вырабатывалось больше электроэнергии, чем во всем СССР в 1945 г. [1, с. 119]. Доля Дальнего Востока в производстве электроэнергии в СССР за 1950–1965 гг. снизилась с 2,0 до 1,7 %, а в восточных районах страны – с 18,8 до 9,8 %³⁰. Это падение было обусловлено недостатком финансового обеспечения экономики Дальнего Востока в целом и электроэнергетики в частности, системой ведения хозяйства и централизованной политикой нерационального распределения ресурсов.

Заключение

Усиление восточного вектора в государственной политике в послевоенные годы, административно-территориальные преобразования дальневосточной территории, создание новых структур управления народным хозяйством, возобновление энергетического строительства и проведение научных изысканий – все это в совокупности создавало определенные предпосылки

для формирования районных энергетических систем на Дальнем Востоке. Однако укоренившиеся со времен индустриализации ведомственные принципы управления электроэнергетикой стали серьезной проблемой на пути к переходу энергетического хозяйства в самостоятельно управляемые и развивающиеся элементы экономики – энергетические системы. Дальний Восток как периферийная и слабая в развитии территория оставался одним из последних регионов в СССР, где объединительные процессы еще практически не затронули энергетическое хозяйство.

Ключевой предпосылкой для образования энергетических систем на Дальнем Востоке стала управленческая реформа 1957 г. В результате активной хозяйственной деятельности совнархозов в каждом дальневосточном субъекте постепенно появились районные энергетические управления. Дальневосточные энергетические системы формировались в условиях ограниченных финансовых и материально-технических ресурсов, несогласованности между центром и регионом в решении проблем отрасли, недостаточных объемах и темпах энергетического строительства, слабой централизации электроснабжения

³⁰ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 151. Л. 31.

потребителей. Отличия дальневосточных энергетических систем от центральных, уральских и сибирских заключались в том, что по технико-экономическим показателям они им заметно уступали, были изо-

лированы друг от друга и внутри еще не представляли единого целого. По качеству и техническому уровню развития электроэнергетики Дальний Восток находился на самом последнем месте в СССР.

Список источников

1. Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2. 1951–1970 гг. Новосибирск: Наука, 1976. 272 с.
2. Андросов П. И. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по осуществлению электрификации Приамурья (1957–1965 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 289 с.
3. Барабанова О. О. Эволюция энергетической системы Волгоградского региона в конце XIX – 80-х гг. XX в.: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2005. 200 с.
4. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
5. История Северо-Восточного Китая XVII–XX в. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. Владивосток, 2004. 338 с.
6. Калашиников В. Д., Демина О. В. Особенности формирования и развития энергетической системы Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 36–49.
7. Коваленко С. Г. 20 лет советских реформ: была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010. 228 с.
8. Колосов В. М. Создание Камчатской энергосистемы (1964–1993). Петропавловск-Камчатский, 1997. 100 с.
9. Липенский Г. В. Мосэнерго. Этапы становления. М.: Энергоатомиздат, 2000. 502 с.
10. Литицкий А. Г. Энергетические мускулы Севера. Магадан, 1986. 127 с.
11. Маклюков А. В. Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-х – середине 1960-х годов: условия и особенности реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 8. История. С. 73–86.
12. Маклюков А. В. Научные исследования Отдела экономики ДВФ АН СССР по проблемам развития энергетической базы региона (1948–1975) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 144–158.
13. Маклюков А. В. Энергетическая система Дальэнерго в предвоенные годы (1937–1941 гг.): условия и особенности формирования // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 133–145.
14. Маклюков А. В. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке СССР в период 1950-х – середины 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 156–165.
15. Некрасова И. В. Развитие электрификации СССР. 40–60-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 530 с.
16. Никифоров В. С. Развитие топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири в 1950–1980-х гг. (на материалах Красноярского края, Бурятской АССР и Иркутской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Братск, 2011. 27 с.
17. Тимошенко А. И. Энергетическое строительство в Сибири и модернизация экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. С. 242–250.
18. Хабаровскэнерго: страницы истории. 1957–1997. Хабаровск: Приамурские ведомости, 1997. 69 с.
19. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2018. 368 с.

References

1. Alekseev V. V. Electrification of Siberia. Historical research. Vol. 2 (1951–1970). Novosibirsk, 1976, 272 p. (In Russ.)
2. Androsov P. I. Activities of party organizations of the Far East to implement the electrification of the Amur region (1957–1965). Moscow, 1971. 289 p. (In Russ.)
3. Barabanova O. O. The evolution of the energy system of the Volgograd region in the late XIX – 80s. XXth century. Volgograd, 2005, 200 p. (In Russ.)
4. History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 4. The World after the War: Far Eastern Society in the 1945–1950s. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 696 p. (In Russ.)

5. History of North-East China in the 17th-20th centuries. Book 3. North-East China in 1945-1978. Vladivostok, 2004. 338 p. (In Russ.)
6. Kalashnikov V. D., Demina O. V. Features of the formation and development of the energy system of the Far East. *Regionalistika* = Regional studies. 2014; Vol. 1. (4): 36–49. (In Russ.)
7. Kovalenko S. G. 20 years of Soviet reforms: was there modernization in the Far East? Vladivostok: Dalnauka, 2010. 228 p. (In Russ.)
8. Kolosov V. M. Creation of the Kamchatka energy system (1964–1993). Petropavlovsk-Kamchatsky, 1997. 100 p. (In Russ.)
9. Lipenskij G. V. Mosenergo. Stages of formation. Moscow, 2000, 502 p. (In Russ.)
10. Lipitsky A. G. Energy muscles of the North. Magadan, 1986. 127 p. (In Russ.)
11. Maklyukov A. V. State policy for the development of electric power industry in the Far East in the 1950s – mid-1960s: conditions and features of implementation *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiy* = Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya. 2021. Vol. 20. (8): 73–86. (In Russ.)
12. Maklyukov A. V. Scientific research of the Department of Economics of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences on the problems of development of the energy base of the region (1948–1975). *Trudy Instituta Istorii, Arheologii i Jetnografii DVO RAN* = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the DVO RAN. 2024. Vol. 45 (2). 144–158. (In Russ.)
13. Maklyukov A. V. Energy system of Dalenergo in the Prewar Years (1937–1941): Conditions and Features of Formation. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; 19(2): 133–145. (In Russ.)
14. Maklyukov A. V. Energy construction in the Far East of the USSR in the period 1950s – mid-1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of Tomsk State University. 2021. No. 469. 156–165. (In Russ.)
15. Nekrasova I. V. Development of electrification of the USSR. 40–60s. Moscow, 1975. 530 p. (In Russ.)
16. Nikiforov V. S. Development of the fuel and energy complex of Eastern Siberia in the 1950s–1980s (based on materials from Krasnoyarsk Krai, Buryat ASSR and Irkutsk Oblast). Bratsk, 2011. 27 p. (In Russ.)
17. Timoshenko A. I. Energy construction in Siberia and modernization of the economy. *Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik* = Irkutsk historical and economic yearbook. 2014. 242–250.
18. Khabarovskenergo: Pages of History. 1957–1997. Khabarovsk: Publishing House “Priamurskie Vedomosti”, 1997. 69 p. (In Russ.)
19. Economic development of the Urals and Western Siberia in the 20th century: planning and management. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. 368 p.

Поступила 23.01.2025.

Сведения об авторе

Маклюков Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Владивосток, Россия). Сфера научных интересов: региональная экономическая история конца XIX – XX в. Автор более 80 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Submitted 23.01.2025.

About the author

Aleksey V. Maklyukov – Cand. Sci. (History), Head of the Department of the History of the Russian Far East Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia). Research interests: regional economic history of the late 19th – 20th centuries. Author of more than 80 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>.

E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Молодежь на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Мордовской АССР)

Аннотация

Введение. Решение многих задач, стоящих перед современным российским обществом в условиях политических и социально-экономических перемен, зависит от умения использовать исторический опыт, извлекать уроки из прошлого. Поэтому возникает необходимость в переосмыслении явлений прошлого. Молодежь представляет собой одну из важнейших групп населения, к которой сегодня приковано внимание государства, ведь молодое население страны – это основа будущих преобразований. От того, какой будет молодежь сегодня, зависят перемены, которые произойдут в будущем. Цель статьи заключается в выявлении основных направлений помощи комсомольцев фронту в годы Великой Отечественной войны по материалам Мордовской АССР.

Материалы и методы. Для достижения поставленной выше цели были использованы материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ). Исследование проводилось на основе принципов историзма, истины и опоры на исторические источники. В основе статьи лежит применение общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция, а также специальных исторических методов, например, историко-генетического, при помощи которого мы смогли определить истоки и развитие помощи молодежи в военные годы. Кроме того, в исследовании был применен проблемно-хронологический метод с целью выявления основных этапов и направлений развития помощи молодежи в годы Великой Отечественной войны.

Результаты исследования. В статье показаны основные направления помощи фронту от мордовской молодежи в 1941–1945 гг., полученные на базе архивных материалов и научной литературы.

Обсуждение и заключение. Автор делает вывод, что активное участие комсомольцев Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны позволило внести значительный вклад в приближение победы страны над врагом. Молодежь шла добровольцами на фронт, а также действовала в тылу, перевыполняя нормы производства необходимых товаров для обеспечения нужд армии, собирая металлолом, ремонтируя технику и т. д. Кроме того, значительную роль в социально-экономическом подъеме страны сыграла благотворительная деятельность комсомольцев. Они показали высокий уровень патриотизма и любви к Родине, совершая добровольные поездки для восстановления разрушенных заводов в Сталинграде и других населенных пунктах.

Ключевые слова: ВЛКСМ, Мордовская АССР, молодежь, комсомол, РККА, воскресник, фронт, донорство.

Для цитирования: Никитина А. В. Молодежь на трудовом фронте в годы великой отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Мордовской АССР) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 179–188. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.179-188.

Alena V. Nikitina

*National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: vertyshka2000@mail.ru*

Young People on the Labor Front During the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based On Materials of the Mordovian ASSR)

Abstract

Introduction. The solution of many problems facing modern Russian society in the context of political and socio-economic changes depends on the ability to use historical experience, to learn lessons from the past. Therefore, there is a need to rethink the phenomena of the past. Young people are one of the most important groups of the population, to which the state's attention is riveted today, because the young population of the country is the basis of future transformations and the changes that will occur in the future depend on what kind of youth there are today. The purpose of the article is to identify the main areas of assistance of Komsomol members to the country's front during the Great Patriotic War based on the materials of the Mordovian ASSR.

Materials and Methods. To achieve the above goal, archival materials located in the Central State Archive of the Republic of Mordovia were used. The study was conducted on the basis of the principles of historicism, truth and reliance on historical sources. The article is based on the use of general scientific methods, such as: analysis, synthesis, deduction, as well as special historical methods, for example, the historical-genetic method, with the help of which we were able to determine the origins and development of assistance to young people during the war years, in addition, the problem-chronological method was used in the study to identify the main stages and directions of development of assistance to young people during the Great Patriotic War.

Results. This article shows the main directions of assistance to the front by Mordovian youth in 1941–1945, obtained on the basis of archival materials.

Discussion and Conclusion. The author concludes that the active participation of Komsomol members of the Mordovian ASSR during the Great Patriotic War made a significant contribution to bringing the country's victory over the enemy closer. A large number of young people volunteered for the front, and also acted in the rear, exceeding the production standards of necessary goods to meet the needs of the army. In addition, the charitable activities of Komsomol members played a significant role in the socio-economic recovery of the country. Komsomol members demonstrated a high level of patriotism and love for the Motherland through voluntary trips to restore destroyed factories in Stalingrad and other regions.

Keywords: Komsomol, Mordovian ASSR, youth, Komsomol, Red Army, Sunday, front, donation.

For citation: Nikitina A. V. Young People on the Labor Front During the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on Materials of the Mordovian ASSR). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 179–188. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.179-188.

Введение

Данная статья представляет собой анализ материалов Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ) и научной литературы по вопросу о трудовом вкладе молодежи Мордовской АССР в промышленность и сельское хозяйство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Под молодежью в статье понимается социальная группа советского общества, включающая молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет, так как данная категория населения является наиболее активной и восприимчивой к новому вследствие возраста.

В годы войны Мордовская АССР представляла собой тыловой регион, не охваченный прямым участием в боевых действиях, что стало благоприятной почвой для производства основных товаров промышленного производства и сельского хозяйства, необходимых для нужд фронта.

Юноши и девушки, проживающие на территории Мордовской АССР и застигшие в этот период своей жизни трудности военного времени, получили уроки гражданской зрелости в комсомоле. Именно комсомольцы составили золотой фонд всей молодежи, так как всегда и во всем стремились быть первыми и превосходить других в трудолю-

бии. Они не боялись брать на свои плечи груз решения важнейших экономических задач, которые ставила перед ними партия в 1941–1945 гг. Стоит отметить, что удельный вес молодежи составлял 50–60 % от всего объема рабочих на предприятиях Мордовской АССР.

Цель данной статьи заключается в отражении всего вышеперечисленного через конкретные факты, нашедшие выражение в архивных документах и научной литературе, а также в выявлении основных направлений молодежной помощи фронту в годы Великой Отечественной войны.

Обзор литературы

Историография периода Великой Отечественной войны достигла больших успехов. Новые источники открыли перед исследователями большие возможности в получении объективной истины, отражающей особенности исследуемого времени. В ранние послевоенные годы известность приобрели такие авторы, как Д. И. Глазунов и Т. В. Попков [1; 5; 6]. В своих работах они смогли отобразить весь спектр деятельности комсомольцев в военное время – от мобилизации на фронт до агитации и пропаганды. Также известны научные статьи С. П. Малынина [4], А. С. Лузгина, Ю. Ф. Юшкина [2], А. Сорокина [7; 8], отражающие участие комсомольцев в событиях 1941–1945 гг. Позже ко Дню Победы и юбилейным датам со дня основания ВЛКСМ стали издаваться сборники материалов и документов по истории комсомола в годы Великой Отечественной войны [3].

Материалы и методы

Источниковая база исследования по истории помощи молодежи фронту в годы Великой Отечественной войны отличается разнообразием: это материалы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), газетные статьи, статистические данные, а также научные статьи и документы, опубликованные в сети Интернет. Иссле-

дование проводилось на основе принципов историзма, истины и опоры на исторические источники. В основе статьи лежит применение общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция, а также специальных исторических методов, например, историко-генетического, при помощи которого мы смогли определить истоки и развитие помощи молодежи в военные годы. Кроме того, в исследовании был применен проблемно-хронологический метод с целью выявления основных этапов и направлений развития помощи молодежи в годы Великой Отечественной войны.

Результаты исследования

История каждого региона периода 1941–1945 гг. полна событий, которые сформировали великую победу нашей страны. Немалую роль в ней сыграли члены ВЛКСМ. Общеизвестно, что комсомольцы одними из первых отправились добровольцами на фронт. Молодежь Мордовской АССР не стала исключением. Уже 23 июня 1941 г. ЦК ВЛКСМ было принято постановление о мероприятиях, направленных на повышение активности в сфере военной деятельности в рядах комсомола, что включало в себя повышение внимательности, сплоченности и дисциплины в этот сложный период времени. Конкретными мерами для реализации указанных требований стала обязательная военная подготовка молодежи, учеба в отрядах противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО) Осоавиахима, а также деятельность по формированию санитарных постов.

Исходя из вышеуказанного нормативного документа в отдельных районах Мордовской АССР начали появляться местные постановления о проведении мобилизации. Так, на примере протокола пленума Кадошкинского райкома ВКП(б)¹ известно, что все основные первичные организации, в том числе комсомольские, должны перестроить свою деятельность в соответствии с требованиями военного времени. Основ-

¹ Из протокола пленума Кадошкинского райкома ВКП(б) о проведении мобилизации в ряды РККА. 23 июня 1941 г. // ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 332-п. Оп. 1. Д. 2. Л. 139–141.

ными требованиями для реализации исполнения требований стало своевременное обеспечение явки подлежащих требованиям для мобилизации на фронт молодых людей, а также предоставление лошадей и иного вида транспорта.

По 15 районам республики по состоянию на 8 августа 1941 г. было подано 726 заявлений о добровольном вступлении молодежи в ряды РККА, из них 533 – от комсомольцев. О храбрости и чувстве воинского долга говорят и заявления, поданные молодыми мужчинами, не достигшими призывного возраста. Интересен случай, произошедший в Инсарском районе, где мать двух дочерей пришла просить об отправке обеих на фронт.

С 1 августа 1941 г. молодежь начала привлекаться в сформированные комсомольскими организациями ряды народного ополчения. По неполным данным, в первую неделю после начала приема заявлений только из девяти районов республики молодыми людьми было подано 3 458 заявок на вступление в эти ряды. Масштаб настроений в среде молодежи по случаю создания народного ополчения передает заявление комсомольца И. Настькина, работающего бухгалтером Мордворга, в котором он написал следующее: «Прошу зачислить меня в народное ополчение. Мой отец боролся на фронтах гражданской войны, мой брат – лейтенант, бьет сейчас фашистских бандитов. Я пойду по их следам»².

С началом войны комсомольцы организовали работу по подготовке мирного населения к противовоздушной и противохимической обороне. По сведениям на начало августа 1941 г. из 12 районов республики из числа комсомольцев вышли 819 инструкторов, которые вели обучающую работу в городах и селах региона. Показательны

цифры о количестве учащихся. Так, в Дубенском районе в первые месяцы войны прошли обучение 6 275 чел., а в Темниковском – 1 618 чел.

Кроме того, были организованы курсы по обучению медицинских сестер и созданию сандружин. В этом направлении также не обошлось без помощи комсомольцев, которые провели разъяснительные беседы, что уже в первые месяцы военного времени дало свои плоды: по сведениям 12 исполкомов ВЛКСМ Республики Мордовия, были созданы 54 сандружины, основу которых составили 1 376 комсомолок.

Как отмечали секретарь Мордовского обкома ВЛКСМ Соловьев и руководитель информационной группы при ОК ВЛКСМ Сидорин, в проделанной работе были выявлены недостатки. Например, не были организованы курсы по овладению оружием среди мирного населения, а также плохое снабжение обучающихся на всех видах курсов наглядными пособиями. В целом комсомольские организации в первые месяцы войны не смогли добиться всеобщего овладения военным делом среди комсомольцев.

Также одним из первых примеров переноса деятельности комсомольской организации региона на военные рельсы стало постановление бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 14 июля 1941 г.³, суть которого заключалась в отборе молодых людей из рядов комсомольцев, занятых канцелярской работой, для организации помощи в уборке урожая. Основными мерами, направленными на содействие колхозникам, стали:

а) выполнение и перевыполнение плановых показателей для каждого комсомольца-колхозника;

б) до 1 сентября 1941 г. обеспечить помощь всех школьников подросткового возраста на колхозных полях. Кроме того, не-

² Информационная справка Мордовского обкома ВЛКСМ в ЦК ВЛКСМ о работе комсомольской организации Мордовии в условиях военного времени. 8 августа 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1134. Л. 105–112.

³ Из постановления бюро Мордовского обкома ВКП(б) о перестройке работы комсомола в соответствии с требованиями военного времени и об участии всех сельских комсомольских организаций в уборке урожая. 14 июля 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 269-п. Оп. 3. Д. 50. Л. 9–12.

обходимо было восстановить деятельность пионерских отрядов для объединения учащихся в специальные бригады, которые возглавлялись руководителем-комсомольцем;

в) сформировать из числа комсомольцев и других представителей молодежи посты для наблюдения за сохранностью и целостностью собранного урожая;

г) мобилизация комсомольцев для организации помощи по заготовке кормов для животных и уборке сена, а также выполнения плана силосования;

д) сформировать дух соревнования в делах помощи по уборке урожая в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями среди молодых людей, а также организовать ситуацию, где каждый комсомолец демонстрировал бы результаты работы по образцу стахановцев.

Кроме того, большая роль в данном документе отводилась рекомендациям по искоренению формального подхода к исполнению распоряжений, ограничивающихся заслушиванием докладов, и, соответственно, рекомендациям по организации строго надзора и контроля за исполнением предписаний постановления.

В итоге менее чем за месяц были получены следующие результаты: в Инсарском районе комсомольцы провели проверку по подготовке к уборке урожая и выявили неполадки в работе уборочных машин, которые были ликвидированы в самые сжатые сроки. В Саранском районе в мирное время в уборке урожая участвовали 180 комсомольцев; в 1941 г. их число возросло до 9 000. Трудовые показатели также увеличились. Например, 18 комсомольцев из совхоза «Левжа» показали пример перевыполнения плана на 150–200 %, за что получили вознаграждение в виде благодарности и премии. Колхоз «13 Октября» Zubovo-По-

лянского района продемонстрировал переработку на 120–125 % по уборке сена. Комсомольцы Чамзинского района при колхозе «Мары» также оставили канцелярские посты и были переброшены на помощь населению, где демонстрировали перевыполнение плана по уборке урожая на 200 %.

Нельзя не отметить, что были и недостатки в показателях деятельности некоторых комсомольцев. Например, в колхозе «Новый путь» Чамзинского района молодежное звено вырабатывало только 50 % от установленной нормы. Некоторые комсомольцы Рузаевского района совсем отказались от помощи, а вышедшие отрабатывали лишь 0,06 % от трудодня.

Большое внимание в регионе было уделено созданию в кратчайшие сроки курсов по освоению женщинами мужских профессий, что позволило обеспечить нехватку мужских рук в колхозах. Как показывает информационная справка Мордовского обкома ВЛКСМ в ЦК ВЛКСМ⁴, общий трудовой подъем комсомольских организаций привел к быстрой реализации программ для освоения девушками профессии трактористки. Таким образом, по состоянию на 8 августа 1941 г. из 2 339 чел., осваивающих профессию тракториста от МТС, было 1 839 женщин, а также 624 участника комсомольской организации. Особую активность в этом направлении проявляли молодые комсомолки, чьи мужья ушли на фронт. Не единичным, но показательным является высказывание комсомолки А. Жарковой из Дубенского района, которая утверждала: «Мы садимся за руль трактора, будем работать так, как подобает советским женщинам»⁵.

В Рузаевском районе Республики Мордовия впервые было начато движение двухсотников. Комсомольцы паровозного депо станции Рузаевка в количестве 159 чел. пе-

⁴ Информационная справка Мордовского обкома ВЛКСМ в ЦК ВЛКСМ о работе комсомольской организации Мордовии в условиях военного времени. 8 августа 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1134. Л. 105–112.

⁵ Информационная справка Мордовского обкома ВЛКСМ в ЦК ВЛКСМ о работе комсомольской организации Мордовии в условиях военного времени. 8 августа 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1134. Л. 105–112.

ревыполняли план от 300 до 500 %. Из них 103 чел. являлись стахановцами, еще 43 – ударниками⁶. Данное движение переплеталось с сочетанием нескольких профессий у одного лица. Например, комсомолка Яшина, работница пенькового комбината в Рузаевском районе, совмещала основную работу с профессией наладчика оборудования.

Имена мордовских машинистов также вошли в историю страны благодаря деятельности Н. Лоушкина и Н. Васильева, которые смогли сэкономить до 60 т угля за три военных месяца и провели более 20 тяжеловесных поездов (ни один из них ни разу не заходил в депо, так как все поломки устраняли самостоятельно). Обычным явлением для этого времени стал 10–12-часовой рабочий день, когда молодежь оставалась на заводах после окончания смены.

Летом 1941 г. комсомольцы и несоюзная молодежь Саранского района также принимали активное участие во Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике. Данное мероприятие помогло сделать отчисления в фонд обороны страны⁷. Общая заработанная сумма по 30 районам республики составила 59 238 р. и 91 658 трудодней. Общее число принимавших участие комсомольцев составило 21 840 чел.

Приближение зимы заставило задуматься о снабжении РККА лыжами. Деятельность по сборке лыж не обошла стороной и комсомольцев. В 13 районах республики были организованы специальные пункты для реализации данной деятельности. По статистике на 4 ноября 1941 г., на фронт было отправлено 2 368 пар лыж⁸. Всего за годы войны молодежью Мордовской АССР было сделано более 15 тыс. пар лыж. В осенне-зимние месяцы 1941 г. молодежь и комсомольцы принимали активное участие в построении оборонительных рубежей.

Например, только для создания Сурского рубежа обороны было отправлено 67 тыс. мирных жителей.

Осенью 1941 г. началась подготовка молодых людей мужского пола не младше 16 лет в истребители танков. Обучали молодых мужчин, как состоящих в рядах комсомола, так и из числа несоюзной молодежи. По плану требовалось обучить 3 000 чел. без отрыва их от производственной деятельности, при условии, что занятия будут длиться не менее 4 ч в неделю. Для правильного восприятия действительности вновь созданный республиканский штаб по обучению молодых людей был обязан предоставить макеты танков, гранат и др. Таким образом, за первые полгода военных действий экономика региона увеличилась на 12,4 % по сравнению с предыдущим годом.

В феврале 1942 г. комсомольцы и молодежь Московского автомеханического завода обратились ко всем представителям молодежи и комсомола с призывом ознаменовать XXIV годовщину Красной армии и помочь фронту для скорейшего искоренения врага, увеличив свою производительность. Данная инициатива нашла широкий отклик в рядах мордовской молодежи. Молодые люди, взявшие на себя обязательства перевыполнить план, показали, что их слова не расходятся с делом. Это подтверждают следующие данные: комсомольцы механического цеха паровозного строительства станции Рузаевка пообещали перевыполнить план на 200 %, но выполнили обязательство на 200–400 %.

Комсомольцы Саранской махорочной фабрики дали обязательство выработать столько махорки ко Дню Красной армии, чтобы снабдить ею целую дивизию. Кроме того, работницы данного завода активно

⁶ Из информационной справки Мордовского обкома ВЛКСМ в ЦК комсомола о двухсотниках и о сборе металлолома. 7 сентября 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1015. Л. 107–110.

⁷ Сообщение газеты «Вперед» об участии молодежи Саранского района во Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике в фонд обороны страны. 24 августа 1941 г. // Вперед. 1941. 24 авг.

⁸ Постановление бюро Мордовского обкома ВКП(б) о подготовке истребителей танков из числа комсомольцев и несоюзной молодежи республики. 10 ноября 1941 г. // ЦГА РМ. Ф. 269-п. Оп. 3. Д. 71. Л. 15–16.

овладевали профессиями слесаря, токаря и др.

Комсомольцы и молодежь артели «Канат» Саранского района обязались перевыполнять дневную норму на 300 % и довести производство шпагата до 40 т. Чтобы усилить мотивацию, рабочие артели вызвали на социалистическое соревнование коллектив Саранской мебельной артели. Все данные обещания были выполнены⁹. Однако не все комсомольские организации смогли выполнить поставленные обещания. Возможно, это связано с нерадивостью отдельных комсомольцев или слишком большими показателями плана.

13 февраля 1942 г. увидело свет одно из важных постановлений, суть которого заключалась в отборе 150 молодых людей из рядов комсомольцев-добровольцев в Воздушно-десантные войска. Основными критериями для выбора стали следующие: отличная физическая подготовка, смелость и чувство беззаветной преданности социалистической Родине¹⁰.

15 мая 1942 г. вышло постановление бюро обкома ВЛКСМ, суть которого заключалась в наборе в гвардейские части Красной армии 175 молодых людей, прошедших обучение от всеобуча (истребители танков, автоматчики и т. д.)¹¹. Это действие было подкреплено товарищескими проводами и агитацией об оправдании доверия Родины. Таким образом, можно сказать, что наборы в РККА стали привычным явлением среди молодых жителей Мордовии.

Всего за годы войны было послано на фронт 41 250 комсомольцев из Республики Мордовия, 15 000 из которых ушли добровольцами.

17 мая 1942 г. вышло специальное постановление об организации фонда помощи детям. Туда входила бы помощь детям, которые потеряли родителей, эвакуированным, детям фронтовиков. Установлено, что средства для наполнения данного фонда должны предоставляться за счет проведения комсомольцами воскресников и других форм¹². Расходование средств возможно на помощь детским домам, интернатам, столовым и индивидуально.

Важно отметить, что молодежь Мордовской АССР активно принимала участие в сборе подарков для белорусских партизан. По 22 районам было собрано 248 пачек махорки, 38 компасов, 123 пары мужских носков, 3 машинки для стрижки волос, 12 пар ботинок и сапог и многое другое¹³.

Одним из значительных экономических явлений этого времени стало появление «фронтовых» бригад. Это звание было присвоено им летом 1942 г. Интересна и поучительна история их появления в регионе. Четыре фронтовых друга из Мордовской АССР поделились своими успехами на поле боевых действий с друзьями из рузаевского паровозного депо. Это сообщение так вдохновило молодежь депо, что они пообещали в ответном письме полную выполняемость нормы каждым рабочим, дабы поддержать заслуги односельчан и коллег по цеху. Обещание ими было выполнено: летом 1942 г. четыре бригады получили название «фронтовые». Вслед за рузаевцами звание «фронтовой» получила бригада Зои Климовой, работающей на механическом заводе в Саранске. Молодые люди не покидали рабочее место ни в выходные, работая

⁹ Ответ комсомольцев и молодежи Мордовии на призыв коллектива Московского автозавода о достойной встрече 24-й годовщины Красной Армии. 10 февраля 1942 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 2. Д. 1134. Л. 1–5.

¹⁰ Постановление бюро обкома ВЛКСМ об отборе комсомольцев-добровольцев в воздушнодесантные войска. 13 февраля 1942 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1074. Л. 7–8.

¹¹ Постановление бюро обкома ВЛКСМ о мобилизации комсомольцев в гвардейские части Красной Армии. 15 мая 1942 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1090. Л. 17.

¹² Постановление бюро обкома ВЛКСМ об организации фонда помощи детям. 17 мая 1942 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1090. Л. 8.

¹³ Из информационной справки Мордовского обкома комсомола в ЦК ВЛКСМ о выполнении первомайских обязательств комсомольцами Мордовии. 3 апреля 1942 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1134. Л. 78–82.

в воскресенье, ни в обеденный перерыв, обедая поочередно. Позже имена возглавлявших «фронтовые» бригады молодых людей стали появляться по всей территории республики.

Зимой 1943 г. произошел поистине героический случай, когда помощник машиниста Константин Антонов смог самостоятельно охладить остановившийся локомотив перед станцией Инза. В этом селе из-за поломки локомотива скопилось большое количество техники, доставляющей танки и другие необходимые средства для нужд фронта. Ждать охлаждения локомотива для устранения поломки означало задержать доставку грузов на несколько часов. Тогда Константин несколько раз обливал свою рабочую одежду водой и залезал в раскаленную паровозную топку. Благодаря этому героическому поступку удалось быстрее решить проблему и доставить груз. К весне 1944 г. на территории Мордовской АССР насчитывалось 427 молодежных трудовых бригад, 191 из которых носила гордое название «фронтовых».

27 февраля 1943 г. было опубликовано заявление двух комсомолок Вертелимской МТС Мельцанского района с просьбой отправить их в Сталинград с целью оказания помощи по восстановлению тракторного завода¹⁴.

13 марта 1943 г. также увидело свет положение о помощи детям, пострадавшим от происходящих событий в Сталинграде. Точная сумма сбора не была указана.

К 21 сентября 1943 г. были обсуждены планы трудящейся молодежи ко дню празднования 25-летия ВЛКСМ. В честь данно-

го праздника молодежь Мордовской АССР также решила устроить социалистическое соревнование. Кроме того, были объявлены и приняты «трудовые пятницы», когда весь заработок за день сдается в фонд обороны¹⁵.

В 1944 г. на весь Советский Союз прославилась уроженка Мордовской АССР комсомолка Нина Соколова. Ей писали письма ученые из Москвы, чтобы она поделилась секретом высокого урожая коксагыза. Данная сельскохозяйственная культура дает резину, поэтому важность ее неоспорима¹⁶.

21 января 1944 г. комсомол получил задание мобилизовать 1 500 комсомольцев на Донбасс. Республика Мордовия также не осталась в стороне и отправила на работу 40 чел., из которых 18 являлись членами комсомола¹⁷.

Ежегодно почти 20 тыс. человек, преимущественно девушек, выезжали на торфопредприятия страны. Уезжали и на строительство новой доменной печи в Магнитогорск, и на строительство электростанции в Пермь, а также занимались восстановлением промышленных предприятий в Запорожской и Днепропетровской областях.

Еще одним интересным фактом из истории Республики Мордовия стало участие в донорских акциях. Из отчета Саранского горкома РОКК о вовлечении в донорство трудящихся города за три месяца Великой Отечественной войны (№ 123) были получены данные о том, что в регионе на период начала Великой Отечественной войны активную деятельность развернуло общество Красного Креста. Всего было выделено 37

¹⁴ Заявление комсомолок Вертелимской МТС Мельцанского района Шалашовой Е. и Митрофановой Н. в Мордовский обком ВЛКСМ с просьбой о посылке их в Сталинград на восстановление тракторного завода. 27 февраля 1943 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1205. Л. 67.

¹⁵ Из информационной записки секретаря Мордовского обкома комсомола в Центральный Комитет ВЛКСМ о ходе соцсоревнования комсомольцев и молодежи Мордовии в честь 25-летия ВЛКСМ. 21 сентября 1943 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1216. Л. 68–71.

¹⁶ Из статьи, помещенной в газете «Красная Мордовия», о славных делах комсомолки Н. Соколовой. 13 августа 1944 г. // Красная Мордовия. 1944. 13 авг.

¹⁷ Справка обкома ВЛКСМ о мобилизации комсомольцев и молодежи на работу в Донбасс. 20 марта 1944 г. // ЦГА РМ. Ф. 956-п. Оп. 1. Д. 1217. Л. 51.

врачей, которые прошли специальную подготовку. Всего сдали общий анализ крови 247 чел., донорами из их числа стали 76 чел. Учащихся из этого числа было 8 чел.¹⁸

Обсуждение и заключение

1941–1945 гг. стали временем значительной экономической активизации комсомольцев. Фронтовые потребности заставили молодое население перевести свой быт и производственную деятельность на военные рельсы. Исполнение грандиозных экономических задач партии, стоявших перед населением, строго контролировалось различными государственными органами.

Большое значение в активизации всех экономических ресурсов и сил в среде молодежи сыграл также психологический фактор, когда молодые люди были готовы не жалея себя выполнять показатели планов, превышая их на несколько десятков, а чаще и сотен процентов, что показали статистические материалы, использовавшиеся в исследовании. Решение поставленных перед комсомольцами задач решалось преимущественно традиционными и известными по всей стране методами, такими как перевод молодых кадров с канцелярской работы на ручной труд, а также за счет проведения социалистического соревнования и воскресников. Можно сказать, что именно молодежь стала на тот момент пусковым механизмом социалистического соревнования среди всех остальных слоев населения. Молодежь Мордовской АССР активно принимала вызовы комсомольцев из других регионов страны, а также выезжала из региона для помощи другим регионам в восстановлении разрушенных заводов.

Таким образом, как мы видим, комсомольские организации Мордовской АССР сыграли большую роль в истории Великой Отечественной войны. Их вклад неоспорим. Из тех, кто встретил войну в возрасте 18–20 лет, т. е. являлся тем самым представителем комсомольской организации, до победного 1945 г. дожил лишь каждый пятый. Многие приведенные в тексте архивные документы подтверждают героизм, чувство долга, отлично воспитанное в советской молодежи республики. Когда говорят, что молодое поколение должно было созидать новшества в стране и двигать ее вперед, стоит учитывать все перечисленные выше факторы. Молодежь нашей страны в меру своих возможностей сделала очень многое для прославления и продвижения Советского Союза. В качестве ведущего мотива такой деятельности следует рассматривать добровольное волеизъявление граждан, что стало прямым следствием эффективности системы советского идейно-политического воспитания молодежи, которая была окончательно оформлена в 1930-е гг.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь Мордовской АССР в условиях военного времени стала одним из важных механизмов движения развития промышленного производства не только региона, но и всей страны в целом. «Нет того вида оружия, – говорил М. И. Калинин, – нет той формы борьбы в Отечественной войне, где бы не участвовал комсомол, где бы он не был в первых рядах». На всех фронтах Великой Отечественной, от Баренцева до Черного моря воевали мордовские комсомольцы, проявляя героизм и стойкость [3, с. 35].

Список источников

1. Глазунов Д. И. Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. 180 с.
2. Лузгин А. С., Юшкин Ю. Ф. Нас водила молодость. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 321 с.

¹⁸ Донорское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Брошюра к 70-летию со Дня Победы. URL: https://spasibodonor.ru/wp-content/uploads/2015/03/Broshyura_Donorstvo_krovi_v_gody_VOY.pdf

3. Люди долга и чести. «Прошу принять меня в комсомол»: история мордовского комсомола Л937 (1918–1991): альманах / Консультативный Совет ветеранов войны и труда при Главе РМ; сост.: В. С. Учайкин и др. Саранск, 2018. Вып. 4. 156 с.
4. Малынин С. П. Комсомол – фронту // И в тылу ковалась Победа: воспоминания, очерки о тружениках тыла Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Саранск, 1983. С. 18–26.
5. Попков Т. В. Всё – для фронта, всё – для Победы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 116 с.
6. Попков Т. В. Мордовия – фронту: в помощь лектору и пропагандисту. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 52 с.
7. Сорокин А. Будни фронтовые, комсомольские: от Сталинграда до Берлина // Этих дней не смолкнет слава...: очерки, статьи, воспоминания, фотодокументы о Великой Отечественной войне. Саранск, 2000. С. 72–90.
8. Сорокин А. С комсомольским билетом у сердца // Победа: сб. Саранск, 1990. С. 49–56.

References

1. Glazunov D. I. Komsomol of Mordovia during the Great Patriotic War. Saransk, 1957, 180 p. (In Russ.)
2. Luzgin A. S., Yu. F. Yushkin. Youth led us. Saransk, 1988, 321 p. (In Russ.)
3. People of duty and honor. «Please accept me into the Komsomol»: history of the Mordovian Komsomol L937 (1918-1991): almanac / Advisory Council of War and Labor Veterans under the Head of the Republic of Mordovia; [compiled by: V. S. Uchaikin et al.]. Saransk, 2018. Issue 4. 156 p. (In Russ.)
4. Malynin S. P. Komsomol - to the front // And in the rear Victory was forged: memoirs, essays about home front workers of Mordovia during the Great Patriotic War / [compiled by: S. P. Kabaeva, N. N. Slastukhin]. Saransk, 1983. P. 18–26. (In Russ.)
5. Popkov T. V. Everything - for the front, everything - for Victory. Saransk, 1982, 116 p. (In Russ.)
6. Popkov T. V. Mordovia - to the front: to help the lecturer and propagandist. Saransk, 1975, 52 p. (In Russ.)
7. Sorokin A. Everyday life at the front, Komsomol: from Stalingrad to Berlin // The glory of these days will not cease...: essays, articles, memoirs, photographic documents about the Great Patriotic War / [compiled by: V. P. Kolosov, N. M. Kulygin, A. A. Mamaev; Editorial Board: V. P. Bochkarev, V. G. Ganichev (pres.), A. I. Plekhov, etc.]. Saransk, 2000. P. 72–90. (In Russ.)
8. Sorokin A. With a Komsomol card at the heart // Victory: [collection] / [comp. Yu. T. Sukhorukov]. Saransk, 1990. P. 49–56. (In Russ.)

Поступила 15.01.2025.

Сведения об авторе

Никитина Алена Владимировна – аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: молодежные объединения, молодежная политика. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6708-3152>.

E-mail: vertyshka2000@mail.ru

Submitted 15.01.2025.

About the author

Alena V. Nikitina – Postgraduate Student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: youth associations, youth policy. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6708-3152>.

E-mail: vertyshka2000@mail.ru

УДК 93/94

П. В. Волосатов¹, А. Н. Суродькина²

^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

¹ e-mail: volosatov.pawel@yandex.ru

² e-mail: surodkina.nastya@mail.ru

Размещение и трудоустройство эвакуированного населения на территории Ардатовского и Атяшевского районов Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

Введение. Опираясь на архивные данные и опубликованные источники по теме, авторы анализируют процессы размещения и трудоустройства на местах эвакуированных граждан на территории Ардатовского и Атяшевского районов Мордовской АССР.

Материалы и методы. В исследовании использовались материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия, воспоминания очевидцев и современников, хранящиеся в краеведческом музее Ардатовского района республики. Авторами используются общенаучные и специальные научные (историко-системный и др.) методы.

Результаты исследования. На территории Мордовской АССР до 67 % населения было занято работой в сельском хозяйстве (колхозы, совхозы). Относительно небольшая часть перемещенного населения трудилась согласно своей непосредственной квалификации (партийные деятели, учителя, воспитатели). В целом все эвакуированные граждане сталкивались с трудностями военного времени и в тылу. Нехватка продуктов питания, бытового оснащения присутствовала в Ардатовском и Атяшевском районах, что решалось на республиканском уровне.

Обсуждение и заключение. Как в Ардатовском, так и в Атяшевском районе Мордовской АССР существовали проблемы с размещением и трудоустройством эвакуированного населения. На конкретных примерах видны проблемы голода, неудовлетворительной материальной обеспеченности, отсутствия работы по специальности в большинстве случаев и т. д.

Ключевые слова: Мордовская АССР, эвакуация, эвакуационный пункт, колхоз, быт, сельское хозяйство, трудоустройство, население, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Волосатов П. В., Суродькина А. Н. Размещение и трудоустройство эвакуированного населения на территории Ардатовского и Атяшевского районов Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 189–195. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.189-195.

Pavel V. Volosatov¹, Anastasiya N. Surod'kina²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),

¹ e-mail: volosatov.pawel@yandex.ru

² e-mail: surodkina.nastya@mail.ru

Employment and Activities of Evacuated Citizens in the Territory of the Mordovian ASSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War

Abstract

Introduction. Based on archival data and published sources on the topic, an analysis was given of the processes of local placement and employment of evacuated citizens to the territory of Ardatovskii and Atyashevskii districts of the Republic of Mordovia.

Materials and Methods. The research used materials located in the Central State Archive of the Republic of Mordovia, memoirs of eyewitnesses and contemporaries stored in the Museum of local lore of the Ardatovskij district of the republic. The authors use general scientific and special scientific (historical-systemic, etc.) methods.

Results. In the territory of the Mordovian ASSR, up to 67 % of the population was employed in agriculture (collective farms, state farms). A relatively small part of the displaced population worked according to their direct qualifications (party leaders, teachers, educators). In general, all the evacuated citizens faced wartime difficulties in the rear. The shortage of food and household equipment was present in the Ardatovskij and Atyashevskij districts, which, however, was solved at the national level.

Discussion and Conclusion. There were problems with the accommodation and employment of the evacuated population in both the Ardatovskij and Atyashevskii districts of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic. Concrete examples show the problems of hunger, poor financial security, lack of work in the specialty in most cases, etc.

Keywords. Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic, evacuation, evacuation center, collective farm, life, agriculture, employment, population, the Great Patriotic War.

For citation: Volosatov P. V., Surod'kina A. N. Employment and Activities of Evacuated Citizens in the Territory of the Mordovian ASSR at the Initial Stage of the Great Patriotic War. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 189–195. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.189-195.

Введение

Великая Отечественная война началась с вероломного нападения войск гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Несмотря на сопротивление, оказываемое войсками Рабоче-крестьянской Красной армии, неприятель перешел в активное наступление по всей линии фронта, и уже к концу лета – началу осени 1941 г. вермахт вышел на оперативный простор, поставив под угрозу важнейшие логистические центры Советского Союза, среди которых Москва и Ленинград.

Помимо выхода к жизненно важным для функционирования государства центрам сосредоточения промышленности, транспортной инфраструктуры, немецкие войска оккупировали весьма значимые тер-

ритории для СССР – густонаселенные, с преобладанием плодородных земель, развитым аграрным компонентом и развитой промышленной базой. Потеря данных территорий сильно сказывалась на экономическом потенциале государства, что имело за собой негативное отражение в снижении обороноспособности Советского Союза. Чтобы решить данную проблему, правительство еще в самом начале войны решило запустить механизмы эвакуации промышленных объектов, сельскохозяйственных и человеческих ресурсов с территорий, которым грозила оккупация.

24 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР постановили создать Совет по эвакуации. Совет определил ответственными за проведение эвакуа-

ционных мероприятий на местах председателей народных комиссариатов союзных и автономных республик, краев и областей.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали документы, преимущественно хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия (ЦГА РМ), а также письмо, находящееся в краеведческом музее Ардатовского района. Среди документов ЦГА РМ были изучены фонды Президиума Верховного Совета Республики Мордовия, Управления милиции НКВД МАССР.

Проблема эвакуации на территорию Мордовской АССР исследовалась и на региональном уровне. В качестве источника была рассмотрена работа С. Б. Бирюковой, комплексно рассмотревшей проблему эвакуации на территорию Мордовской АССР [1].

В работе были использованы общенаучные и специальные научные методы, такие как историко-системный и проблемно-хронологический. Использование вышеперечисленных методов позволило провести анализ условий размещения и дальнейшего трудоустройства эвакуированных граждан на новом месте пребывания на территориях вышеуказанных районов Мордовской АССР.

Результаты исследования

Активно эвакуационные процессы на территории Мордовской АССР начались в начале июля 1941 г., когда на эвакуационные пункты стали прибывать первые составы с оккупированных противником территорий. 5 июля 1941 г. СНК СССР принял решение «О порядке эвакуации населения в военное время» [4, с. 112]. Согласно ему, пункт представлял собой логистический центр, предназначенный для приема эвакуированных граждан, их временного размещения, обеспечения их питанием, санитарного контроля и дальнейшего распределения по населенным пунктам и другим субъектам РСФСР. Пункты, как правило, располага-

лись на крупных узловых железнодорожных станциях и речных пристанях, если эвакуация шла по водным путям сообщения. На территории Мордовии эвакуация с прифронтовых территорий происходила по железнодорожным путям. Эвакуационные пункты располагались на таких станциях, как Рузаевка, Ардатов, Атяшево, Красный Узел, Ковылкино. Крупнейшим из них был Рузаевский эвакуационный пункт, где дальнейшего распределения ждало большинство прибывших в республику граждан. Например, 15 июля в эвакуационный пункт в Ардатове прибыл очередной эшелон. Местными органами власти для встречи людей и транспортировки багажа были подготовлены 300 подвод и 4 автомашины, людей разместили в общежитиях педагогического училища, техникума механизации сельского хозяйства, школьных зданиях. Всего было занято 17 помещений¹.

На территорию Атяшевского района Мордовской АССР, как и в остальные районы республики, с основных эвакуопунктов отправлялось эвакуированное население. По данным Управления милиции Народного комиссариата внутренних дел МАССР, к 1942 г. на территорию вышеуказанного района было перемещено 1 769 чел. Также приводится возрастной состав:

взрослые – 837 чел.;

дети с родителями – 772 чел.;

дети без родителей – 160 чел.²

Большинство эвакуированных были из Белорусской ССР, однако многие из них не имели при себе удостоверения личности, поэтому информация о них бралась из метрических выписок.

Анализируя архивные данные, можно подробнее охарактеризовать национальный состав эвакуированных на территорию района, приводя конкретные примеры по некоторым населенным пунктам. Например, согласно «Списку граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы...», в Ушаковский

¹ См.: Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Юрченкова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. Т. 1.

² ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-447. Оп. 4. Д. 1. Л. 24.

сельский совет Атяшевского района по состоянию на июль 1941 г. национальный состав перемещенных граждан составляли русские, белорусы и евреи. Последние составляли если не большинство, то значительную часть из всех эвакуированных с территории Белорусской ССР. Это обусловливается исторически сложившимися местами компактного проживания евреев на территории, которая подверглась эвакуации в первый месяц войны.

Эвакуированные нередко испытывали трудности с размещением, питанием, санитарными потребностями [2, с. 129]. По прибытии на станцию Атяшево, где существовал эвакуационный пункт, люди ждали дальнейшего распределения, ютись в помещениях пункта и домах местных жителей.

Имеются данные о специальностях прибывавших граждан. Самые многочисленные из них: техники, железнодорожники, строители, портные и счетоводы. Однако за невостребованностью некоторых специальностей и одновременно нехваткой рабочих рук в сельскохозяйственной отрасли большинство из них были направлены на работы в колхозы Атяшевского района, такие как «Путь Ильича» (с. Сабанчеево), «Искра» и «Ворошилов» Большеманайшского сельского совета³. Например, эвакуированные из Львова польки Л. А. Валько и Ю. А. Сидорова, официантка и санитарка соответственно, были направлены на работу в колхоз «Путь Ильича»⁴.

Помимо работы в колхозах, эвакуированные занимались и иной трудовой деятельностью. Например, после эвакуации детей из Белорусской АССР на территорию Атяшевского района и создания детского дома на базе средней школы в с. Шейн-Майдан в августе 1941 г. в качестве воспитателей привлекались эвакуированные граждане. Все они в момент начала эваку-

ации пребывали и работали в пионерском лагере «Городище» г. Минска⁵.

В Ардатовском районе Мордовской АССР ситуация по размещению и дальнейшему трудоустройству эвакуированного населения была в целом схожа с ситуацией во всей республике. Эвакуированные прибывали на станцию Ардатов, где был организован эвакуационный пункт, и оттуда уже распределялись по населенным пунктам района, направляясь в дальнейшем преимущественно на работы в колхозы и совхозы. Как и в остальных районах Мордовской АССР, эвакуированное население преследовал голод, материальная необеспеченность, проблемы с жильем [3, с. 126].

Проблема обеспечения питанием эвакуированных граждан остро стояла вплоть до 1944 г. Это можно подтвердить с помощью докладной записки, которая была отправлена председателем Ардатовского районного совета и секретарем Ардатовского районного комитета ВКП(б) на имя председателя Совета народных комиссаров Мордовской АССР. В ней говорится о тяжелом положении эвакуированного населения, как взрослого – работающего на земле, так и детей, находящихся в детских домах района. По состоянию на 1944 г. в Ардатове и районе проживало около 500 семей. После ознакомления с запиской была проведена проверка на местах, по результатам которой были выявлены тяжелые условия проживания и трудовой деятельности граждан. Например, были проблемы с одеждой, особенно теплой. Существовали перебои с обеспечением питания в столовых взрослых и детей. Результатами проверки в плане обеспечения питанием стало требование об организации общественного питания с привлечением субпродуктов Ардатовского забойного пункта, которые также отгружались в Саранск для аналогичных целей⁶.

³ См.: Экономика Поволжья в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие / И. Ю. Асабин, Е. Н. Бикейкин, С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова. Саранск, 2010.

⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 359. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ См.: Мордовия, 1941–1945: сборник документов / Центральный государственный архив Республики Мордовия, Центр документации новейшей истории Республики Мордовия, 1995.

Важным источником, который дает представление о характере трудовой деятельности эвакуированных граждан в Ардатовском районе на конкретном примере, является письмо из фонда Ардатовского краеведческого музея. Оно принадлежит уроженке г. Орша Белорусской АССР Хая Залмановне Лейхович, которая в конце июня 1941 г. была эвакуирована в Ардагов.

Из этого письма следует, что до войны и на момент ее начала Хая Залмановна работала в Оршанском горкоме ВКП(б). Во время эвакуации она была исполняющей обязанности начальника эшелона, который отправлялся в тыл из обстреливаемой Орши. По прибытии в Ардагов она стала директором местной средней школы. Бывший директор-мужчина был мобилизован в РККА. Помимо директорской работы, она была учителем истории, что совпадало с ее квалификацией, так как на родине она окончила исторический факультет. Х. З. Лейхович пишет, что, помимо нее, штат учителей Ардаговской средней школы пополнялся другими эвакуированными учителями из Москвы, Ленинграда и Белорусской ССР.

В сентябре 1943 г. Хая Залмановна, или, как ее стали называть для упрощения произношения еврейского имени, Анна Соломоновна получила повышение – постановлением Мордовского обкома ВКП(б) она была переведена на работу в Ардаговский районный исполком на должность заместителя председателя. Она отвечала за государственное обеспечение и бытовое устройство семей военнослужащих.

Х. З. Лейхович писала: «Работать в этом отделе в то время было очень тяжело: голодные, раздетые женщины и дети. Другой день – обезумевшие женщины приносили голодного и больного опухшего ребенка в кабинет, ложили на стол и ухаживали...».

Работа в райисполкоме требовала стрессоустойчивости и предполагала серьезную моральную нагрузку для сотрудников. У Х. З. Лейхович на руках был малолетний ребенок, и переживания за его дальнейшую судьбу сыграли свою роль в ее жизни. Че-

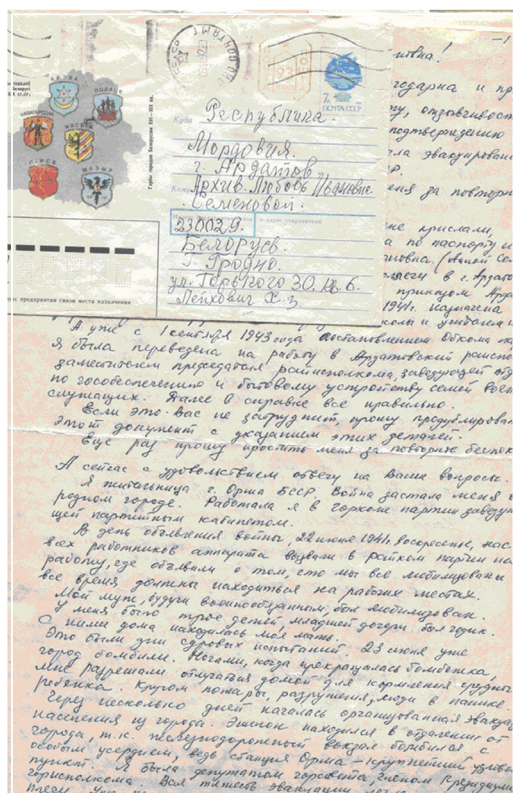

Рисунок. Письмо эвакуированной гражданки Х. З. Лейхович (из фонда Ардатовского краеведческого музея) / Figure. Letter of the evacuated citizen H. Z. Leikovich (from the collection of the Ardatov Museum of Local Lore)

рез некоторое время, не выдержав тяжелых условий труда, Хая Залмановна перешла на работу в Ардаговское педагогическое училище.

Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что в целом процентное соотношение в Мордовской АССР в плане трудоустройства эвакуированного населения превалировало в сельскохозяйственной отрасли – в ней было занято до 67 % от всех перемещенных граждан. Это объясняется сильным перекосом в сторону сельских жителей среди проживающих на территории Мордовской АССР, что объясняется историко-географическими и социально-экономическими причинами. В Мордовию не было эвакуировано ни одного крупного завода

или фабрики, а имеющаяся в республике промышленность значительно уступала сельскохозяйственной отрасли в масштабах развития.

Особенно явно данная картина прослеживается в сравнении с другими республиками РСФСР в целом, где доля рабочих, занятых в промышленности, составляла около 40 %, а доля граждан, занятых в работе в государственных учреждениях, составляла 24 %⁷.

Что касается Мордовской АССР, то значимая часть эвакуированных граждан с оккупированных территорий представляла собой городскую интеллигенцию, рабочие кадры. Большая часть из них направлялась на работу в колхозы и совхозы республики, хотя их рабочие специальности находились абсолютно в другой профессиональной плоскости. Некоторые эвакуированные не имели желания работать не по своей специальности; упоминаются случаи, когда граждане не выходили на работу по тем или иным причинам, которые они сообщали непосредственно представителям власти на местах временного пребывания в районах республики⁸.

Обсуждение и заключение

С июля 1941 по ноябрь 1941 г. в Мордовскую АССР прибыло почти 70 тыс. чел., эвакуированных с оккупированных территорий. Процесс эвакуации сопровождался

рядом трудностей. Граждане, прибывающие на эвакуационные пункты, размещенные вдоль железной дороги, испытывали проблемы с размещением на местах, обеспечением продовольствием. Были трудные санитарно-эпидемиологические условия: эвакуационные пункты создавались в стихийной обстановке, и далеко не всегда помещения удовлетворяли требованиям одномоментного пребывания большого количества людей.

Как в Ардатовском, так и в Атяшевском районе Мордовской АССР существовали проблемы с размещением и трудоустройством эвакуированного населения. На конкретных примерах видны проблемы голода, неудовлетворительной материальной обеспеченности, отсутствия работы по специальности в большинстве случаев и т. д.

До начала процессов реэвакуации на освобожденные территории СССР, а в некоторых случаях и до конца Великой Отечественной войны трудоспособное население из числа эвакуированных продолжало трудиться на земле Мордовии, ее фабриках и заводах, в школах и детских домах. Все это, несмотря на трудности в быту и работе, вносило значимый вклад в общий труд тыла республики, РСФСР и всей страны, носивший характер единения, приверженности одной цели – разгрому оккупанта, освобождению страны и Великой Победе.

Список источников

1. Бирюкова С. Б. К вопросу эвакуации в Мордовию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Мордовского университета. 1995. № 2.
2. Потемкина М. Н. Историческое пространство эвакуации (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3. С. 124–133.
3. Учватов П. С. Деятельность Совета народных комиссаров Мордовской АССР по приему и размещению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 124–130.
4. Федотов В. В. Эвакуационные процессы в областях верхнего Поволжья в 1941–1943 гг.: социальный и психологический аспекты // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 111–116.

⁷ См.: Андроников Н. Г. Великая Отечественная война 1941–1945: словарь-справочник. М., 1988.

⁸ См.: Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Юрченкова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. Т. 1.

References

1. *Biryukova S. B.* On the issue of evacuation to Mordovia during the Great Patriotic War. *Vestnik Mordovskogo Universiteta*. 1995. 2. (In Russ.)
2. *Potemkina M. N.* Historical space of evacuation (1941–1945). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2012. 3(37). (In Russ.)
3. *Uchvatov P. S.* Activities of the Council of People's Commissars of the Mordovian ASSR for the reception and accommodation of the evacuated population during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2015: 2: 24–130. (In Russ.)
4. *Fedotov V. V.* Evacuation Processes in the Upper Volga Regions in 1941–1947: Social and Psychological Aspects. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2023. 7. (In Russ.)

*Поступила 27.02.2025.***Сведения об авторах**

Волосатов Павел Вячеславович – аспирант, преподаватель кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: эвакуационные процессы на территории МАССР в годы Великой Отечественной войны. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1040-2894>.

E-mail: volosatov.pawel@yandex.ru

Суродькина Анастасия Николаевна – магистрант кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: эвакуационные процессы на территории МАССР в годы Великой Отечественной войны. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0482-9142>.

E-mail: surodkina.nastya@mail.ru

*Submitted 27.02.2025.***About the authors**

Pavel V. Volosatov – Postgraduate Student, lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: evacuation processes on the territory of the Mordovian Autonomous Soviet Socialistic Republic during the Great Patriotic War. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1040-2894>.

E-mail: volosatov.pawel@yandex.ru

Anastasiya N. Surod'kina – Master's Student, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: evacuation processes in the territory of the Mordovian Autonomous Soviet Socialistic Republic during the Great Patriotic War. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0482-9142>.

E-mail: surodkina.nastya@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

НЕФЕДОВ С. А. Как Россия стала отсталой страной. Факторы формирования феномена промышленного отставания в России XIX века. – [б. м.] : Издательские решения, 2024. – 288 с.

THE REVIEW ON THE MONOGRAPH:

NEFEDOV S. A. How Russia Became a Backward Country. Factors of Formation of the Phenomenon of Industrial Backgrowth in Russia in the XIX century. – [b. M.]: Publishing solutions, 2024. – 288 p.

В. В. Запарий

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия), e-mail: vvzap@mail.ru*

Аннотация

Рецензия написана на книгу профессора С. А. Неведова, в которой он дает свою трактовку широко обсуждающейся в исторической и общественной литературе проблемы, связанной с устоявшимся мнением о том, что в XIX в. Россия стала отсталой страной, и рассматривает факторы формирования феномена промышленного отставания в России. Подробно занимаясь экономической историей нашей страны в последние десятилетия и являясь автором большого числа обобщающих трудов, он дает авторскую концепцию данного процесса, рассматривая ее в дискуссии с рядом авторов. Монография носит дискуссионный характер и заставляет по-новому взглянуть на сложившуюся давно научную проблему.

Ключевые слова: Россия в XIX в., промышленное отставание, причины, характер экономического развития.

V. V. Zapariy

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: vvzap@mail.ru*

Abstract

The review is written on the book by Professor S. A. Nefedov, in which he gives his interpretation of the problem, widely discussed in the historical and social literature, associated with the established opinion that in the 19th century Russia became a backward country and examines the factors of formation of the phenomenon of industrial backwardness in Russia. Having studied the economic history of our country in detail in recent decades and having written a large number of general works, he gives his own concept of this process, examining it in a discussion with a number of authors. The monograph is of a debatable nature and makes one take a fresh look at a long-established scientific problem.

Keywords: Russia in the 19th century, industrial backwardness, reasons, nature of economic development.

В рамках проекта «Регион в контексте российской истории: ландшафты и акторы (концептуально-методологические и источниковедческие аспекты)» была опубликована монография С. А. Нефедова «Как Россия стала отсталой страной. Формирование феномена промышленного отставания России в XIX веке». Идея монографии возникла в связи с предложенным академиком РАН В. В. Алексеевым исследовательским проектом «Большие вызовы в истории имперской России (XVIII – начало XX вв.)».

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в качестве одного из приоритетов заявляется обеспечение «возможности эффективного *ответа* российского общества на *большие вызовы* с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий... в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»¹. Проблема вызовов, с которыми встретилась Россия, не нова и не является чем-то специфическим для XXI в. В связи с этим возникает задача анализа *больших вызовов*, которым на протяжении последних веков противостояло российское общество, и осмысления ответов, которые оно дало на эти вызовы.

Большой вызов XIX в. – это была промышленная революция, пришедшая в Россию с Запада и принесяшая с собой целый комплекс проблем, на которые нужно было дать ответ. Важнейшим компонентом этого вызова было военное давление западной цивилизации – и ответ подразумевал создание современной военной промышленности, что было невозможно без развития металлургии и машиностроения.

С. Коткин контрастно обозначил встававшие перед страной альтернативы: «Либо в вашей стране будет современная сталелитейная и оружейная промышленность с необходимым для нее массовым образованием, наукой и всем, что их обеспечивает... либо к вам без спроса явятся те, у кого все это уже появилось»². В этом контексте важную роль играет анализ развития уральской металлургии и выявление факторов и обстоятельств, препятствовавших этому развитию.

Методологической основой исследования является один из вариантов теории модернизации, так называемый акторный подход, предложенный известным российским специалистом в области методологии членом-корреспондентом РАН И. В. Побережниковым. Этот подход рассматривает процесс модернизации в контексте взаимодействия различных акторов, при этом под актором может подразумеваться как индивид, так и группа лиц, социальная страта, организационная структура, предприятие, общественное движение и т. д. При этом отмечается, что действия индивидуальных акторов могут определяться субъективными установками и даже случайными влияниями³. Таким образом, вопрос о том, какие силы и каким образом препятствовали индустриализации России, может быть переформулирован в вопрос о роли различных акторов в процессе индустриализации.

И. В. Побережников уделяет большое внимание рассмотрению процессов диффузии идей и инноваций. В частности, отмечается, что «индустриализация, развернувшая первоначально в Великобритании во второй половине XVIII в. также осуществлялась во многом в результате диффузии, а не независимого развития в рамках отдельных сообществ»⁴.

Механизм диффузии инноваций в XVIII–XIX вв. был подробно описан в известной работе Е. В. Алексеевой. Он включает такие каналы, как военные действия, ди-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 04.01.2024).

² Цит. по: Дерлугьян Г. Как побитый жизнью грузин Сталин стал эталонным диктатором. URL: <https://gorky.media/reviews/kak-pobityj-zhiznyu-gruzin-stalin-stal-etallonnyj-diktatorom/>

³ См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2016. С. 22–27.

⁴ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006. С. 20.

пломатия, торговля, обучение, деловые поездки, печать и т. д.⁵ Таким образом, важно проследить, каким образом диффузия идей влияла на поведение различных акторов, в особенности индивидов, в процессе российских реформ.

XIX в. известен в экономической истории как период перехода от традиционного общества к индустриальному. Это было время промышленной революции, когда западноевропейские страны и США совершили резкий экономический скачок, намного опередив в промышленном развитии остальной мир. Этот феномен получил название Великого расхождения. Вплоть до конца столетия Россия оставалась на периферии промышленной революции, а к 1880-м гг. отставание приняло драматический характер. Наиболее выразительным показателем это отставания было производство металла, который в то время считался «хлебом промышленности».

Действительно, если брать общий объем производства, то в 1800 г. по выплавке чугуна Россия лишь немного уступала Англии; в 1825 г. она еще опережала США и Германию (в границах 1880 г.). Отставание резко проявилось к концу правления Николая I, к 1855 г. Германия и США по выплавке чугуна уже намного опередили Россию, отставание от Франции было трехкратным, а от Англии – двенадцатикратным! В 1880 г. в России производилось в 9 раз меньше металла на душу населения, чем во Франции, в 12 раз меньше, чем в Германии, в 15 раз меньше, чем в США, и в 47 раз меньше, чем в Англии.

Обобщающим показателем промышленного развития является доля промышленных рабочих в самодеятельном населении. В 1860 г. в русской фабричной промышленности было занято 1,8 % населения; к 1900 г. эта доля увеличилась только на 0,9 % и равнялась 2,7 %. В западных странах промышленные рабочие составляли не менее четверти населения, а даже в Англии – 74 %.

Каковы были причины этого отставания в индустриализации? Выдающийся экономист М. И. Туган-Барановский полагал, что причиной отставания тяжелой промышленности было крепостное право и протекционистская политика министров Николая I⁶. Напротив, многие современники считали, что причиной этого явления является отказ от протекционизма и резкое понижение таможенных тарифов в 1857 г., сделавшее неконкурентоспособной продукцию российских заводов и мануфактур⁷. Однако сторонники свободной торговли отрицали негативное влияние фритредерской тарифной политики⁸.

Историки XX в. отчасти соглашались с влиянием «крепостнических пережитков». А. Гершенкрон писал, что «авторы российской реформы либо считали индустриализацию нежелательной, либо относились к ней в лучшем случае с полным равнодушием...»⁹. Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон утверждают, что под угрозой потери политической и экономической власти российское правительство активно сопротивлялось индустриализации¹⁰. Но авторы не дают пояснений, каким образом российские элиты сопротивлялись индустриализации, в каких формах выражалось это сопротивление.

Современные российские историки уклоняются от ответа на вопрос о причинах отставания. Л. В. Куприянова считает, что развитие шло своим чередом, а сме-

⁵ См.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XIX в.). М., 2007.

⁶ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 138–139.

⁷ См., например: Мевюс А. Ф. Будущность горнозаводского промысла на Юге России. СПб., 1867; Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.

⁸ См., например: Бушен А. Сборник сведений по вопросам о снабжении русских железных дорог рельсами, подвижным составом и прочими принадлежностями. СПб., 1876; Радциг А. А. Железодельная промышленность всего света. СПб., 1900.

⁹ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. С. 148–149.

¹⁰ См.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016. С. 74.

на тарифной политики в 1880-х гг. была вызвана не осознанием катастрофического отставания, а финансовым кризисом и фискальными нуждами правительства¹¹. Б. Н. Миронов полагает, что «экономика, общество... особенно в пореформенное время, достаточно успешно развивались»¹².

Лишь В. В. Алексеев и Д. В. Гаврилов, авторы фундаментальной монографии об уральской металлургии, в общем плане указывают на то, что отставание в металлургии было вызвано тем, что правительство, Горный департамент и горнозаводчики «не смогли выработать правильную стратегию развития российской металлургии на длительный срок, не приняли энергичных мер к внедрению новых технических открытий»¹³.

Таким образом, вопрос о конкретном механизме формирования феномена отсталости остается непроясненным. Какие силы и каким образом препятствовали индустриализации России?

Современные экономисты с применением математических методов доказывают, что драйвером промышленной революции было строительство железных дорог. Это было очевидно уже в середине XIX в. Комиссия для изыскания средств к развитию железного производства в России, созданная в 1852 г., пришла к выводу, что причиной медленного развития металлургии является недостаточный спрос на железо внутри страны, что при наличии спроса со стороны железных дорог производство может быть увеличено в достаточном объеме. В 1855 г. в России насчитывалось 1 004 км железнодорожных путей, во Франции – 4 536, в Германии – 7 540, в Англии – 12 914 км. Железные дороги создавали основной спрос на продукцию металлургии и машиностроения. Металлурги не могли выплавлять больше чугуна, чем требуется. В итоге, соответственно размерам железнодорожного строительства, в России производилось в 3 раза меньше металла, чем во Франции, и в 12 раз меньше, чем в Англии.

В исследовании показано, что причина обозначившегося к середине XIX в. промышленного отставания России заключалась не в крепостном праве и не в таможенном протекционизме, а в неверной железнодорожной политике. Акторный подход демонстрирует, насколько важную роль может играть деятельность отдельных политических акторов в формировании этой политики. Результат этого взаимодействия определялся не только групповыми акторами, сословиями и классами, но и – часто субъективной – позицией индивидуальных акторов.

В первую очередь речь идет об императоре Николае I, министре финансов Е. Ф. Канкрине и главноуправляющем путей сообщения К. Ф. Толе, которые не понимали важности строительства железных дорог для развития промышленности и технического прогресса. Во вторую очередь речь идет о генерал-инженерах из Корпуса путей сообщения, которые обосновывали сравнительную рентабельность водных путей сообщения в то время как их французские коллеги видели перспективу железнодорожного строительства.

Как показано в исследовании, многие возможности были упущены по причинам субъективного характера. Между тем возможности имелись: в России были капиталы, которые можно было бы направить на строительство железных дорог. Эти капиталы принадлежали по большей части помещикам, которые держали деньги в государственных банках («кредитных установлениях»). Банки давали 4 % по вкладу, и в стране, где практически не было акций, это был самый простой и выгодный способ хранения и приумножения денег.

¹¹ *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994. С. 87.

¹² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010.

¹³ *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 409.

В 1852 г. российские банки имели на хранении капитал в 773 млн руб. – больше, чем все банки Лондона. Но лишь незначительная часть этих средств использовалась для кредитования коммерческих операций; создание акционерных компаний было затруднено, и железные дороги строились на государственные средства. Правительство препятствовало оттоку средств из государственных банков потому, что основная их часть (помимо ипотечных кредитов помещикам) предназначалась для негласных займов казне.

Причиной такого положения был хронический дефицит бюджета из-за огромных военных расходов. Это была плата за великодержавные амбиции николаевской России, имевшей армию, превосходящую по численности объединенные армии Пруссии и Австрии. В годы Крымской войны из этих банков было негласно позаимствовано еще 229 млн руб., и общая сумма долгов казны достигла 521 млн руб. Иными словами, деньги, которые могли бы быть использованы на строительство железных дорог и развитие промышленности, были растрачены на содержание в мирное время огромной армии, а потом на Крымскую войну. При этом, как показывают некоторые историки, эта война не была фатально predetermined, и при менее амбициозной политике ее можно было бы избежать.

Отставание в развитии металлургии и машиностроения имело не только количественный, но и качественный характер. Это роковым образом сказалось во время Крымской войны. Уральские заводы не могли наладить производство ствольной стали (ленточного дамаска) для нарезных ружей (штуцеров). Гладкоствольные ружья русских солдат имели прицельную дальность в 4 раза меньше, чем у английских штуцеров «Энфилд». Это позволяло неприятелю издали расстреливать атакующие русские колонны. Еще более разительным было превосходство противника на море. Русский парусный флот не мог противостоять паровым линейным кораблям противника и был затоплен в Севастопольской бухте.

Последствия поражения в войне были тяжелыми: дипломатическое давление победителей заставило новые власти отказаться от поддержки основных отраслей промышленности. Требования Наполеона III передавались через его посланника графа Шарля де Морни и нашли понимание у председателя Тарифного комитета «гражданина мира» Л. В. Тенгоборского. Таким образом, был принят тариф 1857 г., намного уменьшивший таможенные пошлины; а затем ввоз чугуна и железа стал практически беспошлинным.

Дипломатическое давление подкреплялось мощной идеологической экспансией. Диффузионистская теория гласит, что военное поражение приводит к перениманию не только военной техники, но и идеологии противника. Англия энергично пропагандировала либеральные идеи, частное предпринимательство и свободную торговлю. В пропаганде «фритрейда» непосредственно участвовал английский консул Т. Митчель, а его помощниками были задававшие «экономические обеды» либеральные бюрократы Н. А. Милютин, Д. А. Оболенский, Е. И. Ламанский, А. И. Бутовский, Ф. Г. Тернер и др.

К этой активной группе примыкали высокие сановники: главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин, князь А. Ф. Орлов, министр иностранных дел А. М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич. Большинство изданий («Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник» и т. д.) выступали на стороне пропагандистов свободной торговли.

В исследовании показано, что одним из активных воздействующих на экономическую политику акторов была группировка либеральных бюрократов. Она пользовалась поддержкой так называемых достаточных классов – граждан, которые могли покупать импортные потребительские товары и были заинтересованы в снижении цен при свободной торговле. Либералам противостояли бюрократы-«государственники» (министры путей сообщения П. П. Мельников, министр финансов А. М. Княжевич) и протестовавшие против «фритрейда» промышленники. Среди последних преобладали московские хлопчатобумажные фабриканты-славянофилы (А. П. Шипов, Т. С. Морозов, И. А. Лямин и др.).

Диффузия либеральных идей была процессом, охватившим всю Европу. В 1860 г. фритредеры достигли решающего успеха, добившись подписания договора Кобдена – Шевалье, открывшего для свободной торговли Францию, а затем большинство европейских стран. Вскоре после этого А. М. Княжевича сменил на посту министра финансов М. Х. Рейтерн, и экономическая политика правительства приобрела ярко очерченное либеральное направление. По инициативе М. Х. Рейтерна в 1866 г. была принята концессионная программа строительства железных дорог частными обществами; государственные дороги приватизировались. Протестовавший против такой политики П. П. Мельников был вынужден подать в отставку.

Железнодорожные общества получали право на распространение своих акций и облигаций, по которым правительством гарантировался установленный (обычно 5 %) дивиденд. Часть облигаций поступала в специальный фонд из железнодорожного фонда, который пополнялся за счет зарубежных займов и из которого общества получали средства на строительство дорог. Сметы были завышенными, контроль практически отсутствовал, и концессионеры строили дороги «вчерне», «на живую нитку», получая огромные барыши за счет «сэкономленных» против сметы средств.

Такой порядок послужил почвой для распространения коррупции. Чтобы получить концессию, учредители давали «влиятельным лицам» взятки, которые подчас исчислялись миллионами рублей. «Влиятельные лица» не только протезировали концессионерам, но и препятствовали установлению какого-либо порядка в железнодорожном деле.

Группа «влиятельных лиц» была еще одним важным актором формирования экономической политики. Из наиболее известных персонажей в нее входили управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский, министр почт и телеграфа И. М. Толстой, великий князь Николай Николаевич, министр двора граф А. В. Адлерберг, фаворитка императора княжна Е. М. Долгорукова. Много говорили о коррумпированности высших чиновников Министерства финансов. Наконец, обвинения раздавались в адрес императора Александра II.

В связке с «влиятельными лицами» действовала группа «железнодорожных королей», за взятки получавших концессии и подряды. Наиболее известными из них были П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк, С. С. Поляков, П. И. Губонин. Князь Мещерский писал: «Никто не мог понять, почему такие люди, как Мекк, Дервиз, Губонин, Башмаков и прочие, которые не имели, во-первых, ни гроша денег, а, во-вторых, никаких инженерных познаний, в два-три года делались миллионщиками»¹⁴.

Железнодорожные общества получали право на беспошлинный ввоз железнодорожного оборудования, в том числе рельсов. Английские рельсы были примерно вдвое дешевле уральских. До недавнего времени считалось, что при беспошлинном импорте уральские заводы не могли конкурировать с английскими и именно поэтому заказы уходили за границу, а уральская металлургия стагнировала. Говорилось также о трудностях доставки металла в отсутствие железных дорог и об отсутствии перспектив у древесноугольной уральской металлургии.

Однако проведенное исследование показало, что в действительности продукция уральских заводов была конкурентноспособной. Благодаря легирующим примесям в железной руде рельсы из уральского металла были намного прочнее английских и намного выгоднее в эксплуатации. Если бы рыночная экономика функционировала нормально, то заказы оставались бы в России. Это были огромные деньги, можно было увеличить производство, освоить новую технику, построить железную дорогу на Урал и упростить доставку металла.

¹⁴ Цит. по: Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 118.

Заказы уходили на Запад потому, что наживавшиеся на «экономии» концессионеры покупали самые дешевые и некачественные английские рельсы. Они получали сиюминутную прибыль, а дальнейшее их не интересовало. Разумеется, построенную «вчерне» дорогу приходилось постоянно ремонтировать, она не давала дохода, но акционеры не оставались внакладе: 5 % годового дохода по акциям и облигациям обеспечивала казна.

Конечно, уральские заводы испытывали целый комплекс трудностей, в том числе связанных с ростом заработной платы, наличием посессионного права, накладными расходами на содержание населения и т. д. Но в итоге, при всех этих проблемах, при всей своей технической отсталости уральская металлургия была все же конкурентоспособной – за счет высокого качества железной руды. Ей не давала развиваться коррупция, скрывавшаяся за личиной «свободного рынка».

В 1866–1875 гг. на русских заводах было произведено 19,4 млн пудов рельсов, из них 14,3 млн – на передельных заводах, переплавлявших старые рельсы. 4,2 млн рельсов было произведено на Нижнесалдинском заводе, который, несмотря на неблагоприятные условия «концессионной лихорадки», все же получал небольшие частные заказы железнодорожных обществ. Но подавляющая часть частных заказов уходила за границу, в 1866–1875 гг. было импортировано 107,4 млн пудов английских и бельгийских рельсов.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что причины российской отсталости имели двойственный характер. Драйвером промышленного подъема в странах Запада было широкомасштабное железнодорожное строительство. Однако при Николае I строительство железных дорог было стеснено нехваткой средств, которые аккумулировались правительством для финансирования великодержавной политики. После смерти Николая I к власти пришли либеральные министры, делавшие ставку на привлечение иностранных капиталов. Они использовали концессионную систему, которая в условиях коррупции и отсутствия контроля превратилась в средство обогащения концессионеров путем экономии на строительных расходах.

Хотя уральские рельсы были выгоднее в эксплуатации, концессионеры приобретали дешевое английское оборудование; российская промышленность оставалась без заказов и stagnировала. После 1887 г. резкое увеличение таможенных тарифов заставило предпринимателей покупать железнодорожное оборудование в России. Началось бурное развитие российской промышленности. Уральская металлургия увеличила производство в 4 раза, показав, что она была способна к росту и в 1860-х гг. Однако порочная экономическая политика прошлого привела к тому, что упущенное время так и не удалось догнать.

Поступила 03.03.2025.

Сведения об авторе

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: металлургия, техника. Автор более 1 000 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

Submitted 03.03.2025.

About the author

Vladimir V. Zapariy – Doc. Sci. (History), Professor, Department of History of Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). Research interests: metallurgy, engineering. The author of 1 000 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9558-4173>.

E-mail: vvzap@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2409630X) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

- Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
- Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
- Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
- Индустриальное наследие России.
- «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
- Аграрная история.

1. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые, исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, отражающих специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования;

Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора);

Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки);

Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии;

Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них;

- текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

- благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

- библиографический список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5.2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

- аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителе.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

Dear colleagues!

The editorial office of the scholarly journal «Russian Journal of Economic History» (ISSN 2409630X) takes into consideration the scientific articles, analytical and bibliographic overviews, reviews.

The planned rubrics:

- The methodological choice in contemporary historical and economic researches.
- The modernization paradigms in the economic history of Russia.
- State economic policy: history, the current practice and prospects.
- Russian industrial heritage.
- «Life Story» of the provincial entrepreneurship.
- The Agrarian History.

1. Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article, it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and findings;
- Keywords (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion):

Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study;

Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection);

Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings);

Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments;

Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them;

– Text of an article is of 10–15 pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– Acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.;

– The bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5.2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets;

– Affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.